E 111/64

1891

E 111/64

2007050435

Е III/64

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

А/6 [В. 78]

В. Н. КАРАЗИНЪ

(ОСНОВАТЕЛЬ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА)

ЕГО ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Я. В. Абрамова

Съ портретомъ В. Н. Каразина, гравированнымъ
въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩ. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», В. ПОДЪЯЧ., 39.
1891

имени

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Главный ск. книжномъ магазинѣ П. Луковникова (Спб., Лештуковъ пер

Для дѣтей и юношества.

ДВА ПРОКАЗНИКА Шуточный разсказъ въ стихахъ. В. Буша. Переводъ съ 25 нѣмецк. изданія. Около 100 рис. Ц. 60 к., въ пап. 75 к., въ пер. 1 р. 25 к.

ВЪ ДОБРЫЙ ЧАСЪ! Дѣтскіе разсказы. А. Лякидэ. Съ рисунками. Ц. 75 к., въ папкѣ — 1 р., въ переплетѣ—1 р. 25 к.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ ВЪ СТИХАХЪ. А. Брянчанинова. Съ предисловіемъ Тургенева и 50 рисунками. Ц. 2 р., въ пап. 2 р. 50 к., въ переп. 3 р.

ЧЕРНЫЕ БОГАТЫРИ. Е. Конради. Съ 53 рисунк. Ц. 2 р. Въ перепл.—2 р. 75 к.

ЗАДУШЕВНЫЕ РАЗСКАЗЫ. П. Засодимскаго. Два тома съ 136 рис., цѣна важд. въ папкѣ 1 р. 50 к. Въ перепл.—2 р.

ХОРОШІЕ ЛЮДИ. В. Острогорскаго. 45 рис. Въ пап. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ИСТОРІИ. А. Арсеньева. Съ рис., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

ПОСЛУШАЕМЪ! Разсказы. А. Нольде. 28 рис. Въ папкѣ 1 р. Въ пер 1 р. 50 к

ДѢТСКІЙ МАСКАРАДЪ. Н. Азбелева. Съ 16 рис. Цѣна 20 к.

НАГЛЯДНЫЯ НЕСООБРАЗНОСТИ. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ) Ф. Павленкова. 200 рисунковъ на 10 листахъ Ц. 1 р. „Объясненіе" къ нимъ 5 к.

ТРОЙНАЯ ГОЛОВОЛОМКА. В. Обреимова. Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рисун. и 39 кастетами. Ц. 1 р.

МАТЕМАТИЧЕСКІЕ СОФИЗМЫ. 50 теоремъ, доказывающихъ, что 2×2=5, часть больше своего цѣлаго, и пр. Составилъ В. Обреимовъ. 2-е изд. Ц. 40 к.

ИСКРЫ БОЖЬИ. Біографическіе очерки А. Островинской. Цѣна 1 р. 25 к.

20 БІОГРАФІЙ ОБРАЗЦОВЫХЪ РУС. ПИСАТЕЛЕЙ Составилъ В. Острогорскій. Съ 20 портретами. 2 изд. Ц. 50 к.

СКАЗКИ ГУСТАФСОНА. Ц. 1 р. 25 к., въ пап.—1 р. 50 к., въ переп.—1 р. 75 к.

ИСТОРІЯ ОТКРЫТІЯ АМЕРИКИ. Ламе-Флёри. Съ 52 рис. 2-е изд. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РОМА КЕНСА въ сокращенномъ Л. Шелгуновой: 1) Давид фильдъ, 2) Домби и сынъ, 3 Твистъ, 4) Большія надежды общій другъ, 6) Лавка древностей, лодный домъ, 8) Николай Никль 9) Крошка Доррить. 10) Два города. Цѣ каждаго романа—40 к. Въ папкѣ 50

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІ С. Ворисгофера. Съ 73 рис. Ц. 2 Въ папкѣ 2 р. 25 к., въ пер.—2 р. 50

ЧРЕЗЪ ДЕБРИ И ПУСТЫНИ. С. Ворисгофера. Съ иллюстраціями. Ц. 2 въ пап.—2 р. 25 к., въ пер. 2 р. 75

СКАЗОЧНАЯ СТРАНА С. Ворисгофер Съ иллюстр. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 въ переп. 2 р. 75 к.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ КОНТРАБАНДИСТА. Ворисгофера. Съ иллюстрац Ц. 1 50 к., въ пап. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 25

МУЧЕНИКИ НАУКИ. Г. Тисанд Переводъ подъ ред. Ф. Павленков Съ 55 рис. Ц. 2 р. Въ пер. 2 р 50

НАУЧНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. Тисанд Пер. подъ редакціей Ф. Павленков 353 рис Ц. 2 р., въ переп.—2 р. 75

МАТЕМАТИЧЕСКІЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. Л каса Съ франц. Ц 1 р.

ВЕЧЕРНІЕ ДОСУГИ. А. Круглов Съ 70 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. к., въ перепл.—2 р.

РЫЖІЙ ГРАФЪ. НЕРАЗЛУЧНИК ДОЧЬ УГОЛЬЩИКА. П. Засодимска Съ рисун. Ц. каждой книжки по 35

ЖИВЫЯ КАРТИНКИ. А. Смирнов Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переплетѣ—2 р.

ЯНКИ ВОЛОГОДСКАГО УѢЗДА. А. Кр глова. Съ 6 рис. Ц. 25 к.

НЕЗАБУДКИ. А. Круглова. Сборни разсказовъ. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 въ папкѣ—1 р. 75 к., въ перепл.—2

ПРИКЛЮЧЕНІЯ СВЕРЧКА. Э. Ка деза. 67 рис. Ц. 2 р., въ папкѣ—2 25 к., въ переплетѣ—2 р. 50 к.

15 іюля 1891 г. Ф. Павленковъ выпуститъ дешевое изданіе сочиненій Лермонтова.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 2 марта 1891 года.

В. Каразинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Введеніе 5

ГЛАВА I.

Происхожденіе В. Н. Каразина.—Его воспитаніе и первые годы жизни до попытки бѣжать за-границу при Павлѣ I.—Попытка бѣгства, арестъ, письмо императору Павлу и освобожденіе.—Служебныя занятія 8

ГЛАВА II.

Восшествіе на престолъ Александра I.—Первое письмо Каразина къ молодому Императору.—Приближеніе Каразина къ Александру I.—Министерство народнаго просвѣщенія.—Политическія воззрѣнія Каразина.—Благоволеніе къ нему Александра I.—Секретныя порученія. 13

ГЛАВА III.

Основаніе Харьковскаго университета.—Пожертвованія дворянъ и горожанъ Харьковской губерніи.—Препятствія со стороны тогдашнихъ министровъ.—Употребленіе Каразинымъ собственныхъ средствъ на университетъ.—Отставка Каразина 34

ГЛАВА IV.

Охлажденіе Александра I къ Каразину и его причины.—Исторія съ сенатомъ.—Отношеніе къ Каразину окружающихъ императора лицъ.—Дѣятельность Каразина внѣ службы.—Попытка служить сербскому дѣлу. 48

ГЛАВА V.

Отношеніе Каразина къ крестьянскому вопросу.—Устройство принадлежащихъ ему населенныхъ имѣній.—Заступничество крестьянъ.—Каразинъ-крѣпостникъ 57

ГЛАВА VI.

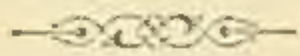
Каразинъ, какъ ученый и хозяинъ.—Филотехническое общество . 69

ГЛАВА VII.

Письма къ Александру I и Записка 1820 г.—Арестъ и высылка въ имѣніе.—Письмо къ императору Николаю 81

ГЛАВА VIII.

Послѣдній періодъ жизни и смерть Каразина.—Вопросъ о памятникѣ 91



*

Пособіями при составленіи біографіи В. Н. Каразина служили:

1. *Г. П. Данилевскій.* Украинская старина. Харьковъ. 1866.
2. „*Русская Старина*". 1870 г., кн. 3. 1871 г., кн. 6 и 7. 1872 г., кн. 9. 1873 г., кн. 2, 3 и 4. 1875 г., кн. 2 и 5. Разные документы и мелкія замѣтки, касающіяся жизни и дѣяній В. Н. Каразина.
3. „*Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей*". 1866 г., № 3.
4. „*Современная Лѣтопись*", 1865 г., № 16.
5. „*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*". 1872 г., № 1 и 2; 1873, № 2. Воспоминанія Лавровскаго объ основаніи Харьковскаго университета.
6. „*Русская Старина*", 1875 г., кн. 4, 9, 10 и 11. Воспоминанія объ основаніи Харьковскаго университета.
7. *Сухомлиновъ.* Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи при Александрѣ I.
8. *Пыпинъ.* Общественное движеніе при Александрѣ I. 1871 г.
9. *В. И. Семевскій.* Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и XIX вв.

ВВЕДЕНІЕ.

Огромнѣйшему большинству нашего образованнаго общества Василій Назаровичъ Каразинъ неизвѣстенъ даже по имени. Здѣсь мы имѣемъ одинъ изъ самыхъ выразительныхъ примѣровъ несправедливости исторіи. Въ то время какъ отъ эпохи, въ которую жилъ В. Н. Каразинъ, въ памяти потомства остались имена множества ничтожныхъ людей, которые сдѣлались историческими дѣятелями исключительно въ силу какихъ-либо случайныхъ причинъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ ихъ личнымъ качествамъ, и, нашумѣвъ на исторической сценѣ, въ сущности прошли совершенно безслѣдно для жизни русскаго общества и русскаго народа,—личность, выдающаяся во всѣхъ отношеніяхъ своими блестящими качествами, человѣкъ, стоявшій по научнымъ познаніямъ и идеямъ на цѣлый вѣкъ впереди своего времени, дѣятель, оставившій глубокій слѣдъ въ русской жизни, образецъ необычайной нравственной высоты, смѣлости и прямоты, совершенно неизвѣстныхъ въ тѣхъ сферахъ, въ которыхъ онъ вращался, человѣкъ, смѣло говорившій царямъ правду, которая до сихъ поръ не можетъ увидѣть свѣта иначе, какъ съ пропусками и урѣзками,—такой человѣкъ остается совершенно забытымъ для общества. Въ любой европейской странѣ такому человѣку давно былъ бы поставленъ памятникъ, его имя стояло бы на надлежащемъ мѣстѣ въ исторіи, его личность, мнѣнія и дѣятельность послужили бы предметомъ многочисленныхъ историческихъ работъ, его біографія, наконецъ, сдѣлалась бы настольною книгою каждаго гражданина. У насъ же даже имя этого человѣка неизвѣстно. Въ самомъ дѣлѣ,

многіе-ли изъ читателей настоящей книги могутъ сказать, что они не то что имѣютъ какое-либо понятіе о В. Н. Каразинѣ, но хотя бы слышали его имя? Увы! такихъ найдется не много...

Но что говорить о массѣ общества, когда наши присяжные историки до сихъ поръ оставляютъ личность В. Н. Каразина въ совершенномъ пренебреженіи. Не странно-ли, въ самомъ дѣлѣ, что мы доселѣ не имѣемъ мало-мальски связнаго біографическаго очерка, хотя бы чисто внѣшняго, посвященнаго этой замѣчательной личности. Чьихъ біографій мы только не имѣемъ? В. Н. Каразинъ, оказывается, до сихъ поръ не заслужилъ чести имѣть хоть кое-какую біографію ни какъ ученый, ни какъ общественный дѣятель, хотя въ обоихъ отношеніяхъ онъ представлялъ собою выдающееся явленіе. Этого мало. Игнорированіе историками В. Н. Каразина идетъ еще далѣе. Въ извѣстномъ капитальномъ трудѣ А. Н. Пыпина, «Общественное движеніе при Александрѣ I», совсѣмъ не упоминается даже имени В. Н. Каразина, хотя онъ, какъ увидитъ читатель изъ настоящей книги, игралъ весьма крупную роль въ періодъ развитія просвѣтительныхъ и освободительныхъ стремленій Александра I. Такая несправедливость историковъ по отношенію къ В. Н. Каразину станетъ еще болѣе обидною, когда мы примемъ во вниманіе, что въ единственномъ историческомъ изслѣдованіи, въ которомъ удѣлено большее или меньшее вниманіе В. Н. Каразину, (*В. И. Семевскій*. Крестьянскій вопросъ въ Россіи. Спб. 1888 г.), онъ представленъ въ довольно неблаговидномъ свѣтѣ. Его попытка облегчить участь своихъ крестьянъ выставлена чуть не своекорыстнымъ дѣломъ, а исторія, изъ-за которой онъ попалъ въ 1820 г. въ Шлиссельбургскую крѣпость, изложена въ томъ смыслѣ, что В. Н. Каразинъ предлагалъ себя чуть не въ добровольные шпіоны правительству. Читатель убѣдится изъ нашего очерка, насколько несправедливо такое отношеніе историка къ этой замѣчательной личности.

Составить полную, обстоятельную біографію В. Н. Каразина, при тѣхъ матеріалахъ, которые имѣются въ печати въ настоящее время, невозможно. О личной жизни Каразина мы, можно сказать, не имѣемъ никакихъ данныхъ. Даже относительно его общественной дѣятельности данныя слишкомъ часто отрывочны и неполны. Тѣмъ не менѣе, сводъ и тѣхъ данныхъ, которыя уже опубликованы, рисуетъ предъ нами глубоко симпатичную и выдающуюся во всѣхъ отношеніяхъ личность и даетъ возможность нѣсколько

пополнить пробѣлъ, существующій въ историческихъ работахъ, посвященныхъ эпохѣ, въ которую жилъ В. Н. Каразинъ.

Приступая къ составленію настоящаго очерка, мы не задавались цѣлью создать такъ называемый «солидный трудъ». Подобная работа выходила бы за предѣлы нашей задачи и не соотвѣтствовала бы рамкамъ, поставленнымъ для цѣлаго изданія, въ которое нашъ этюдъ входитъ, какъ часть. Мы имѣли въ виду лишь дать популярный, біографическій очеркъ человѣка, столь несправедливо забытаго нашимъ обществомъ и нашею историческою наукою, и тѣмъ привлечь ихъ вниманіе къ этой оригинальной личности и видному дѣятелю нашей прошлой жизни.

При нашей работѣ мы пользовались исключительно печатными источниками. Есть много указаній на матеріалы для біографіи В. Н. Каразина, хранящіеся въ правительственныхъ и частныхъ архивахъ. Въ «Украинской Старинѣ» Г. П. Данилевскаго говорится о многотомныхъ «Запискахъ» В. Н. Каразина, которыя предполагалось издать еще въ 60-хъ годахъ, но которыя доселѣ не появились на свѣтъ. Тотъ спеціалистъ-историкъ, который рано или поздно возьмется за составленіе полной біографіи В. Н. Каразина, безъ сомнѣнія, соберетъ всѣ эти рукописные матеріалы и, пользуясь ими, дастъ намъ жизнеописаніе этого замѣчательнаго человѣка, вполнѣ достойное его выдающихся качествъ и своеобразной роли, сыгранной имъ въ русской жизни.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Происхожденіе В. Н. Каразина.—Его воспитаніе и первые годы жизни до попытки бѣжать за-границу при Павлѣ I.—Попытка бѣгства, арестъ, письмо императору Павлу и освобожденіе. Служебныя занятія.

О дѣтствѣ Василія Назаровича Каразина не сохранилось рѣшительно никакихъ свѣдѣній. Объ юношескихъ годахъ его имѣются только отрывочныя извѣстія.

По происхожденію Каразинъ былъ грекъ или сербъ. Самъ онъ, повидимому, считалъ себя сербомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ говоритъ въ запискѣ, представленной въ 1804 г. князю Чарторижскому по поводу сербскаго возстанія, —запискѣ, о которой мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Но едва-ли не вѣрнѣе считать его предковъ греками. Это была дворянская фамилія Караджи. Семейство Караджи переселилось въ Россію при Петрѣ I. Родоначальникъ этого семейства, Григорій Караджи, былъ архіепископомъ г. Софіи, нынѣшней столицы Болгаріи. Онъ былъ прадѣдомъ Василія Назаровича Каразина. Дѣдъ послѣдняго, Александръ Григорьевичъ, умеръ капитаномъ русской гвардіи. Сынъ его, Назаръ Александровичъ Каразинъ, также служилъ въ военной службѣ, былъ въ 1767 г., предъ началомъ турецкой войны, представленъ Екатеринѣ II, какъ опытный инженерный офицеръ, и получилъ порученіе отправиться секретно въ Турцію для снятія плановъ крѣпостей. Исполняя это порученіе, онъ былъ пойманъ въ Адріанополѣ и едва избѣжалъ участи быть посаженнымъ на колъ, успѣвъ убѣжать изъ заключенія. Въ Россію онъ вернулся не только со свѣдѣніями, которыя ему было поручено добыть, но еще съ 3,000 арнауговъ, оставившихъ Турцію. Сдѣланныя на-

чальникомъ этихъ арнаутовъ. Назаръ Каразинъ пошелъ съ ними во главѣ русской арміи, выступившей противъ турокъ: въ 1768 г. напалъ на Бухарестъ, выгналъ отсюда турецкое войско и плѣнилъ валахскаго господаря, Григорія Гику, съ братомъ, сыномъ и придворными; въ 1770 г. подвергся нападенію 7.000 турокъ близъ Бухареста, причемъ почти всѣ его арнауты пали и онъ спасся всего съ нѣсколькими человѣками. Въ то время онъ уже былъ полковникомъ. Въ этомъ чинѣ онъ и вышелъ въ отставку, получивъ въ награду отъ Екатерины населенныя имѣнія въ Харьковской и Московской губерніяхъ. Женатъ онъ былъ на дочери сотника Харьковскаго полка, Ковалевскаго.

Эти чрезчуръ даже краткія свѣдѣнія о происхожденіи и предкахъ В. Н. Каразина даютъ однако право заключить, что тѣ стремленія и идеи, которыя обнаруживалъ впослѣдствіи этотъ замѣчательный человѣкъ, были даны ему всего менѣе его семьею. Единственное, что могла влушить ему семья, это стремленіе къ военной службѣ, обнаружившееся въ Каразинѣ, какъ увидимъ сейчасъ, еще тогда, когда онъ былъ ребенкомъ, но ослабѣвшее и вытѣсненное совсѣмъ другими стремленіями, лишь только онъ сталъ жить сознательною жизнью.

Родился Василій Назаровичъ Каразинъ 30 января 1773 года въ имѣніи отца, селѣ Кручикъ, Краснокутскаго коммисаріатства, теперь Богодуховскаго уѣзда, Харьковской губерніи.

Первоначальное воспитаніе онъ получилъ сперва въ Кременчугскомъ, а затѣмъ въ Харьковскомъ частныхъ пансіонахъ. Во время пребыванія въ послѣднемъ, будучи 11-ти-лѣтнимъ ребенкомъ, Каразинъ, во время проѣзда черезъ Харьковъ графа Румянцова-Задунайскаго, явился къ нему и заявилъ ему о своемъ желаніи поступить въ военную службу. Отецъ его въ это время только-что умеръ, и Румянцевъ, знавшій Назара Каразина, отнесся внимательно къ его малолѣтнему сыну, причемъ, по обычаю того вѣка, записалъ ребенка въ кирасирскій орденскій полкъ, шефомъ котораго былъ самъ.

Въ чемъ состояло ученье Каразина въ пансіонахъ, намъ неизвѣстно. Содержатели пансіоновъ были, повидимому, люди весьма почтенные и вліяли на своего питомца благотворно. Каразинъ впослѣдствіи вспоминалъ о нихъ въ теплыхъ выраженіяхъ.

Каразину не было еще 18 лѣтъ, когда онъ поступилъ на дѣйствительную службу сержантомъ въ лейбъ-гвардейскій Семе-

новскій полкъ. Служба тогдашнихъ гвардейцевъ оставляла имъ много свободнаго времени; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ было предоставлено вообще много свободы. Каразинъ воспользовался этими обстоятельствами для того, чтобы получить серьезное высшее образованіе и ознакомиться съ Россіей. Вскорѣ онъ и совсѣмъ вышелъ въ отставку, чтобы имѣть больше возможности заниматься наукою. Къ тому же военная служба мало гармонировала съ его характеромъ и стремленіями. Онъ регулярно посѣщалъ лучшее изъ тогдашнихъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній — горный корпусъ, и здѣсь, подъ руководствомъ профессоровъ и самостоятельно, пріобрѣлъ столь обширныя познанія по всѣмъ важнѣйшимъ отраслямъ естествознанія, что они служили впослѣдствіи предметомъ изумленія, а порою и зависти для спеціалистовъ. Химія, физика, ботаника, метеорологія — въ этихъ областяхъ естествознанія онъ чувствовалъ себя какъ дома, на сколько это было возможно при тогдашнемъ развитіи естественно-научныхъ знаній. Медицинскія познанія составляли также предметъ его пристрастія. Математическая подкладка лежала въ основѣ его образованія. Онъ прекрасно зналъ также языки латинскій, нѣмецкій и французскій. Рано начавъ интересоваться общественными вопросами, Каразинъ ознакомился со всѣмъ важнѣйшимъ, что тогда имѣлось во всемірной литературѣ по этимъ вопросамъ. Но главнымъ предметомъ его занятій въ первый періодъ жизни, какъ и позднѣе, въ періодъ долгаго пребыванія въ деревнѣ, было естествознаніе. Ниже мы увидимъ, какое важное значеніе придавалъ онъ естественнымъ наукамъ. Теперь же сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній о тогдашнихъ занятіяхъ Каразина. Вѣроятно, именно въ это время, ему пришлось ознакомиться со священнымъ писаніемъ, знаніемъ котораго онъ впослѣдствіи иногда щеголялъ. Чтобы пополнить свое образованіе, Каразинъ рѣшился ознакомиться съ состояніемъ своего отечества и для этого совершилъ путешествіе по Россіи, объѣздивъ многія губерніи.

Мы упомянули, что Каразинъ рано началъ интересоваться общественными вопросами. Впослѣдствіи мы увидимъ, каковы были его взгляды на важнѣйшія явленія общественной жизни. Здѣсь же замѣтимъ, что даже значительно позднѣе, когда горькій опытъ долженъ былъ бы многому научить и умудрять Каразина, онъ оставался крайнимъ идеалистомъ. Собственно говоря, онъ оставался идеалистомъ, равно какъ и пылкимъ энтузіастомъ, до самой

своей смерти. Можно представить себѣ, какое впечатлѣніе должны были производить на молодого идеалиста и энтузіаста порядки, наступившіе при восшествіи на престолъ императора Павла. Тотъ паническій ужасъ, который охватилъ тогда все общество, особенно сильно подѣйствовалъ на впечатлительнаго Каразина. Подъ вліяніемъ этого ужаса онъ вышелъ въ отставку и рѣшился уѣхать заграницу. По указу Павла, паспорта для заграничныхъ поѣздокъ выдавались только по Высочайшему повелѣнію. Каразинъ обратился съ просьбою къ императору о дозволеніи ему ѣхать заграницу, причемъ указалъ, какъ на цѣль своей поѣздки, на желаніе учиться. Желаніе это конечно всего менѣе было понятно Павлу и не заслуживало ни малѣйшаго уваженія въ его глазахъ, а скорѣе должно было сдѣлать Каразина подозрительнымъ въ глазахъ государя, воспретившаго ввозъ изъ-за границы всѣхъ книгъ и рѣшившагося отдѣлить Россію отъ Европы своего рода китайской стѣной. Само собою разумѣется, что на свою просьбу Каразинъ получилъ отказъ, и тогда онъ задумалъ просто бѣжать заграницу. Это оказалось однако не такъ-то легко привести въ исполненіе, потому что Павелъ, воспретивъ своимъ подданнымъ выѣздъ за границу, оцѣпилъ ее войсками, и нашъ бѣглецъ былъ схваченъ на границѣ разъѣздомъ драгунъ и доставленъ арестованнымъ въ Ковно. Каразинъ хорошо понималъ, какая участь его ожидаетъ. Къ этому времени царствованіе Павла уже ознаменовалось цѣлымъ рядомъ дѣяній, не оставлявшихъ для Каразина никакого сомнѣнія въ томъ, что ему не избѣжать позорной «кобылы». И вотъ, находясь въ такомъ положеніи, бѣглецъ пишетъ изъ-подъ ареста Павлу письмо, которое представляетъ собою любопытнѣйшій образчикъ обращенія безсильнаго узника къ всемогущему повелителю. Указавъ на то, что онъ — преступникъ «не противу чести, совѣсти, религіи и отечественныхъ законовъ», а только противъ «повелѣній» императора Павла и что лично онъ «не имѣлъ никакой нужды спасаться бѣгствомъ», которое будетъ «загадкою» для его слѣдователей, Каразинъ объяснилъ причину своего бѣгства въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„*Я желалъ укрыться отъ твоего правленія, страшась его жестокости.* Многіе примѣры, разнесенные молвою на пространствѣ царства твоего, молвою вѣроятно удесятеренные, гроздли моему воображенію день и ночь. Я не зналъ за собою вины. Въ уединеніи сельской жизни не могъ я имѣть ни случаевъ, ниже поводовъ оскорбить тебя: но свободный образъ моихъ мыслей могъ быть уже преступленіемъ"...

Павлу конечно не часто приходилось получать подобныя письма; вѣрнѣе, ему въ первый и едва-ли не послѣдній разъ пришлось услышать такое категорическое обвиненіе въ жестокости, которая заставляла и людей невинныхъ страшиться за свою участь. Онъ былъ пораженъ, и подвергая за гораздо меньшія вины людей смертной казни или ссылкѣ, на этотъ разъ не только не подвергъ никакому наказанію дерзкаго подданнаго, но еще захотѣлъ показать ему свою милость. Онъ потребовалъ Каразина къ себѣ, и когда того привезли, сказалъ ему: «Я докажу тебѣ, молодой человѣкъ, что ты ошибаешься! Скажи, при комъ ты хочешь находиться?» Хотя Каразинъ и не изъявлялъ желанія служить при комъ-либо, но, очевидно, въ это время было не до противорѣчій, и онъ указалъ на одного изъ тогдашнихъ сановниковъ, окружавшихъ Павла,—Троицкаго. Къ послѣднему онъ и былъ опредѣленъ на службу. Въ формулярѣ его по этому поводу значится: «Произведенъ при опредѣленіи, по Высочайшему повелѣнію, къ статскимъ дѣламъ, въ канцелярію государственнаго казначейства и главнаго медицинской коллегіи директора, коллежскимъ переводчикомъ».

Попавъ при такихъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ на службу, Каразинъ имѣлъ возможность избрать для себя занятія по своему выбору. Онъ выразилъ желаніе и получилъ разрѣшеніе работать въ архивахъ — иностранныхъ дѣлъ и разряднаго — въ Петербургѣ и Москвѣ для собиранія матеріаловъ по исторіи Россіи вообще и въ особенности исторіи финансовъ и медицины. Повидимому матеріалы эти, переданные Каразинымъ государственному казначею, не получили никакого употребленія, но за собираніе ихъ Каразинъ получилъ чинъ коллежскаго ассессора.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Восшествіе на престолъ Александра I.—Первое письмо Каразина къ молодому Императору. Приближеніе Каразина къ Александру I. Министерство народнаго просвѣщенія.—Политическія воззрѣнія Каразина. Благоволеніе къ нему Александра I.—Секретныя порученія.

Въ 1801 году совершились извѣстныя событія, прекратившія царствованіе императора Павла и возведшія на престолъ Александра I.

Конецъ царствованія Павла былъ крайне мраченъ; жизнь общества была совершенно сдавлена; безопасность каждаго сдѣлалась до того необезпеченною, что перемѣна царствованія, невзирая на средство, которымъ она была произведена, вызвала общую радость. Едва-ли оставался человѣкъ, не исключая даже лицъ наиболѣе приближенныхъ къ покойному императору, который не былъ бы обрадованъ прекращеніемъ невыносимаго положенія вещей, царившаго особенно въ послѣдній періодъ царствованія Павла. Въ эту печальную эпоху никто, ложась спать, не былъ увѣренъ въ томъ, что онъ встанетъ съ постели по своей волѣ, а не по волѣ грубаго насилія, и что ему не придется на другой день отправляться въ Сибирь или идти на эшафотъ. Дѣло доходило до того, что гвардейскіе офицеры всегда носили съ собою запасъ денегъ, чтобы не быть застигнутыми въ расплохъ, когда имъ неожиданно прикажутъ садиться въ телѣгу и отправляться въ Сибирскія рудники. Короткое царствованіе Павла положительно переполнено арестами, разжалованіями, ссылками, казнями на площадяхъ, и все это почти всегда обрушивалось на людей совершенно ни въ чемъ неповинныхъ, оговоренныхъ, вызвавшихъ гнѣвъ монарха какимъ-нибудь мелочнымъ несоблюденіемъ субординаціи и страннаго, введеннаго Павломъ, этикета, или просто

показавшихся чѣмъ либо подозрительными. Это былъ тяжелый, мучительный кошмаръ, тяготѣвшій надъ всѣми и каждымъ, и не дававшій буквально никому вздохнуть свободно. Дѣло дошло до того, что даже наслѣдникъ престола, будущій императоръ, оказался подозрительнымъ и долженъ былъ дрожать за свою участь. Что же удивительнаго послѣ этого, если прекращеніе такого ужаснаго положенія вещей вызвало общія горячія ликованія? Общество почувствовало себя освобожденнымъ отъ тяжкихъ ужасовъ и беззавѣтно отдалось радости, вызванной чувствомъ избавленія отъ грозной опасности и тысячи мелочныхъ и нелѣпыхъ стѣсненій (вродѣ запрещенія извѣстнаго рода экипажей, круглыхъ шляпъ, сапогъ съ отворотами, прически à la Titus, запрещенія употребленія нѣкоторыхъ словъ *) и т. п.), несоблюденіе которыхъ могло однако стоить всю жизнь человѣка. Общая радость была такъ велика, что увлекла даже людей вродѣ Державина, который неожиданно для всѣхъ разразился стихами, выразившими весьма рельефно тогдашнее настроеніе общества.

Общее ликованіе было вызвано не только прекращеніемъ ужаснаго режима, но и восшествіемъ на престолъ личности съ такими качествами, какими отличался молодой Александръ I. Конечно современники событій, о которыхъ мы говоримъ, въ силу контраста, представлявшагося личностями Павла и Александра, могли быть склонны преувеличивать прекрасныя качества послѣдняго, рисовавшагося имъ въ роли освободителя отъ мучительнаго кошмара и уже въ силу этого казавшагося для нихъ истиннымъ ангеломъ; но и мы, далекіе потомки этихъ современниковъ, спокойно оцѣнивая событія и людей того времени, должны признать, что въ исторіи Европы было немного монарховъ, которые всходя на престолъ, были бы проникнуты такими благородными стремленіями и чувствами, какъ Александръ I. Воспитанникъ суроваго республиканца Лагарпа, Александръ, при вступленіи своемъ на престолъ, жаждалъ насадить въ своемъ государствѣ сво-

*) 1797 г. было запрещено употребленіе словъ: обозрѣніе (вмѣсто него повелѣно употреблять «осмотрѣніе»), врачъ (вмѣсто него «лекарь»), выполненіе (исполненіе), пособіе (помощь), преслѣдованіе (посланной (?) въ погоню), сержантъ (унтеръ-офицеръ), граждане (жители или обыватели), отечество (государство) приверженность (привязанность или усердіе), стража (караулъ), степень (классъ), отрядъ (деташементъ или команда); слово «общество» совсѣмъ изгонялось изъ русскаго языка—безъ замѣны какимъ либо другимъ.

боду и сдѣлать счастливыми всѣхъ своихъ подданныхъ. Къ тому-же онъ слишкомъ близко видѣлъ на примѣрѣ своего отца, къ чему ведетъ противоположная система. Помимо убѣжденій, внушенныхъ воспитателемъ и подкрѣпленныхъ примѣромъ дѣйствительности, на тотъ-же путь работы для блага своего государства и народа, или вѣрнѣе всего человѣчества, Александра толкали и его личныя, въ высокой степени благородныя качества. Какъ личность, Александръ производилъ самое обаятельное впечатлѣніе, и всѣ, кто имѣлъ возможность вступать съ нимъ, въ годы его молодости, въ личныя отношенія, былъ глубоко очарованъ имъ. Въ исторіи имѣется мало примѣровъ того необычайнаго великодушія, которое проявлялъ Александръ I по отношенію къ своимъ политическимъ врагамъ и измѣнчивымъ друзьямъ (Наполеонъ, Францъ, Фридрихъ Вильгельмъ), и того постояннаго мужества, съ которымъ онъ велъ борьбу съ Наполеономъ, не взирая на всевозможныя неудачи, до тѣхъ поръ пока не побѣдилъ этого колоссальнаго разбойника. Извѣстно глубокое огорченіе Александра, когда онъ встрѣтилъ на первыхъ же порахъ препятствія осуществленію своего желанія освободить себя отъ бремени неограниченной власти. Извѣстны также его симпатіи къ крѣпостнымъ крестьянамъ и его желаніе освободить ихъ. Не наше дѣло останавливаться на выискиваніи причинъ, въ силу которыхъ это необычайное соединеніе передовыхъ убѣжденій и столь благородныхъ личныхъ качествъ въ лицѣ могущественнаго монарха, слово котораго являлось непреложнымъ закономъ, не привело къ осуществленію и незначительной доли тѣхъ ожиданій, которыя возлагали на Александра I его современники, когда онъ всходилъ на престолъ послѣ мрачнаго царствованія Павла. Мы хотѣли указать только, что самыя пылкія ожиданія современниковъ имѣли полное основаніе въ личныхъ качествахъ Александра и характерѣ его убѣжденій и стремленій.

Если восшествіе на престолъ Александра I взволновало даже такаго «стараго воробья», какимъ былъ Державинъ, то понятно, во сколько разъ болѣе сильное впечатлѣніе это событіе должно было произвести на такого пылкаго энтузіаста и идеалиста, какимъ былъ Каразинъ, имѣвшій въ это время всего 27 лѣтъ отъ роду. Впечатлѣніе это выразилось въ поступкѣ, который людямъ положительнымъ могъ показаться сумасброднымъ, но который не показался таковымъ прекрасному юношѣ, вызвавшему своею лич-

ностью это сумасбродство. Пользуясь суматохою, царившею во дворцѣ въ первое время по воцареніи Александра I, Каразинъ, во время одного изъ придворныхъ церемоніаловъ, пробрался въ кабинетъ императора и тамъ оставилъ на столѣ письмо на имя государя. Послѣдній прочиталъ письмо и пришелъ въ восторгъ какъ отъ тѣхъ идей, которыя высказывались въ письмѣ, такъ и отъ его пылкаго и задушевнаго тона. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ это письмо не могло быть напечатано безъ пропусковъ, хотя, казалось-бы, теперь оно имѣетъ значеніе исключительно историческое. Мы остановимся на содержаніи этого письма подробнѣе, такъ какъ оно съ одной стороны служило исходною точкою отношеній Каразина къ Александру I, а съ другой даетъ богатый матеріалъ для характеристики тогдашняго умонастроенія Каразина, его идей и стремленій.

„Государь! писалъ Каразинъ: Ты царствуешь надъ сорока милліонами человѣкъ, искони пріобыкшихъ чтить власть, внѣ которой они не могутъ представить себѣ блаженства. Одного взора ихъ царей часто *довольно*, чтобы разлить повсемѣстную радость и, конечно, *одного величія*,—*чтобы устроить счастье*, какимъ только можетъ человѣкъ наслаждаться на землѣ“...

Указавъ затѣмъ на то, что Россія по своей величинѣ, по естественнымъ богатствамъ представляетъ собою единственное въ мірѣ государство и является также единственнымъ по условіямъ, благопріятствующимъ благодѣтельной дѣятельности монарха, отмѣтивъ наконецъ, что, по тогдашнему состоянію Европы, данное время наиболѣе удобно для возведенія Россіи на верхъ славы и блаженства (слова манифеста при восшествіи Александра I на престолъ), Каразинъ переходитъ къ перечню ожиданій, которыя онъ возлагаетъ на молодого государя *).

„Безъ сомнѣнія, нашъ Александръ, другъ людей, вѣдаетъ, что *довѣренность къ правительству*, утверждаемая извѣстностью *непремѣнныхъ* его началъ, *одна* рождаетъ взаимную довѣренность гражданъ между собою; что она есть жизнь промысловъ, мать общественныхъ добродѣтелей и источникъ благоденствія.

„Съ довѣренностью къ правительству на одной степени поставитъ онъ *вѣру къ правосудію*. Безъ нихъ обѣихъ почтенныя слова: *гражданинъ*, *отечество* суть пустые звуки на языкѣ отечественномъ!

„Онъ презритъ новыхъ лжеполитиковъ, утверждающихъ, якобы частныя неправды не обращаются обществу во вредъ; якобы для государства „все равно, какъ ни переходитъ собственность изъ рукъ въ

*) Начало этихъ пожеланій, въ размѣрѣ 54 строкъ „Русской Старины“, гдѣ напечатано настоящее письмо Каразина, доселѣ не увидѣло свѣта.

руки". Предоставивъ весь судъ *избраннымъ изъ народа*, онъ удалитъ ихъ отъ соблазновъ, не законами, безмѣстными *по необходимости*, но доставленіемъ судьямъ избыточнаго содержанія, соразмѣрнаго ихъ безкорыстію и соревнованію объ общей пользѣ. На сей конецъ подчинитъ онъ судей *общественному мнѣнію*. Оно всегда было болѣе безпристрастно, болѣе неумолимо, нежели высшія инстанціи, нерѣдко движимыя *одинаковыми же* началами на вящее посрамленіе законовъ!..

„Онъ положитъ единожды навсегда твердое основаніе государственному достоянію: изочтетъ богатства своихъ обширныхъ владѣній; опредѣлитъ возможности и повинности подданныхъ *по неподвижному размѣру, измѣненіямъ отъ прилива и отлива изобразительныхъ знаковъ богатства неподверженномъ*"...

„Не поводы къ новымъ налогамъ велитъ онъ изобрѣтать для безконечнаго умноженія *мнимыхъ* доходовъ: но съ благоволеніемъ приметъ тѣ мѣры, кои клониться будутъ къ уменьшенію издержекъ. И симъ *вѣрнѣйшимъ* путемъ, сопровождаемый благословеніями гражданъ, трудящихся въ потѣ лица, достигнетъ онъ до постояннаго *избытка государственнаго*, которымъ ни одна держава похвалиться еще не могла.

„Онъ ограничитъ особливо издержки, которыя не служатъ къ пользѣ имперіи и не возвышаютъ на самомъ дѣлѣ блеска вѣнца его, уменьшитъ дворъ свой: изженетъ изъ него толпы ласкателей и прислужниковъ, безстыдно мечтающихъ, что достояніе имперіи имъ принадлежитъ и что они преимущественное имѣютъ право на милости государя по одному тому, что случай поставилъ ихъ близъ его особы.

„Онъ ограничитъ суетную *любознательность*—сіе желаніе украшать улицы и площади столицъ, когда все прочее государство представляетъ еще безкровныя хижины. Не художества призоветъ онъ въ помощь для сооруженія себѣ памятниковъ: но въ премудрости своихъ учрежденій и въ любви народной найдетъ ихъ: онѣ несокрушаемы временемъ и не одно удивленіе праздного любопытства возбуждаютъ, но почтеніе всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ.

„Самыя художества не будетъ онъ покровительствовать прихотливо и внутри лишь чертоговъ своихъ, съ условіемъ, чтобъ они плачали ему лестью; но дѣйствительно ободритъ ихъ, *умноживъ общее благосостояніе и разрѣшивъ узы ума и таланта*.

„Вообще онъ будетъ дорожить произведеніемъ кроваваго пота подданныхъ, посвященнымъ на пользу общую; и моральное благосостояніе будетъ его первѣйшимъ предметомъ".

„Какъ наисовершеннѣйшіе законы останутся безполезными въ народѣ развращенномъ и чуждыми смысла въ народѣ невѣждѣ, то безъ сомнѣнія обратитъ онъ всю свою внимательность на *воспитаніе* подданныхъ, соотвѣтственно мѣстнымъ и личнымъ потребностямъ каждаго.

„Духовенство употребится на просвѣщеніе народа, и на сей конецъ предварительно само будетъ просвѣщено: учредятся для него гимназіи, удаленныя отъ тяжелыхъ началъ древней схоластики, и отличія предоставятся не тѣмъ изъ проповѣдниковъ слова Божія, которые съ поэтическимъ восторгомъ станутъ величать государя въ городскихъ храмахъ, но тѣмъ, которые докажутъ опытами вліяніе, какое они имѣли на благонравіе своихъ паствъ, которые, учредивъ училища, дѣл-

постно преподавать въ нихъ будутъ чистое ученіе Христово и своимъ примѣромъ наставлять должностямъ человѣка и гражданина".

„Еще подѣйствуетъ онъ на нравственность состояній, называемыхъ *послѣдними*. Онъ обезпечитъ права человѣчества въ *помѣщичьихъ крестьянахъ*; введетъ у нихъ собственность, поставитъ предѣлы ихъ зависимости. Онъ заселитъ мало-по-малу пространныя степи Россіи, не насильно исторгая семейства изъ домовъ ихъ и переселяя скоропостижно за цѣлыя тысячи верстъ, въ страны, по своей одной безвѣстности уже страшныя для нихъ и дѣйствительно смертоносныя по чрезвычайному различію климатовъ; но изъ сосѣдственныхъ, населеннѣйшихъ мѣстъ вызывая и ободряя наградами и льготою.

„Безводные, но впрочемъ тучные кряжи благословенныхъ климатовъ будетъ онъ умѣть содѣлать обитаемыми и превратить въ цвѣтущіе сады, проводя каналы изъ сосѣдственныхъ рѣкъ, обращая въ пользу пространныя озера или одѣвая неподоволь отлогости горъ лѣсомъ. Неужели однѣ только пресыщенныя столицы имѣютъ право на подобныя симъ издержки правительства?"

„Онъ назначитъ торжественныя награды для поселянъ, кои отличаются или рѣдкими примѣрами благонравія, или трудолюбіемъ, или введеніемъ новыхъ предметовъ земледѣлія или промышленности".

„Рукодѣлія возбуждать онъ станетъ не самовластнымъ *внезапнымъ* запрещеніемъ ввоза иностранныхъ произведеній; но привилегіями, данными мануфактурамъ и фабрикамъ, и въ особенности снятіемъ стѣснительныхъ налоговъ, отнимающихъ охоту заводить новыя".

„Для внутренней и внѣшней торговли, для совершенія великаго подвига законодательства, онъ конечно потщится сохранить миръ съ державами... Не имѣетъ-ли онъ надежнѣйшихъ способовъ содержать всѣ дворы въ почтеніи къ себѣ, не преклоняясь ни на чью сторону? Находитъ-ли по нынѣшнему положенію своего государства, по его сопредѣльности, по его силамъ, малѣйшія причины или выгоды входить въ раздоры ихъ? Населеніе Россіи, *въ умѣ еще находящейся*, таково-ли, чтобы жертвовать людьми безъ *крайнѣйшей* необходимости?. Если Всевышній мститъ человѣкоубійствомъ и другими гнусными слѣдствіями войны, если ему угодно, чтобы когда-либо существовала истинно-христіанская держава, то сей предметъ удобнѣе всего въ Россіи и въ царствованіе Александрово".

„Въ счастливое сіе время вооруженная сила не останется безделешою... По примѣру римлянъ, которые, выше всего ставя воинское ремесло, не сомнѣвались однакожъ производить воинами общественныя работы, строить славные свои водоводы и свои дороги; по примѣру нѣкоторыхъ европейскихъ государей, кои въ новѣйшія времена предпринимали такіе же опыты, и въ числѣ ихъ самого основателя сей столицы, обезпечившаго продовольствіе ея Ладожскимъ каналомъ, станетъ онъ употреблять по очереди часть мощныхъ нашихъ ратниковъ, съ младенчества привыкшихъ къ повиновенію и трудамъ, на государственныя работы... Откроются повсюду водяныя и сухопутныя сообщенія, рѣки сдѣлаются судоходными, болота превратятся въ плодоносныя долины... Между тѣмъ и границы имперіи не останутся безъ защищенія, и русская сила будетъ всегда въ виду и въ понятіи у непріятелей".

Перечень своихъ ожиданій отъ Александра I, Каразинъ заканчиваетъ слѣдующими словами:

„Народы всегда будутъ то, что угодно правительствамъ, чтобъ они были. Царь Иванъ Васильевичъ хотѣлъ имѣть безотвѣтныхъ рабовъ, съ нимъ подлыхъ, между собою жестокосердыхъ: онъ имѣлъ ихъ. Петръ желалъ видѣть насъ подражателями иностранцевъ: къ несчастью, мы съ излишествомъ такими стали. Премудрая Екатерина начала образовывать *россіянъ*. Александръ довершитъ великое сіе дѣло. Наслаждаясь нѣкогда плодами своей юности, онъ будетъ блаженнѣйшимъ изъ смертныхъ: и слава его, утвержденная на любви подданныхъ, переходящей изъ рода въ родъ, на всеобщемъ земныхъ племенъ почтеніи, будетъ предметомъ желаній величайшихъ монарховъ!.“.

Идеи, высказанныя въ письмѣ Каразина, были крайне симпатичны молодому государю, который въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ и въ особенности въ придворныхъ кругахъ находилъ чрезчуръ мало людей, раздѣлявшихъ его освободительныя стремленія, и еще менѣе такихъ, которые относились бы къ этимъ стремленіямъ съ горячностью молодости, какою онъ былъ проникнутъ. Правда, вокругъ Александра стояли такъ называемые «inseparables», четыре друга его юности, во многомъ сходившіеся съ нимъ и даже во многомъ вдохновлявшіе его: Чарторижскій, Строгановъ, Новосильцевъ и Кочубей. Но это были люди, всего менѣе похожіе на пылкихъ энтузіастовъ. А между тѣмъ Александру, неожиданно возведенному на самый могущественный престолъ міра, тогда какъ еще недавно онъ долженъ былъ трепетать за свою свободу, а пожалуй и жизнь и считавшему своимъ священнымъ долгомъ употребить всѣ свои силы на осуществленіе высокихъ идей, которыя онъ долженъ былъ доселѣ глубоко таить въ своей душѣ, лишь изрѣдка бурно и неожиданно высказывая ихъ личностямъ, казавшимся ему подходящими для того и тѣмъ не мало изумляя ихъ, — Александру нуженъ былъ человѣкъ, пылко преданный идеямъ, столь близкимъ сердцу и уму молодого государя, энтузіастъ, который своею восторженностью поддерживалъ бы его собственныя стремленія, идеалистъ, который жилъ бы исключительно ради своихъ идей, не заботясь о мірскихъ благахъ, домогательство которыхъ служило въ большей или меньшей степени основою дѣйствій почти всѣхъ окружающихъ Александра. И такого человѣка Александръ увидѣлъ въ авторѣ письма, быть можетъ не столько по его содержанію, сколько по восторженному тону, нашедшему близкій отзвукъ въ душѣ Александра. Въ сущности монархъ этотъ всю жизнь свою былъ мечтателемъ, и если онъ могъ понимать

и принимать близко къ сердцу и попытки Роберта Оуэна создать общество на новыхъ началахъ, и дикія фантазіи Аракчеева на счетъ земледѣльца-воина, поведшія къ созданію печальной памяти военныхъ поселеній,—то только потому, что онъ былъ мечтатель. И въ авторѣ письма онъ почувствовалъ такого-же мечтателя, какимъ былъ самъ. И онъ не ошибся.

Письмо было безъ подписи. Александръ рѣшился отыскать автора его. Случайно онъ поручилъ это дѣло тому самому Трощинскому, подъ начальствомъ котораго числился Каразинъ. Тому стоило взглянуть на почеркъ письма, чтобы узнать автора его, и онъ на другой же день привезъ во дворецъ Каразина. Встрѣча Александра съ Каразинымъ была трогательная. Александръ еще былъ всецѣло проникнутъ впечатлѣніемъ, полученнымъ отъ письма, а Каразинъ приближался къ своему государю съ чувствами, которыя не трудно представить. Александръ спросилъ Каразина:

— Ты написалъ эту бумагу?

— Я, государь! отвѣчалъ Каразинъ.

Дай обнять тебя и благодарить за благія твои пожеланія мнѣ и чувства истиннаго сына отечества! Продолжай всегда такъ чувствовать и дѣйствовать сообразно съ этими чувствами. Продолжай всегда говорить мнѣ правду! Я желалъ бы имѣть побольше такихъ подданныхъ!

И Александръ обнялъ Каразина. Растроганный Каразинъ упалъ къ ногамъ Александра и клялся говорить ему одну правду и говорить ее всегда. И онъ свято выполнилъ эту клятву, хотя впослѣдствіи правду его и не было желанія выслушивать.

Встрѣча съ Александромъ произвела глубокое впечатлѣніе на Каразина. Съ этой минуты его симпатіи къ молодому государю превратились въ самую горячую привязанность, которая сохранилась у него до самой смерти, не смотря ни на что, несмотря на Шлиссельбургскую крѣпость, въ которую Каразинъ въ концѣ концовъ попалъ за высказываніе правды «другу его души», какъ называлъ онъ Александра I въ своихъ письмахъ къ нему. Каразинъ свято хранилъ память о «другѣ своей души» и тогда, когда «другъ» сошелъ въ могилу, и до конца дней своихъ отзывался о немъ самымъ восторженнымъ образомъ.

На Александра встрѣча съ Каразинымъ и послѣдующая бесѣда при этой встрѣчѣ также произвели сильное впечатлѣніе, и послѣ этой встрѣчи между двумя мечтателями завязываются самыя

задушевныя отношенія, продолжавшіяся къ сожалѣнію слишкомъ недолго. Александръ, приглашая Каразина являться къ нему всегда, когда тотъ пожелаетъ, и писать непосредственно ему, минуя всякія инстанціи, оказывалъ ему глубокую довѣренность во многихъ щекотливыхъ случаяхъ.

Послѣ первыхъ минутъ свиданія Александръ указалъ Каразину на стулъ у своего письменнаго стола и сказалъ:

— Садитесь, мнѣ нужно побесѣдовать съ вами: вы коснулись въ вашей бумагѣ столькихъ предметовъ, что надобно подумать, съ чего начать работу.

— Конечно, съ образованія народнаго, отвѣчалъ Каразинъ.

Въ послѣдовавшей за этимъ началомъ продолжительной бесѣдѣ Каразинъ выяснилъ Александру необходимость особаго учрежденія для завѣдыванія народнымъ образованіемъ и полный планъ цѣлой системы просвѣтительныхъ учрежденій. Здѣсь-то впервые была высказана идея учрежденія министерства народнаго просвѣщенія въ Россіи.

Въ наше время эта идея кажется такою естественною, болѣе того—настолько обязательною, что невозможно даже представить цивилизованное государство безъ министерства народнаго просвѣщенія. Совсѣмъ иначе стояло дѣло 90 лѣтъ тому назадъ, въ 1801 году, когда имѣла мѣсто первая встрѣча Александра съ Каразинымъ. До сихъ поръ отлично обходились безъ особаго вѣдомства для народнаго образованія. Да это было и понятно, потому что ему нечего было бы и вѣдать. Учрежденіе особаго вѣдомства народнаго просвѣщенія имѣло смыслъ только въ случаѣ принятія ряда мѣръ по народному образованію, созданія ряда просвѣтительныхъ учрежденій. А тогдашнее общество весьма мало было озабочено этимъ предметомъ. Равнодушіе къ данному вопросу царило не только въ консервативномъ большинствѣ общества, но и среди болѣе передовыхъ элементовъ, не исключая и вышеупомянутыхъ «inseparables», составлявшихъ интимный кружокъ Александра I. Занятые вопросомъ о переустройствѣ высшаго управленія Россіи въ смыслѣ приближенія его къ болѣе свободнымъ политическимъ формамъ, друзья Александра мало думали о вопросахъ народнаго просвѣщенія. И вотъ среди такого-то общества является человѣкъ, который говоритъ Александру, что реформаціонную работу, которую задумалъ этотъ государь, нужно начинать съ народнаго образованія. Это было новостью для Александра, и Каразинъ не могъ

не заинтересовать его уже одною этою идеею, которая казалась неожиданною и оригинальною.

Взгляды Каразина на значеніе народнаго образованія для того времени были дѣйствительно новы и оригинальны, да и для нашего времени ихъ не только нельзя признать устарѣвшими, а, наоборотъ, многое въ нихъ до сихъ поръ остается въ качествѣ pia desideria. Важность, которую Караз нъ придавалъ дѣятельности государства на пользу народнаго просвѣщенія, выразилась уже въ отвѣтѣ Александру на вопросъ, съ чего начать. Позднѣе, въ 1810 г., въ письмѣ къ доктору Ремпу, просившему Каразина изложить свое мнѣніе о положеніи народнаго образованія въ Россіи, онъ выражалъ свой взглядъ на значеніе народнаго образованія въ слѣдующихъ восторженныхъ и нѣсколько напыщенныхъ, какъ и все, что писалъ Каразинъ, словахъ:

„Народное просвѣщеніе!.. Какое прекрасное выраженіе! Еслибъ чрезъ полсотни лѣтъ я сдѣлался наконецъ способнымъ быть министромъ, то больше всего желалъ бы быть министромъ народнаго просвѣщенія. Какой важный постъ въ такомъ государствѣ, какъ Россія! *Если что-либо можетъ обезпечить незыблемость безмѣрнаго ея пространства, то это только просвѣщеніе ея народовъ. Если что-либо можетъ сдѣлать ее истинно-независимою отъ всякаго внѣшняго давленія,—какъ бы громадно оно ни было,—то это опять-таки только просвѣщеніе*“.

Далѣе Каразинъ выясняетъ свой взглядъ на предѣлы вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія:

„Произнося слово „народное просвѣщеніе“, я воображаю себѣ отрасль государственнаго, отеческаго управленія, обнимающую все, что только можетъ осноситься къ образованію добрыхъ гражданъ, *къ какому бы сословію они ни принадлежали, какого бы пола* *) *и возраста ни были*. Произнося слово „министръ народнаго просвѣщенія“, я представляю себѣ просвѣщеннаго начальника, вполнѣ распоряжающагося этою отраслью управленія, дающаго отчетъ о ней только верховной власти. Министерство народнаго просвѣщенія должно быть независимо отъ другихъ вѣдомствъ, которыя отнюдь не должны вмѣшиваться въ сферу его дѣятельности. Оно должно вѣдать образованіе во всей его совокупности, какъ общее, такъ и спеціальное“.

Изложеніе Каразинымъ своихъ взглядовъ на народное образованіе при первомъ свиданіи съ Александромъ I привело къ тому,

*) Вопросъ о женскомъ образованіи занималъ Каразина всегда, и онъ почти наканунѣ смерти напечаталъ въ «Харьковскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» (1841 г. № 3) замѣтку «о воспитаніи женскаго пола въ низшихъ состояніяхъ».

что императоръ, отпуская Каразина, выразилъ желаніе, чтобы онъ подробно изложилъ свои воззрѣнія на данный предметъ и свой трудъ представилъ Государю. Каразинъ исполнилъ это порученіе и составилъ записку о созданіи въ Россіи особаго управленія народнаго образованія и его дѣятельности.

Съ этого времени начинается обширная дѣятельность Каразина на благо народнаго просвѣщенія.

Въ началѣ 1802 года былъ образованъ особый комитетъ для разсмотрѣнія уставовъ высшихъ учебныхъ заведеній. Комитетъ этотъ былъ составленъ изъ Муравьева, графа Потоцкаго и академика Фуса, а правителемъ дѣлъ его былъ назначенъ Каразинъ. Работая въ этомъ комитетѣ, Каразинъ составилъ уставы Московскаго университета, Академіи Наукъ и Академіи Художествъ. Здѣсь же онъ возбудилъ давно занимавшій его вопросъ объ учрежденіи Харьковскаго университета, созданнаго, какъ увидимъ ниже, исключительно благодаря его личнымъ трудамъ.

Когда въ томъ же году было рѣшено учредить министерства, императоръ поручилъ Каразину передѣлать вышеупомянутую представленную имъ записку объ особомъ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія соотвѣтственно общему строю вновь учреждаемой организаціи высшаго государственнаго управленія. Каразинъ составилъ проектъ организаціи и дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія и «Правила народнаго образованія». Проектированное министерство было открыто, хотя ему и не было придано такого серьезнаго значенія, какое оно должно было имѣть по мысли Каразина, и «Правила» утверждены. По этимъ «Правиламъ» было создано «Главное правленіе училищъ», которое состояло, подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія Завадовскаго, изъ Свистунова, Муравьева, Черторижскаго, Потоцкаго, Новосильцева, Румовскаго, Озерецковскаго и Фуса и, соотвѣтствуя теперешнему департаменту народнаго просвѣщенія, служило средоточіемъ всѣхъ дѣлъ по министерству народнаго просвѣщенія. Правителемъ дѣлъ этого «Главнаго правленія училищъ» былъ назначенъ Каразинъ. На этомъ мѣстѣ Каразинъ дѣятельно работалъ надъ упорядоченіемъ дѣлъ новаго министерства и расширеніемъ его дѣятельности. Между прочимъ имъ былъ составленъ проектъ преобразованія виленскаго университета, проектъ устава харьковскаго университета, проектъ устройства «приходскихъ училищъ», которыя были бы приспособлены къ потребностямъ «поселянъ», и мног. друг.

Относясь съ благоволеніемъ къ Каразину, Александръ I давалъ ему порученія не только по вопросамъ народнаго образованія. Это и понятно, такъ какъ идеи, которыя развивалъ Каразинъ предъ Государемъ, касались не только одной области народнаго образованія, да и по характеру своему самъ Каразинъ никогда не могъ ограничиться какимъ либо однимъ спеціальнымъ дѣломъ, а широко разбрасывался соотвѣтственно ширинѣ своего умственнаго кругозора. Въ истинныхъ спеціалистахъ всегда есть значительная доля узости міросозерцанія, безъ которой и спеціалистомъ нельзя быть. А Каразинъ всего менѣе страдалъ такою узостью. Ниже мы увидимъ, какъ онъ вмѣшивался во все, гдѣ видѣлъ неправильное теченіе дѣлъ или злоупотребленія, и какъ эта разносторонность вооружила противъ него всѣхъ приближенныхъ Александра I и сгубила его блестящую карьеру въ качествѣ государственнаго дѣятеля. А здѣсь мы пока остановимся на воззрѣніяхъ Каразина по разнымъ государственнымъ и общественнымъ вопросамъ, которые онъ разновременно излагалъ въ письмахъ и запискахъ, представлявшихся имъ Александру I и Николаю I. Воззрѣнія эти безпорядочно и отрывочно были отмѣчены уже въ первомъ письмѣ къ Александру, такъ очаровавшемъ молодого Государя и приблизившемъ къ нему Каразина; но впослѣдствіи они были изложены съ несравненно большею полнотою и опредѣленностью, хотя высказывались большею частью при обстоятельствахъ, которыхъ большинство не сочло бы особенно благопріятными для откровеннаго изложенія своихъ политическихъ воззрѣній.

Каразинъ въ вопросѣ о политическомъ устройствѣ государства былъ сторонникомъ монархическаго принципа. Въ запискѣ, представленной Каразинымъ въ 1810 г. слободско-украинскому губернатору И. И. Бахтину, запрашивавшему его относительно своеобразнаго устройства его крѣпостныхъ крестьянъ (о чемъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ), онъ говоритъ между прочимъ:

...„Какъ въ человѣкѣ разумъ и совѣсть могутъ быть затемняемы страстями, то и надлежитъ законы, диктуемые первыми, облечь въ форму *непарушимаго завѣта*, подъ сѣнью котораго единоначаліе и становится идеаломъ общественнаго управленія... Для умаленія же общественныхъ нуждъ, такъ какъ никакой смертный не можетъ въ одно и то же время самъ проникать всюду, достаточно въ помощь единовластію общественное мнѣніе, т. е. свобода всякому выражать свои воззрѣнія на вещи, не въ парламентахъ и на площадяхъ, представляющихъ обширное поле страстямъ, а *въ вѣрноподданническихъ представленіяхъ и въ скромныхъ бесѣдахъ въ печати*".

Итакъ, монархія, но монархія ограниченная, однако, не народнымъ представительствомъ, а съ одной стороны — коренными законами, съ другой-же — правомъ каждаго подданнаго свободно выражать «свои воззрѣнія на вещи» въ представленіяхъ верховной власти и въ печати.

Народное представительство Каразину было непонятно, и онъ высказывался противъ него самымъ положительнымъ образомъ.

„Я всеедушевно не одобряю нынѣшнихъ конституцій. Къ чему эти громкія собранія, уничтожающія власть, подобно какъ и ораторство съ престола, заимствованное у англичанъ? Такъ называемая репрезентація народа есть вообще *мнимая*. Дѣло не въ томъ, чтобы у насъ въ Россіи заводить сраженія краснорѣчія мнимыхъ репрезентантовъ съ хитросплетеніями министровъ, постыдныя сраженія прихотей государя и его племниковъ съ прихотями адвокатовъ, подкрѣпляемыхъ чернью, чтобъ выводить на позоръ цѣлаго сѣла покушенія и неудачи власти; чтобы открыть народному бунту, сосланному у насъ въ питейные дома, великолѣпный театръ, украшенный всѣми эмблемами могущества имперіи. Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ!"..

Въ такихъ выраженіяхъ Каразинъ отзывался о представительномъ образѣ правленія въ запискѣ, представленной Александру I какъ разъ послѣ того, когда тотъ устроилъ конституціонное правленіе въ Царствѣ Польскомъ.

Въ частности, по отношенію къ Россіи, онъ считалъ абсолютизмъ невозможнымъ. Обращаясь къ Императору Николаю I въ 1826 году съ просьбою объ освобожденіи отъ обязательнаго жительства въ своемъ имѣніи и полицейскихъ стѣсненій, которымъ онъ былъ подвергнутъ съ 1820 г., Каразинъ, не смотря на неудобство случая и на собственное сознаніе, что разговоръ о столь щекотливыхъ предметахъ едва-ли можетъ привесть къ облегченію его участи, — не могъ удержаться отъ того, чтобы не указать на невозможность возвращенія къ «формамъ правленія, которыя могли быть приличны прошедшимъ лишь вѣкамъ»:

„Ничто не можетъ, нѣтъ никакого средства, ни достанетъ никакой человѣческой силы остановить колесо, или дать ему противное движеніе. Словами Екатерины II, коими начала она первую главу своего наказа, словами: „Россія есть европейская держава" все рѣшено!.. Не должно было сближать насъ съ Европою, начиная отъ XVI вѣка еще, если самодержецъ пребыть хочетъ выше общественнаго мнѣнія и законовъ, если онъ карает за самыя вѣрноподданническія о томъ, подъ печатью тайны, представленія. Разврать и повременное лицемѣріе высшихъ и низшихъ есть все, что можетъ быть выиграно при самомъ щедромъ излиніи милостей, при самыхъ мудрѣйшихъ, благонамѣреннѣйшихъ предписаніяхъ. Преумножая и распространяя до Кам-

чатки и Американскихъ береговъ нравы рабовъ просвѣщенныхъ, нравы Рима и Франціи, мы не можемъ уже имѣть добродѣтелей, свойственныхъ рабамъ прежнихъ вѣковъ. Новое воспитаніе? О, государь!.. Медлительно дѣйствуютъ училища. И изъ чего составятъ ихъ курсы, и библіотеки? Почти всѣхъ древнихъ авторовъ должно будетъ удалить, лишиться изъ новыхъ не только Монтескье и Бентама, но и самаго Юстія, уже въ 1770 году у насъ въ Россіи напечатаннаго на природномъ языкѣ, какъ и первые. Оставить совсѣмъ преподаваніе о другихъ образахъ правленія, дабы избѣжать естественнѣйшихъ вопросовъ: почему же у насъ иначе и пр.? Гдѣ, кромѣ Карамзина, найдемъ и историковъ, которые бы одобряли самовластіе? Изъ поэтовъ надо будетъ перепечатать съ большими пропусками, не только знаменитѣйшихъ, каковъ напримѣръ Шиллеръ, иностранныхъ, но и своихъ, какъ-то: Державина, Княжнина. Всѣ человѣческія познанія составляютъ теперь непрерывную цѣпь, въ которой лишеніе одного звена будетъ нетерпимо"...

Исходя изъ такихъ положеній, Карамзинъ въ 1801 году писалъ Александру I и черезъ 19 лѣтъ, въ 1820 году, снова повторялъ: «время укрѣпить разслабѣвающій составъ нашего государства! время замѣнить религіозное къ престолу почтеніе другимъ, *основаннымъ на законахъ*!» «Правители народовъ —писалъ онъ въ 1820 г. Александру I — должны добровольными, ими данными постановленіями предварять постановленія насильственныя», и приводилъ въ подтвержденіе разговоръ Бальи съ однимъ изъ министровъ Людовика XVI, въ которомъ министръ выражалъ удивленіе, почему національное собраніе недовольно тѣми уступками, которыя сдѣлалъ Людовикъ требованіямъ собранія, тогда какъ 10 лѣтъ ранѣе эти уступки были бы встрѣчены съ энтузіазмомъ. Бальи отвѣчалъ, что собраніе *само* теперь хочетъ сдѣлать то, что оно съ благодарностью приняло бы раньше отъ короля.

Къ сожалѣнію, мы въ настоящее время лишены возможности выяснить себѣ, что разумѣлъ Карамзинъ подъ тѣми «законами», которыми, по его мнѣнію, должна была ограничить себя монархическая власть. Дѣло въ томъ, что документы, относящіеся сюда, доселѣ не напечатаны, исключая записки, представленной въ 1820 году Александру I, которая однако напечатана съ громадными, поглотившими все существенное, пропусками. Мы можемъ отмѣтить только нѣкоторыя черты этихъ «законовъ», имѣя въ виду какъ приведенные выше отрывки изъ записокъ Карамзина, такъ и нѣкоторыя другія мѣста опубликованныхъ документовъ.

Несомнѣнно, что Карамзинъ не желалъ перенесенія въ Россію тѣхъ формъ ограниченія монархіи, которыя выработались западно-европейскою жизнью. Это ясно видно уже изъ тѣхъ отзывовъ о

западно-европейскихъ конституціяхъ и парламентахъ, которые приведены выше. Но кромѣ того, онъ вообще былъ противъ пересадки на русскую почву западно-европейскихъ учрежденій, находя ихъ непригодными для русской жизни. Въ письмѣ къ д-ру Ремпу, изъ котораго уже былъ приведенъ выше отрывокъ, Каразинъ смѣется надъ «нашими законодателями», желавшими «копировать все съ иностранцевъ»: «мы часто походимъ въ нашихъ учрежденіяхъ и постановленіяхъ на извѣстнаго князя Гагарина, Петровскихъ временъ, который вздумалъ построить въ Москвѣ, на горѣ, домъ на манеръ венеціанскій... Вы найдете въ немъ и крытую галерею, какъ будто надъ каналомъ, и ступеньки для схода къ гондоламъ, и боковой парапетъ для защиты этихъ ступенекъ отъ высокой воды, и наконецъ даже кольца для привязыванія гондолъ—словомъ все на своемъ мѣстѣ, кромѣ самаго дома».

Въ пояснительной запискѣ къ «Предначертанію о Харьковскомъ университетѣ», составленной въ 1802 г., Каразинъ выясняетъ положительнѣе причину своего отрицательнаго отношенія къ заимствованію общественныхъ формъ и учрежденій:

„Главный, можетъ быть, недостатокъ этого проекта писалъ онъ состоитъ въ томъ, что я полагалъ насъ живущими въ такое время, когда *надобно скорѣе творить, чѣмъ подражать*, и находящимися въ такомъ положеніи, которое позволяетъ намъ быть свободными отъ всякихъ предразсудковъ. Мнѣ казалось, что въ Россіи все должно быть *ново* и *своеобразно*, какъ она сама и что все *должно быть соображаемо скорѣе съ собственными ея нуждами, чѣмъ съ обычаями народовъ, по всему ей чуждыхъ, и съ тѣми старыми, отжившими уже, ихъ порядками*, которыхъ сами они продолжаютъ придерживаться только по причинѣ неподвижности у нихъ общественнаго мнѣнія. *Гораздо легче по всѣмъ частямъ политическаго устройства вновь созидать, чѣмъ исправлять старое*, и если какая-либо страна находится въ такомъ счастливомъ состояніи, что можетъ безнаказанно слушаться здраваго разсудка, руководимаго только отчетами прошедшаго, то это Россія".

Отвергая заимствованіе съ Запада, Каразинъ повидимому предлагалъ воспользоваться указаніями, заимствованными изъ прошлаго русской государственной жизни. Намеки на это находятся въ тѣхъ отрывкахъ тетрадей 5 и 7-й записки, поданной въ 1820 г., которые опубликованы. Такъ въ тетради 5-й говорится:

„Государи наши, бывъ представителями Бога вседержителя съ могуществомъ, которое по началамъ религіи отъ него заимствуютъ, не могутъ, яко человѣки, соединять въ себѣ самихъ его премудрости. Вотъ почему для достойнаго и благотворительнѣйшаго народамъ представ-

ленія въ своемъ лицѣ высочайшаго существа, для управленія народами на землѣ, подобнаго его управленія мірами, цари наши *всегда были внушаемы государственною душою*".

Къ сожалѣнію, дальнѣйшее развитіе этихъ мыслей, при напечатаніи въ 1-мъ № «Русской Старины» за 1871 г., исключено «по обстоятельствамъ отъ редакціи не зависящимъ». Такіе-же пропуски испортятъ и тетрадь 7-ю, изъ которой мы приведемъ слѣдующій отрывокъ:

„Странно, что благословенный, средній путь, указываемый намъ религіею и *обычаями любезнаго отечества изобиа*, путь, по которому одному людямъ можно идти безопасно, остается до сихъ поръ пустымъ!.. Что государи, которые должны быть безпристрастны, почти какъ Богъ, которые, какъ Онъ, должны жить лишь въ жизни милліоновъ существъ разумныхъ, имъ подвластныхъ, управляются честолюбіемъ, желаніемъ поставить на своемъ, какъ обыкновенные люди. Неужели они сію жестокость и непреклонность (свойственную только Наполеонамъ) почитаютъ благородною твердостью, какою должно имѣть въ добрыхъ намѣреніяхъ? Неужели они предпочитаютъ лучше сто разъ подвергаться ошибкамъ и даже опасностямъ, нежели *призвать въ помощь разумъ своего государства*. Богъ рѣдко проявляетъ насъ сверхъестественно. Онъ разсѣялъ по лицу земного шара свои орудія. Должно употреблять ихъ".

Исходя изъ того-же положенія о необходимости и обязательности для монархіи руководствоваться «общественнымъ мнѣніемъ», прислушиваться къ «совѣту разума государства», Каразинъ усиленно защищалъ право каждаго подданнаго обращаться къ власти съ представленіями; въ запискѣ 1820 г., неоднократно цитированной нами, онъ сильно вооружается противъ «льстецовъ», выставляющихъ государямъ право подданныхъ дѣлать представленія, какъ «оскорбленіе величества, порывъ мѣшаться не въ свое дѣло, тщеславное желаніе учить правительство».

„Возможно-ли? восклицалъ Каразинъ. Я оскорбляю, открывая мои мысли (справедливыя или ложныя все равно) тому единому, которому принадлежитъ знать ихъ, и отъ котораго зависитъ дать имъ цѣну!.." „Я-де мѣшаюсь не въ свое дѣло. А давно-ли дѣло отечества, въ которомъ я живу, въ которомъ будутъ жить мои дѣти и внуки, котораго монархъ почитается отцомъ обширнѣйшаго семейства, перестало быть моимъ собственнымъ дѣломъ? Изъ какой азіатской системы взята мысль эта? „Учить правительство" выраженіе, изобрѣтенное нарочно для удовлетворенія самолюбія лицъ, правительство составляющихъ. Но авторы, публично издающіе книги о лучшемъ устройствѣ законодательства, финансовъ и проч., развѣ не болѣе еще должны казаться виновными? А правительство нерѣдко ихъ награждаетъ. Боже мой! и Ты позволяешь жаловаться на бѣдствія, которыя ты посылаешь, и просишь у тебя лучшаго; а правительства состоятъ изъ человѣковъ. Мы

всѣ учимъ и учимся до самой смерти. Несчастливъ тотъ, кто вообразитъ, что ничего уже не остается ему узнать. Правительство есть сосредоточіе, въ которое необходимо должна стекаться всякая мысль о благѣ общемъ. Горе, если мы станемъ разсуждать на площадяхъ подобно другимъ народамъ!.. Да и много-ли насъ теперь въ Россіи, желающихъ, имѣющихъ и дерзающихъ говорить нѣчто правительству? Оно съ сей стороны можетъ оставаться покойнымъ: ему не наскучатъ".

Выше уже приводились слова Каразина о необходимости предоставленія «свободы всякому выражать свои воззрѣнія на вещи въ скромныхъ бесѣдахъ въ печати». Въ такой свободѣ Каразинъ видѣлъ «помощь единовластію», необходимость которой обусловливается тѣмъ, что «никакой смертный (а стало быть, и монархъ) не можетъ въ одно и то же время самъ проникать всюду». Естественно, что Каразинъ возставалъ противъ стѣсненій помянутой свободы, равно какъ и противъ всякихъ стѣсненій свободы совѣсти, во имя чего бы они ни принимались.

Въ запискѣ 1820 года, т. е. въ самый разгаръ увлеченія Александра реакціонными стремленіями и мистицизмомъ, Каразинъ писалъ:

„Боятся дать поводъ разсуждать о взаимныхъ отношеніяхъ правительства и народа. Полиція съ жезломъ въ рукахъ, цензуры духовная и гражданская, съ заторами для словъ и мыслей, поставлены на стражѣ, чтобъ не прокралась въ народъ какая-либо черта сей благодѣтельной системы (т. е. свѣдѣнія о государственномъ устройствѣ Россіи), успокоивающей всѣ возможныя волненія умовъ. Едва вѣроятно, что у насъ по сей части происходитъ! Глубокимъ молчаніемъ даютъ поводъ разсѣвать самыя вздорныя, самыя вредныя начала: между тѣмъ какъ правительство, противорѣчіемъ самому себѣ, по временамъ показываетъ, какъ-будто не имѣетъ никакихъ. Вчера оно провозглашало вольность, изливало на своемъ языкѣ Бентама и пр., и пр.; сегодня является деспотомъ, не признающимъ ниже правъ собственности, уважаемыхъ и въ Азіи. Прежде славилось терпимостью вѣръ, отдавая однако должное преимущество отечественной: оставляя раскольниковъ въ неуваженіи, нечувствительно возвращало ихъ въ нѣдра церкви; соединяя благочестіе съ просвѣщеніемъ, умѣло дѣлать вѣроисповѣданіе наше привлекательнымъ для цѣлой Европы и плѣнять имъ самыхъ деистовъ; потомъ вдругъ явилось суевѣріемъ вѣковъ прошедшихъ даже до того, что въ манифестахъ стало проповѣдывать о святости давно забытыхъ мѣщиковъ и о необходимости свѣчъ; на свѣчномъ доходѣ основало (какъ будто для игры словъ!) просвѣщеніе духовенства: наконецъ, забывъ все это, дѣлается гернгутеромъ, въ очахъ простаго народа нарушаетъ святыню праздниковъ и алтарныхъ мѣстъ, гонитъ іезуитовъ за обращеніе жида, а меноннитамъ позволяетъ обращеніе своихъ подданныхъ, издавая проповѣди ихъ на россійскомъ языкѣ мимо духовенства: рукою власти возводитъ католическихъ еретиковъ на каѳедры; гонитъ и смѣшиваетъ всѣ религіи, всѣ начала: учреждаетъ училища, но подчиняетъ ихъ невѣждамъ или фанатикамъ за-

прещаетъ говорить и печатать все то, что не соотвѣтствуетъ сему духу мистицизма и вавилонскаго смѣшенія"!..

Изъ взглядовъ Каразина относительно внутренняго строя общества отмѣтимъ воззрѣнія его, касающіяся дворянства и духовенства. Дворянство онъ считалъ необходимою принадлежностью каждаго общества. «Дворянство—писалъ онъ—видимъ мы отъ вѣка во всѣхъ странахъ. Начинавшійся Римъ имѣлъ своихъ патриціевъ, и отагейцы имѣютъ эрисовъ. Иначе быть нельзя, ибо въ народѣ всегда должны отличаться лучшіе люди; невозможно всѣмъ быть равнымъ». Считая такимъ образомъ дворянство необходимымъ общественнымъ учрежденіемъ, Каразинъ однако отнюдь не стоялъ за его кастовый характеръ: напротивъ, онъ считалъ необходимымъ условіемъ существованія дворянства, «чтобъ допущеніе въ благородное сословіе было наградою за благородные подвиги, а удаленіе отъ благородныхъ чувствованій неминуемо влекло за собою изъ него изверженіе».

Вообще, существованіе замкнутыхъ сословій было совершенно противно убѣжденіямъ Каразина, и это еще яснѣе выразилось въ его отзывахъ о духовенствѣ. Въ письмѣ къ д-ру Ремпу, посвященному вопросамъ образованія, Каразинъ выражалъ желаніе, чтобы дѣти духовенства, которымъ въ то время былъ доступъ только въ одни духовно-учебныя заведенія, получили право поступать въ училища всѣхъ родовъ, чтобы «государство освободилось отъ стремленія дѣлить людей на служебныя касты» и чтобы «всякій имѣлъ возможность избирать себѣ то поприще, къ какому онъ склоненъ по природѣ, различной всегда въ разныхъ индивидуумахъ рода человѣческаго».

Въ запискѣ 1820 г. Каразинъ еще рѣзче высказалъ свой взглядъ на данный предметъ:

„пора уже отстать отъ индѣйскихъ кастъ и дать всякому свободу избирать то служеніе, въ которое Богъ его призываетъ. Я никакой не вижу невозможности въ томъ, чтобъ недостаточные молодые люди изъ дворянъ и купцовъ поступали по желанію во священники, какъ это и бывало прежде въ Малороссіи; равно, чтобъ священническія дѣти рѣзваго нрава и крѣпкаго сложенія поступали въ военную службу безъ всякаго особливаго ходатайства".

Какъ извѣстно, наше духовенство до реформъ Александра II оставалось въ положеніи касты, въ которую доступъ посторонним элементамъ былъ закрытъ, и выходъ изъ которой былъ возможенъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Такимъ образомъ, желанія Каразина относительно духовенства осуществилось только черезъ полвѣка.

Капитальнѣйшимъ вопросомъ внутренней жизни Россіи въ эпоху Каразина былъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Однако, въ виду важности этого вопроса и интереса, представляемаго взглядами и дѣятельностью Каразина въ этомъ отношеніи, мы посвятимъ имъ ниже особую главу.

Какъ ни неполны наши свѣдѣнія о политическихъ воззрѣніяхъ Каразина, нельзя не видѣть, что онъ далеко не во всемъ сходился съ Александромъ I. Послѣдній, напр., еще въ 1821 году, на конгрессѣ въ Лайбахѣ, заявлялъ: «Я люблю конституціонныя учрежденія и думаю, что всякій порядочный человѣкъ долженъ ихъ любить». Въ началѣ же своего царствованія, Александръ I былъ просто влюбленъ въ конституціонный образъ правленія, усиленно желалъ ввести его въ Россіи и былъ несказанно огорченъ, когда при первомъ же обсужденіи этого вопроса въ частномъ комитетѣ, составленномъ Александромъ I изъ своихъ друзей, выяснилось, что въ Россіи не было элементовъ, на которые могла бы опереться конституціонная форма правленія. Такими же конституціоналистами были и ближайшіе совѣтники Александра I, вышеупомянутые «неразлучные». Однако, какъ видно будетъ изъ нижеприводимаго эпизода столкновенія сената съ Александромъ I, Каразинъ былъ едва-ли не единственнымъ сторонникомъ ограниченія монархической власти, на столько искреннимъ, чтобы постоять за этотъ принципъ на дѣлѣ, не заботясь о послѣдствіяхъ лично для себя. Другіе довольствовались лишь выраженіемъ своихъ либеральныхъ убѣжденій, благо это не только не могло повредить, но было даже весьма пріятно императору; когда же дѣло доходило до практическаго отстаиванія принципа, они скромно стушевывались. Эта-то послѣдовательность Каразина, его прямота и искренность, повидимому, всего болѣе и привлекли къ нему Александра I, не смотря на рѣзкое несогласіе ихъ въ воззрѣніяхъ по нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ. Александръ I инстинктивно долженъ былъ чувствовать, что въ воззрѣніяхъ Каразина значительная доля правды и что во всякомъ случаѣ мнѣнія его имѣютъ высокую цѣну, какъ человѣка глубоко-правдиваго. Въ своихъ письмахъ Каразину, въ которыхъ выразилось самымъ несомнѣннымъ образомъ дружеское расположеніе Александра I къ Каразину и которыя Державинъ въ своихъ «Запискахъ» называетъ «дружескими рескриптами», императоръ не разъ выражалъ, какъ высоко онъ цѣнитъ правдивость Каразина. Между прочимъ, въ письмѣ отъ 12 декабря 1801 года, писанномъ въ день своего рожденія, Александръ писалъ: «про-

должайте всегда говорить такъ откровенно, еслибъ даже вы и замѣтили, что это мнѣ не нравится; вѣрьте, что рано или поздно я буду умѣть оцѣнить подвигъ, влекущій васъ».

Благоволеніе Александра I къ Карамзину было настолько очевидно, выражалось въ столь рѣзкихъ формахъ, что не могло не броситься всѣмъ въ глаза и не послужить предметомъ зависти. Помимо чиновъ и орденовъ, которымъ Карамзинъ не придавалъ особой цѣны, благоволеніе Александра I выражалось въ болѣе цѣнной для Карамзина формѣ—перепискѣ съ нимъ, свободномъ допущеніи его къ своей Особѣ, порученіи ему разныхъ щекотливыхъ дѣлъ и наконецъ въ публичныхъ выраженіяхъ ему своихъ дружескихъ чувствъ. Одинъ изъ случаевъ послѣдняго рода имѣлъ мѣсто въ чопорной Москвѣ и поразилъ тамошнее спѣсивое барство. Главнокомандующій въ Москвѣ, графъ Салтыковъ, давалъ балъ для императора. На балѣ, на которомъ присутствовали только сливки тогдашняго барства, былъ замѣченъ неизвѣстный человѣкъ, котораго никто не приглашалъ. Хозяинъ бала послалъ къ нему одного изъ чиновниковъ спросить, кто онъ и зачѣмъ здѣсь; но въ это время вошелъ императоръ, который, увидѣвъ Карамзина—такъ какъ неизвѣстный гость былъ онъ—подозвалъ его и рекомендовалъ хозяину, извиняясь, что онъ не предварилъ его объ этомъ гостѣ. Чопорная Москва была удивлена такимъ вниманіемъ императора къ неизвѣстному человѣку, который по справкамъ оказался просто незначительнымъ помѣщикомъ.

Благоволеніе императора къ Карамзину выразилось также въ томъ вниманіи, которое Александръ I проявлялъ къ рекомендаціямъ со стороны Карамзина лицъ для занятія разныхъ должностей и награжденія ихъ. Такъ извѣстно, что по указанію Карамзина академикъ Фусъ былъ назначенъ членомъ главнаго правленія училищъ, Н. Н. Бахтинъ—харьковскимъ губернаторомъ, многія другія лица получили награды и т. д.

Изъ числа щекотливыхъ порученій, которыя давалъ Александръ I Карамзину, какъ человѣку глубоко-честному, болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія имѣются о порученіи по дѣлу калужскаго губернатора Лопухина. Свѣдѣнія эти сообщаетъ Державинъ въ своихъ «Запискахъ».

Лопухинъ былъ отчаянный взяточникъ и вымогатель. Между прочимъ онъ выпросилъ взаимы у фабриканта Гончарова 30,000 р., а затѣмъ возбудилъ противъ него преслѣдованіе за происходившую

будто бы въ его домѣ запрещенную карточную игру, причемъ обѣщалъ прекратить слѣдствіе, если Гончаровъ возвратитъ вексель на занятыя деньги, а въ противномъ случаѣ грозилъ сослать его въ Сибирь. Гончаровъ вынужденъ былъ возвратить вексель. Въ другой разъ Лопухинъ взялъ 75,000 р. за прекращеніе дѣла объ убійствѣ помѣщикомъ Хитровымъ своего роднаго брата. О злоупотребленіяхъ Лопухина императоромъ было получено безъимянное донесеніе. Онъ поручилъ Каразину съѣздить частнымъ образомъ на мѣсто и провѣрить донесеніе. Каразинъ отправился въ Калужскую губернію, раскрылъ массу злоупотребленій Лопухина, собралъ доказательства и представилъ ихъ императору. Тогда и было назначено формальное слѣдствіе, порученное Державину, какъ сенатору. Послѣдній отправился въ Калугу съ Каразинымъ и при его помощи и по его указаніямъ установилъ 34 важныхъ преступленія Лопухина, не считая неважныхъ. У Лопухина были могущественные покровители, но, благодаря особенному вниманію Александра I къ этому дѣлу,—вниманію вызванному, очевидно, участіемъ въ немъ Каразина, Лопухинъ былъ осужденъ и понесъ заслуженную кару.

Самъ Каразинъ считалъ своимъ долгомъ доводить до свѣдѣнія государя о злоупотребленіяхъ, о которыхъ ему приходилось узнавать, особенно если эти злоупотребленія касались крестьянъ. Приводимъ здѣсь одинъ подробный случай, служащій яркимъ свидѣтельствомъ отзывчивости Каразина къ страданіямъ угнетенныхъ. Въ 1803 г., проѣзжая чрезъ Москву, онъ услышалъ отъ знакомыхъ о бунтѣ крестьянъ подмосковнаго с. Павловскаго, недавно купленныхъ казною отъ графа Ягужинскаго для устройства въ названномъ селѣ казенной суконной фабрики. Бунтъ былъ вызванъ именно устройствомъ фабрики и обращеніемъ крестьянъ въ фабричныхъ работниковъ противъ ихъ желанія. Были посланы и войска для усмиренія этого «бунта», состоявшаго въ нежеланіи крестьянъ работать на фабрикѣ. Каразинъ счелъ своею обязанностью отправиться на мѣсто происшествія, изслѣдовать обстоятельства дѣла и затѣмъ въ письмѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ заступиться за крестьянъ и порекомендовать поручить разслѣдованіе дѣла «самому безпристрастному человѣку, который бы въ Москвѣ особливо извѣстенъ былъ кротостью къ крестьянамъ, значеніемъ и общею довѣренностью». Вслѣдствіе этого письма на дѣло было обращено особое вниманіе, разслѣдованіе его было поручено главнокомандующему въ Москвѣ, и крестьяне были успокоены.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Основаніе Харьковскаго университета. — Пожертвованія дворянъ и горожанъ Харьковской губерніи. — Препятствія со стороны тогдашнихъ министровъ. — Употребленіе Каразинымъ собственныхъ средствъ на университетъ. — Отставка Каразина.

Замѣчательнѣйшимъ дѣломъ, исполненнымъ Каразинымъ, является основаніе Харьковскаго университета. Какъ ни велика его заслуга въ дѣлѣ созданія министерства народнаго просвѣщенія, но здѣсь трудъ его облегчался общимъ ходомъ тогдашнихъ преобразованій и въ особенности поддержкою самаго государя. Въ дѣлѣ-же основанія Харьковскаго университета Каразину пришлось весь трудъ, всю тяжесть дѣла вынести одному, не только не встрѣчая содѣйствія со стороны центральной власти, но еще неожиданно получая съ этой стороны задержки и препятствія. Дѣло въ томъ, что осуществленіе идеи объ основаніи въ Харьковѣ университета было начато въ періодъ благоволенія Александра I къ Каразину, а продолженіе и окончаніе этого дѣла имѣли мѣсто, когда Александръ уже охладѣлъ къ своему недавнему любимцу, чѣмъ и воспользовались люди, бывшіе тогда во власти, чтобы причинить непріятности Каразину. Исторія основанія Харьковскаго университета, являясь блестящимъ эпизодомъ въ біографіи Каразина, въ то-же время служитъ прекрасною картиною тогдашнихъ нравовъ, царившихъ въ правящихъ сферахъ Россіи.

Родившись въ Украинѣ, Каразинъ, не смотря на свое греческое происхожденіе, смотрѣлъ на нее, какъ на свою родину, на благо которой онъ долженъ употребить всѣ свои силы и средства.

„Мнѣ больно было видѣть ее, — писалъ онъ въ 1801 г. кн. Чарторижскому,—богатую дарами природы и талантами ея обитателей, въ

поруганіи и презрѣніи; и я возмечталъ, что одного моего рвенія и скудныхъ моихъ средствъ достаточно на то, чтобъ уничтожить преграды, поставляемыя къ ея успѣхамъ".

Главную преграду онъ видѣлъ въ недостаткѣ образованія. И вотъ у него является идея устроить въ Харьковѣ разсадникъ просвѣщенія—университетъ, отнюдь не похожій на обычный типъ университета, но представляющій собою учрежденіе, которое давало бы истинное образованіе, соотвѣтствующее истиннымъ нуждамъ человѣка и жизни. Осуществленію этой идеи Каразинъ придавалъ огромное значеніе...

Въ мечтахъ своихъ онъ видѣлъ Харьковскій университетъ переполненный тысячами учащихся, которыя собираются сюда не только со всей южной Россіи, но и изъ христіанскихъ странъ Балканскаго полуострова. И онъ рѣшился употребить всѣ усилія на осуществленіе своей мечты.

Для основанія университета нужны были средства, и средства не малыя. Каразинъ рѣшилъ найдти ихъ въ той самой Украинѣ, для просвѣщенія которой устраивался университетъ. Съ этою цѣлью онъ отправился въ Харьковъ и здѣсь сталъ пропагандировать свою идею среди слободско-украинскаго дворянства. Надо замѣтить, что уже и тогда мѣстное общество относилось къ нему съ большимъ уваженіемъ, которое впослѣдствіи приняло весьма крупные размѣры и выражалось въ многоговорящихъ фактахъ. Въ маѣ 1801 года дворянство Слободской Украйны выбрало его своимъ депутатомъ для исходатайствованія у Верховной власти сохраненія нѣкоторыхъ весьма важныхъ льготъ, которыми дотолѣ пользовалась Малороссія. Пользуясь такимъ довѣріемъ къ себѣ мѣстнаго дворянства, Каразинъ усиленно распространялъ какъ среди дворянъ, такъ и среди горожанъ свою мысль объ учрежденіи университета въ Харьковѣ. И дворяне, и горожане отнеслись съ сочувствіемъ къ мысли Каразина и изъявили согласіе поддержать дѣло матеріально. Тогда Каразинъ явился къ Александру I и, заявивъ ему о желаніи Украйны имѣть свой университетъ, просилъ разрѣшить основаніе его въ Харьковѣ, причемъ указалъ и на желаніе слободско-украинскаго общества поддержать данное дѣло матеріальными пожертвованіями. Само собою разумѣется, что Александръ I отнесся сочувственно къ мысли Каразина и разрѣшилъ ему работать въ данномъ направленіи. Каразинъ принялся за составленіе «Предначертанія о Харьковскомъ университетѣ», а въ то же время письмами и посылкою довѣренныхъ людей старался

поддерживать въ украинцахъ сочувствіе къ новому дѣлу и готовность принести для него матеріальныя жертвы. Наконецъ въ августѣ 1862 года Каразинъ снова явился въ Харьковѣ. Здѣсь онъ убѣдился, что дворяне и горожане по прежнему готовы содѣйствовать осуществленію его мысли. Въ частномъ собраніи нѣкотораго числа дворянъ, бывшемъ 20 августа, состоялась подписка на 100 тыс. рублей серебромъ. На другомъ частномъ собраніи дворянъ, состоявшемся 29 августа, рѣшено было пожертвовать милліонъ рублей отъ всего слободско-украинскаго дворянства; 31 августа состоялось общее дворянское собраніе, въ которомъ Каразинъ произнесъ горячую рѣчь о необходимости устройства университета и пожертвованій на это дѣло со стороны дворянъ.

Рѣчь эта была принята съ восторгомъ большинствомъ собранія. Однако нашлась и оппозиція; впослѣдствіи эта оппозиція, въ лицѣ нѣсколькихъ дворянъ, обращалась даже съ жалобою къ министру внутреннихъ дѣлъ на «неправильный» созывъ Каразинымъ дворянства для «принудительной» подписки на университетъ. Теперь, на собраніи они возстали противъ участія дворянства въ данномъ дѣлѣ, затѣянномъ какимъ-то «школьникомъ», какъ они называли Каразина въ виду его моложаваго вида. Однако оппозиція эта была дурно принята большинствомъ собранія, и члены оппозиціи удалились изъ собранія. Тѣмъ не менѣе, этотъ эпизодъ охладилъ энтузіазмъ, вызванный рѣчью Каразина, и вмѣсто милліона, на который разсчитывалъ Каразинъ, собраніе постановило пожертвовать только 400 тыс. руб. серебромъ. Кромѣ того было постановлено обратить въ пользу университета 66,910 р., которые слѣдовало получить слободско-украинскому дворянству отъ казны за поставку въ армію воловьихъ шкуръ и лошадей. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено пригласить къ участію въ пожертвованіи на университетъ городскія сословія Слободско-Украинской губерніи и дворянства другихъ южныхъ губерній.

Харьковское городское общество собралось на слѣдующій-же день послѣ собранія дворянъ и постановило вносить въ пользу университета втеченіе 10 лѣтъ сумму, равную государственной подати, платимой съ купеческихъ капиталовъ, и половину откупной суммы, поступавшей въ пользу города.

Уѣздные города Слободско-Украинской губерніи также отозвались, жертвуя половину и двѣ трети откупной суммы и пред-

ставляя добровольныя пожертвованія въ пользу университета. Въ общей сложности изъ Слободской Украйны поступило пожертвованій на 618 тыс. рублей.

Въ январѣ 1803 года дворяне Новороссійской губерніи постановили пожертвовать на харьковскій университетъ 108 тыс. рублей. Вскорѣ затѣмъ херсонское дворянство изъявило готовность пожертвовать на тотъ же предметъ 40 тыс. рублей.

Эти пожертвованія произвели большое впечатлѣніе на тогдашнее русское общество и вызвали соревнованіе со стороны богатыхъ магнатовъ. Въ мартѣ 1803 года Демидовъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія гр. Завадовскому съ предложеніемъ пожертвовать необходимыя средства для основанія въ Ярославлѣ высшаго учебнаго заведенія (Демидовскій лицей); при этомъ онъ указалъ, что желаніе сдѣлать это пожертвованіе было вызвано въ немъ чтеніемъ только-что вышедшаго тогда плана общаго образованія въ Россіи («Предварительныя правила народнаго просвѣщенія», составленныя Каразинымъ). За Демидовымъ и подъ вліяніемъ его примѣра на тотъ-же путь выступилъ Безбородко, на пожертвованіе котораго возникъ Нѣжинскій лицей. Далѣе слѣдуетъ пожертвованіе Румянцевымъ музея съ домомъ «на благое просвѣщеніе» (теперешній Румянцевскій музей въ Москвѣ), пожертвованія Голицына, Дашковой и другихъ.

Къ сожалѣнію, пожертвованія на Харьковскій университетъ, вызвавшія это движеніе, вскорѣ пріостановились и даже уже опредѣленныя поступали крайне туго, вслѣдствіе того, что открытіе университета стало встрѣчать неожиданныя препятствія и грозило затянуться на неопредѣленно-долгое время. Но прежде чѣмъ перейдти къ изложенію этихъ неожиданныхъ затрудненій, встрѣченныхъ Каразинымъ къ осуществленію любимой своей мысли, ознакомимся съ тою организаціею, которую желалъ придать Каразинъ харьковскому университету и которая была одобрена слободско-украинскимъ дворянствомъ въ постановленіи о пожертвованіи.

Какъ видно изъ «Предначертанія о харьковскомъ университетѣ» и объяснительной записки къ нему, университетъ, по идеи Каразина, отнюдь не долженъ былъ напоминать тотъ типъ университета, который выработанъ по преимуществу въ Германіи и затѣмъ пересаженъ къ намъ. Харьковскій университетъ долженъ былъ представлять собою соединеніе нѣсколькихъ высшихъ спеціальныхъ школъ. Объединеніе этихъ школъ въ одномъ учрежденіи, кото-

рое было названо Каразинымъ университетомъ «чтобъ не придумывать другого наименованія», было вызвано нѣсколькими побужденіями. Каразину

„казалось необходимымъ имѣть одинъ общій для всѣхъ сопредѣльныхъ губерній центръ ученія, гдѣ бы люди всякаго званія и всякаго состоянія могли находить средства для спеціальнаго своего образованія, чрезъ что достигалось бы и *взаимное соединеніе сословій, столько къ сожалѣнію, у насъ до сихъ поръ разрозненныхъ между собою*; къ тому же это послужило бы и къ *значительному сокращенію издержекъ*, потребныхъ на заведеніе каждаго отдѣльнаго училища: одни и тѣ же принадлежности послужатъ для нѣсколькихъ спеціальностей и одни и тѣ же преподаватели могутъ быть полезны для разнородныхъ училищъ, какъ скоро они въ одномъ мѣстѣ; а наконецъ, соединеніе въ одномъ цѣломъ нѣсколькихъ спеціальныхъ училищъ имѣло бы послѣдствіемъ ту *общность чувствъ*, тотъ *духъ товарищества*, который такъ упрочиваетъ привязанность къ общему мѣсту воспитанія и содѣйствуетъ любви къ отечеству".

Спеціальныхъ школъ, соединенныхъ въ харьковскомъ университетѣ подъ видомъ отдѣленій, Каразинъ проектировалъ *девять*, которыя предполагалось открывать постепенно. Первыя два *отдѣленія* должны были открыться немедленно по утвержденіи устава университета. Чрезъ эти отдѣленія должны были проходить всѣ студенты, и они являлись подготовительными для спеціальныхъ отдѣленій. Въ программу его должны были входить иностранные языки, исторія, географія, математика, физика, естественныя науки. Курсъ этихъ отдѣленій назначался трехлѣтній. По прошествіи трехъ лѣтъ по открытіи университета, открываются новыя пять отдѣленій уже спеціальныя: *богословское*, (четырехъ-лѣтній курсъ), *гражданскихъ познаній* (трехлѣтній), *военныхъ познаній* (трехлѣтній), *врачебныхъ наукъ*, и *гражданскихъ искусствъ* (архитектура, гидравлика, механика и землемѣріе, курсъ трехлѣтній). Еще черезъ два года могутъ открыться два послѣднихъ отдѣленія—*высшихъ наукъ* или *учености* (высшіе курсы математики, физики, химіи, прочихъ естественныхъ наукъ и астрономіи, а также исторія наукъ и педагогія, курсъ четырехлѣтній) и *изящныхъ художествъ* (живопись, скульптура, музыка и т. п.).

Такимъ образомъ, по проэкту Каразина, харьковскій университетъ долженъ былъ представлять собою соединеніе подготовительной школы и спеціальныхъ школъ, соотвѣтствующихъ теперешнимъ духовной академіи, военнымъ академіямъ, юридическимъ факультетамъ университетовъ, строительному училищу, институ-

гамъ технологическому и путей сообщенія, медицинскимъ и естественнонаучнымъ факультетамъ, учительскому институту, академіи художествъ и консерваторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что такая универсальная школа есть идеалъ высшаго учебнаго заведенія и придетъ время, когда высшія школы по своей организаціи будутъ ближе къ тому, что проэктировалъ Каразинъ, нежели къ существующимъ типамъ высшихъ школъ.

Въ тѣсной связи съ университетомъ, какъ дополненіе предположенной системы образовательныхъ учрежденій, Каразинъ проэктировалъ устройство *училища сельскаго домоводства* и *школу ремеслъ и рукодѣлій*, которыя должны были зависѣть отъ харьковскаго университета и содержаться на его средства.

Такое-то всестороннее образовательное учрежденіе проэктировалъ Каразинъ основать въ Харьковѣ и не сомнѣвался въ успѣхѣ своего начинанія. Снабженный формальными довѣренностями дворянъ Слободско-Украинской губерніи и харьковскаго городскаго общества хлопотать объ открытіи университета и постановленіями о пожертвованіяхъ, Каразинъ отправился въ Петербургъ и здѣсь немедленно явился во дворецъ, чтобы лично доложить Александру I о положеніи дѣла, начатого имъ съ полнаго одобренія государя. Александръ I однако на этотъ разъ не принялъ Каразина, а велѣлъ ему сказать, чтобы онъ представилъ все, что имѣетъ, по начальству. Страшно былъ пораженъ Каразинъ такимъ отношеніемъ къ нему и начатому имъ дѣлу; но дѣлать было нечего: онъ представилъ всѣ документы по дѣлу харьковскаго университета Муравьеву, предсѣдателю коммисіи объ училищахъ, въ которую онъ самъ незадолго передъ тѣмъ былъ назначенъ правителемъ дѣлъ, — и отсюда начинается продолжительная волокита, которую устраивали сильные люди того времени, ненавидѣвшіе недавняго царскаго любимца, потерявшаго теперь благоволеніе государя. Ниже мы выяснимъ причины перемѣны отношенія Александра I къ Каразину, а теперь продолжимъ разсмотрѣніе судьбы вопроса о харьковскомъ университетѣ, рѣшеніе котораго вдругъ затормозилось обстоятельствомъ, казалось бы, не имѣющимъ никакого отношенія къ данному дѣлу.

Дѣло о харьковскомъ университетѣ пошло «по начальству». Муравьевъ представилъ переданныя ему Каразинымъ бумаги министру народнаго просвѣщенія, Завадовскому, а этотъ послѣдній министру внутреннихъ дѣлъ, Кочубею. Начались всевозможные за-

просы и справки. Канцеляріи вступили въ дѣло и показали себя обычными мастерами по части затягиванія рѣшенія вопроса. Каразинъ хлопоталъ, бѣгалъ ко всѣмъ лицамъ, отъ которыхъ зависѣло подвинуть дѣло, настаивалъ,—но дѣло не двигалось. А между тѣмъ онъ былъ такъ увѣренъ, что рѣшеніе вопроса не встрѣтитъ никакихъ затрудненій, и ожидалъ, что университетъ будетъ открытъ уже съ 1803 года, и эту увѣренность передалъ и харьковскому дворянству. Можно представить себѣ, какъ должна была возмущаться пылкая натура Каразина тѣмъ черепашьимъ ходомъ дорогого ему дѣла, какой придали ему петербургскія канцеляріи. Наконецъ въ декабрѣ 1802 года онъ пишетъ горячее письмо министру внутреннихъ дѣлъ, Кочубею, который долженъ былъ сдѣлать докладъ императору о пожертвованіяхъ и прошеніи харьковскихъ дворянъ и горожанъ, но не дѣлалъ. Въ письмѣ Каразинъ горько жалуется на затяжку дѣла и выясняетъ неосновательность ея.

Указавъ на необходимость университета для южной Россіи, на легкость созданія его, благодаря пожертвованіямъ, на то, что само правительство рѣшило устроить нѣсколько новыхъ университетовъ и одинъ изъ нихъ предположено открыть именно въ Харьковѣ, что дѣло, которое онъ затѣялъ, два раза было одобрено императоромъ, что скорое разрѣшеніе вопроса вызоветъ новыя пожертвованія, а затяжка пріостановитъ ихъ, Каразинъ заканчиваетъ свое обращеніе къ гр. Кочубею словами:

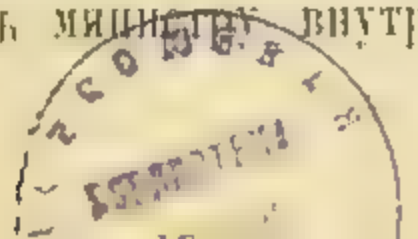
„Я пишу, какъ отчаянный человѣкъ. Посрамленіе навѣки предъ обществомъ здѣшнимъ, месть сильныхъ, возненавидѣвшихъ меня еще болѣе прежняго, укоризны и клятвы оскорбленной чести многихъ сотенъ дворянъ, которые увидятъ, что пожертвовали только для того, чтобъ быть предметомъ всеобщаго посмѣянія, -все это ожидаетъ меня. Унылое мое состояніе умножается еще мыслью, что надолго будетъ упущенъ случай оживить дѣятельность въ странѣ плодородной и способной къ заведеніямъ всякаго рода, но нынѣ, со всѣмъ изобиліемъ своимъ, мало полезной для Россіи. Скажу болѣе: навѣки, можетъ быть, будетъ потерянъ случай, самый рѣдкій, произвести въ россійскихъ дворянахъ энтузіазмъ къ общему добру и къ успѣхамъ воспитанія: и—увы! самымъ убѣдительнымъ образомъ будетъ доказано, что покушенія частныхъ лицъ, къ сему клонящіяся, суть не что иное, какъ безразсудство, ведущее къ тому, чтобы быть осмѣяннымъ и угнетеннымъ"!..

Послѣдствіемъ письма къ гр. Кочубею была резолюція послѣдняго: «немедленно составить докладъ». Однако это «немедленно» протянулось еще два мѣсяца, и понадобилось новое письменное настояніе Каразина, чтобы наконецъ докладъ былъ представленъ импера-

тору. Послѣдній приказалъ благодарить харьковскихъ дворянъ и горожанъ за пожертвованія и наградилъ губернскаго предводителя орденомъ, городскаго голову чиномъ и соборнаго протоіерея наперстнымъ крестомъ. Самаго Каразина спрашивали отъ имени императора о наградѣ, которую онъ желаетъ получить за свои хлопоты по данному дѣлу, но Каразинъ отклонилъ отъ себя всякое вознагражденіе. Зато его огорчило то, что былъ награжденъ губернскій предводитель, всего менѣе содѣйствовавшій дѣлу, и обойдены лица, стараніями которыхъ были вызваны пожертвованія, и сдѣлалъ объ этомъ представленіе гр. Кочубею. Послѣдній согласился съ Каразинымъ, но не рѣшался обращаться по этому поводу къ Императору. Тогда Каразинъ обратился къ послѣднему лично отъ себя и указалъ лицъ, которыхъ по его мнѣнію слѣдовало наградить. Императоръ уважилъ ходатайство Каразина и всѣ указанныя имъ лица получили награды.

Дѣло университета подвинулось впередъ, но шло по прежнему медленно. Въ концѣ января 1803 г. былъ назначенъ попечитель «учреждаемаго» въ Харьковѣ университета. Это былъ гр. Потоцкій, личность въ высшей степени почтенная. Въ это время Каразинъ уже пріискалъ нѣсколько профессоровъ. Пора было приступать къ фактическому устройству университета. Самъ Потоцкій по семейнымъ дѣламъ долженъ былъ ѣхать заграницу, и онъ отправилъ въ Харьковъ Каразина, поручая ему «принять всевозможныя мѣры касательно первоначальнаго устроенія университета, дабы приготовить все къ открытію его».

Пріѣхавъ въ Харьковъ, Каразинъ съ величайшимъ огорченіемъ узналъ, что къ собиранію пожертвованныхъ денегъ еще не было приступлено и что коммиссія, которую должны были выбрать жертвователи и которая должна была озаботиться устройствомъ помѣщенія для университета, еще не существовала, а тѣмъ болѣе не существовало помѣщенія. Каразинъ рѣшился сдѣлать все самъ. Основываясь на предписаніи министра внутреннихъ дѣлъ, онъ потребовалъ сдачи генералъ-губернаторскаго дома, предназначеннаго для университета. Но тутъ встрѣтились препятствія: во 1-хъ, не знали куда дѣть нѣкоторыя присутственныя мѣста, помѣщавшіяся въ означенномъ домѣ, а во 2-хъ, изъ дома не могъ выѣхать губернаторъ *по причинѣ грязи*, покрывавшей харьковскія улицы, какъ онъ доносилъ о томъ министру внутреннихъ дѣлъ. Наконецъ, черезъ два мѣся-



на домъ былъ сданъ и Каразинъ могъ приступить къ необходимымъ передѣлкамъ и приспособленіямъ его. Но гдѣ взять для того денегъ? Сборъ пожертвованій былъ отложенъ до особаго съѣзда дворянъ. Оставалась надежда на тѣ 69,910 рублей, которые была должна казна харьковскому дворянству и которые послѣднее пожертвовало въ пользу университета. Деньги эти лежали въ Петербургѣ готовыя, но ихъ не высылали. Тогда Каразинъ рѣшился дѣлать все—перестройку домовъ для университета, устройство лабораторіи, библіотеки, разныхъ кабинетовъ, университетской типографіи, наемъ мастеровыхъ,—на свой личный счетъ, для чего заложилъ свое имѣніе въ харьковскій приказъ общественнаго призрѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Каразинъ озаботился пріисканіемъ мѣста, гдѣ можно было бы впослѣдствіи устроить постоянное помѣщеніе для университета. Мѣсто это онъ нашелъ за Сумской заставой въ размѣрѣ 318 тыс. квадратныхъ саженъ, которыя тогда были пріобрѣтены за 6 тыс. р., а нынѣ стоютъ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Наконецъ средства Каразина истощились и онъ рѣшился отправиться въ Петербургъ, надѣясь получить тамъ средства для продолженія дѣла. Онъ могъ расчитывать, кромѣ вышеупомянутыхъ 69,910 рублей, должныхъ казною харьковскому дворянству, еще на 125 т. р., которыя приходились на долю харьковскаго университета изъ суммы, ассигнованной вообще на потребности учебныхъ округовъ. Однако, ни тѣ, ни другія деньги не выдавались. Каразинъ настоялъ предъ гр. Кочубеемъ о докладѣ государю о вышеупомянутыхъ дворянскихъ деньгахъ. Состоялось высочайшее повелѣніе о выдачѣ ихъ; но когда обратились за ними къ министру финансовъ, тотъ заявилъ, что имѣется высочайшее повелѣніе о выдачѣ помянутыхъ денегъ лишь въ слѣдующемъ году. Къ довершенію огорченія Каразина, онъ получилъ въ это время письмо отъ Потоцкаго, въ которомъ тотъ сообщалъ ему о своихъ непріятностяхъ. Пребываніе заграницей дѣлало для Потоцкаго удобнымъ приглашеніе для харьковскаго университета профессоровъ, которыхъ, за недостаткомъ свѣдущихъ людей въ Россіи, приходилось тогда приглашать изъ-за границы. Потоцкій вступилъ въ переговоры съ нѣсколькими учеными, но эти переговоры не могли привести ни къ чему, такъ какъ ему не высылали изъ Петербурга денегъ для уплаты приглашаемымъ расходовъ по переѣзду въ Россію и третнаго жалованья впередъ, —условіе, которое поставилъ самъ Потоцкій при-

глашаемымъ и которое онъ не могъ выполнить. Не желая больше компрометировать себя, онъ прервалъ начатые переговоры и не заводилъ новыхъ. Просьбы Потоцкаго о высылкѣ денегъ оставались безъ результата, и онъ совершенно отчаялся въ успѣхѣ дѣла.

Раздраженный всѣми этими обстоятельствами, оскорбляемый постоянно въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, гдѣ были крайне недовольны его пребываніемъ въ важной должности правителя дѣлъ главнаго правленія и всячески старались причинить ему непріятности, стараясь рѣшать дѣла помимо его, возмущенный полнымъ безпорядкомъ, царившимъ въ дѣлахъ министерства, Каразинъ обратился 16 авг. 1803 года къ Александру I съ рѣзкимъ письмомъ, представлявшимъ настоящій обвинительный актъ противъ министра народнаго просвѣщенія и вообще всѣхъ, отъ кого зависѣло направленіе дѣлъ по народному образованію. Указавъ на приведенныя выше обстоятельства, тормозившія ходъ дѣла харьковскаго университета, Каразинъ обращалъ вниманіе государя еще на факты слѣдующаго рода. Министръ народнаго просвѣщенія, гр. Завадовскій, въ отвѣтъ на настоянія Каразина, о выдачѣ по крайней мѣрѣ 40,000 на расходы по устройству университета, заявилъ, что открытіе университетовъ — совершенный вздоръ. Когда же наконецъ Каразинъ настоялъ на отпускѣ 18,000 р. и они были отпущены, то было точно указано, на что именно эти деньги должны быть истрачены, причемъ указанія эти отнимали всякую возможность тратить деньги. Такъ напр., на пріобрѣтеніе физическаго кабинета было назначено всего 500 р., т. е. сумма, на которую тогда невозможно было купить и одного порядочнаго инструмента. Въ такомъ же порядкѣ шли и остальныя дѣла по министерству народнаго просвѣщенія. За годъ со времени учрежденія министерства успѣли только издать «предварительныя правила», составленныя Каразинымъ, да уставъ одного университета. Уставъ дерптскаго университета, совершенно готовый, разсматривается цѣлыхъ три мѣсяца. За годъ министерство еще не узнало, какія учебныя заведенія находятся въ его вѣдѣніи, и наоборотъ многія заведенія не узнали еще о существованіи министерства, адресуя свои бумаги по прежнему въ старую коммиссію народныхъ училищъ. Члены главнаго правленія училищъ никакъ не могутъ узнать, какія средства имѣются въ распоряженіи министерства. Въ казанскій округъ былъ назначенъ попечителемъ 75-лѣтній старикъ, ровно ни къ чему неспособный

и ранѣе совершенно разстроившій гимназію, которою онъ завѣдывалъ; протестъ Каразина противъ этого назначенія оставленъ безъ вниманія. Въ производствѣ дѣлъ полный хаосъ:

„Правленіе иногда не знаетъ, что дѣлается у попечителей: иногда же попечители относятся къ министру; сей посылаетъ въ правленіе, а правленіе отсылаетъ къ попечителямъ, которые нерѣдко опять представляютъ министру одно и то же дѣло, утолстившееся только на круговомъ пути своемъ отъ безполезныхъ таковыхъ отношеній, предложеній и представленій. Дѣла ведутся по домашнему: собираются у министра въ гостиной комнатѣ за ломберномъ его столомъ, и въ его присутствіи читаютъ его же предложенія, на нихъ отвѣтствуютъ и собственныя разсужденія дѣлаютъ, поминутно прерываемыя его сбивчивыми и темными фразами. Такъ что онъ въ одно время бываетъ и предлагатель, и исполнитель, и членъ, и предсѣдатель, и министръ. Сего недовольно: часто онъ, забывшись, собственные свои приговоры принимаетъ за мнѣнія членовъ, оспариваетъ ихъ или беретъ къ себѣ въ кабинетъ исправлять; а послѣ нѣсколькихъ дней читаютъ въ собраніи ту-же бумагу и опять исправляютъ какъ бы новость, которая прежде никогда не была предметомъ разсужденій; и сей порядокъ увы! нерѣдко возобновлялся два и три раза сряду надъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ».

О тогдашнемъ министрѣ народнаго просвѣщенія, гр. Завадовскомъ, сохранились слѣдующіе авторитетные отзывы: Гр. Строгановъ писалъ въ 1804 г. Новосильцеву: «Наше народное просвѣщеніе идетъ немного тихо. Господь Богъ, создавши міръ въ шесть дней, почилъ въ седьмой, а нашъ министръ дѣлаетъ лучше: онъ ничего не дѣлаетъ шесть дней и не смотря на то отдыхаетъ въ седьмой. Еще рѣшительнѣе отзывъ императора Александра I, который писалъ Лагарпу въ 1803 г.: «Сожалѣнія ваши о назначеніи Завадовскаго министромъ народнаго просвѣщенія весьма бы уменьшились, еслибы вамъ была извѣстна организація его министерства. Онъ не имѣетъ никакого значенія. Всѣмъ управляетъ совѣтъ, состоящій изъ Муравьева, Клингера, Чарторижскаго, Новосильцева и др.; нѣтъ бумаги, которая не была бы обработана ими, нѣтъ человѣка, назначеннаго не ими. Частыя сношенія мои, въ особенности съ двумя послѣдними, мѣшаютъ министру ставить преграды тому добру, которое мы стараемся дѣлать. Впрочемъ, мы сдѣлали его уступчивымъ донельзя,—настоящая овца; словомъ, онъ ничтоженъ и посаженъ въ министерство только для того, чтобы не кричалъ, что онъ отстраненъ». Однако, какъ видно, изъ свидѣтельства Каразина, Завадовскій, именно въ силу своей ничтожности, ставилъ преграды всякому добру, которое могло дѣ-

лать министерство народнаго просвѣщенія. И такой человѣкъ оставался во главѣ этого новаго министерства цѣлыхъ 8 лѣтъ— именно то время, когда оно должно было проявлять широкую реформаторскую дѣятельность и все потому, что Александръ желалъ, чтобы этотъ совершенно ничтожный, по его мнѣнію, человѣкъ, «настоящая овца», «не кричалъ, что онъ отстраненъ». Этотъ любопытный фактъ бросаетъ яркій свѣтъ на характеръ эпохи и самого Александра I. Вмѣсто одной канцеляріи, заведено три, причемъ одна вѣчная—министра, ничего не дѣлая, стоитъ 22,000 р., а еще одна, стоящая 5,000 р., занята исключительно записываніемъ доходовъ съ «щукинскаго» дома (всего 13,000 р.), на которые содержалась третья канцелярія—работающая.

Приведенное нами письмо служитъ образчикомъ той безцеремонной прямоты, съ которою Каразинъ отзывался о людяхъ и дѣлахъ какъ въ частныхъ разговорахъ, такъ и въ оффиціальныхъ бумагахъ, не исключая и представленій императору. Неудивительно, что Каразинъ съумѣлъ вооружить противъ себя всѣхъ тогдашнихъ сильныхъ людей, а они въ свою очередь съумѣли избавиться отъ этого безпокойнаго человѣка. Ниже мы еще будемъ имѣть случаи привести примѣры подобной же прямоты Каразина, всегда называвшаго вещи по ихъ именамъ.

Мы не знаемъ, какой результатъ послѣдовалъ отъ этого письма Каразина Александру I. Во всякомъ случаѣ дѣло харьковскаго университета попрежнему было заторможено. Нѣтъ сомнѣнія, что всякій другой на мѣстѣ Каразина, встрѣчая отовсюду одни препятствія и ни откуда поддержки, давно бы счелъ себя вынужденнымъ оставить данное дѣло. Но Каразинъ, какъ мы видѣли, считалъ дѣло харьковскаго университета дѣломъ своей чести; къ тому-же онъ слишкомъ любилъ свою Украйну, для которой университетъ, по его мнѣнію, составлялъ насущную потребность. И онъ рѣшилъ довести дѣло до конца, какихъ бы личныхъ лишеній и непріятностей оно ему ни стоило. Положеніе его еще ухудшалось, благодаря личнымъ непріязненнымъ отношеніямъ къ нему многихъ изъ тогдашнихъ людей власти. О Завадовскомъ и говорить нечего: онъ не терпѣлъ Каразина, какъ человѣка, не дающаго ему покоя и могущаго безъ церемоніи доводить обо всемъ до свѣдѣнія императора. Но вотъ образчикъ отношенія къ нему другихъ сановниковъ. Когда въ Харьковѣ состоялись постановленія дворянъ и горожанъ о пожертвованіяхъ, Каразинъ послалъ

первое извѣстіе о томъ Трощинскому, при которомъ онъ тогда еще числился на службѣ, будучи увѣренъ, что тотъ немедленно доведетъ объ этомъ выдающемся фактѣ до свѣдѣнія императора. Но Трощинскій даже не подумалъ объ этомъ.

Кочубей, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, къ которому Каразинъ обратился съ письмомъ за два дня до вышеприведеннаго письма къ Александру I, прося его распоряженій о сдачѣ домовъ, предназначенныхъ для харьковскаго университета, и выдачѣ денегъ, слѣдовавшихъ харьковскому дворянству за подводы,— позволилъ себѣ сказать, обращаясь къ Сперанскому, игравшему тогда въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ первую скрипку: «развяжите меня какъ нибудь съ этимъ человѣкомъ». При такихъ-то отношеніяхъ къ тогдашнимъ министрамъ Каразинъ долженъ былъ постоянно напоминать имъ о своемъ любимомъ дѣтищѣ, хлопотать за него, просить, требовать. И Каразинъ дѣлалъ все это, не оставляя ни минуты въ покоѣ всѣхъ, отъ кого зависѣло подвинуть дѣло къ окончанію, и дѣлая многое, если не все, за свой страхъ и на свой счетъ. И только благодаря такой настойчивости, пренебреженію къ своимъ личнымъ обидамъ и оскорбленіямъ, щедро сыпавшимся на него, и пожертвованію своими средствами, Каразинъ довелъ дѣло до конца.

Въ виду того, что Потоцкій, не получая нужныхъ средствъ, прекратилъ всякіе переговоры съ заграничными учеными, которыхъ предполагалось пригласить въ профессора Харьковскаго университета—Каразинъ рѣшился дѣйствовать въ этомъ направленіи на свой страхъ. Въ бумагахъ его имѣются письма Фихте, Гильденбрандта, Пуассона, Лаланда, Рейха и другихъ, съ которыми онъ вошелъ въ переписку по данному поводу. Въ то же время Каразинъ озабочивался и пріисканіемъ слушателей для будущаго университета. Въ Харьковѣ онъ нашелъ до 50 молодыхъ людей, «годныхъ къ непосредственному поступленію студентами». Но этого числа ему казалось мало и онъ уговорилъ Новосильцева,—опасаясь выступать лично, чтобы не повредить дѣлу,—представить министру народнаго просвѣщенія о необходимости просить, чтобы изъ семинарій, находящихся въ харьковскомъ учебномъ округѣ, не требовались ученики въ петербургскую учительскую семинарію, а помѣщались въ Харьковскій университетъ. Представленіе объ этомъ было сдѣлано въ іюнѣ, а подписано министромъ только въ ноябрѣ. Между тѣмъ нужно было заботиться

и о приготовленіи помѣщенія для университета. Дома для этого были кое-какъ получены: ихъ нужно было перестраивать, передѣлывать, вообще приспособлять къ новому назначенію. Харьковъ былъ тогда еще на столько первобытнымъ городомъ, что въ немъ не было представителей многихъ ремеслъ, необходимыхъ для постройки и отдѣлки порядочнаго зданія. Лица, которымъ Каразинъ поручилъ продолжать начатыя имъ въ Харьковѣ работы, писали ему, чтобы онъ прислалъ имъ необходимыхъ мастеровъ. Каразинъ сталъ просить объ отпускѣ необходимыхъ для выписки мастеровъ средствъ. Ему было отказано въ этомъ. Тогда онъ занялъ 9,525 р. у разныхъ лицъ и на нихъ выписалъ изъ-за границы 32 семейства мастеровыхъ, которыхъ и отправилъ въ Харьковъ (только эти деньги и были ему возвращены).

Благодаря всѣмъ такимъ экстраординарнымъ мѣрамъ Каразина, дѣло открытія Харьковскаго университета, не смотря на всѣ препятствія, близилось къ окончанію. Невыносимое положеніе Каразина на службѣ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, на которой онъ оставался исключительно ради содѣйствія дѣлу университета, теперь, въ виду близкаго благополучнаго окончанія его, заставило Каразина выйдти въ отставку, которая состоялась 27 авг. 1804 г. Матеріальное положеніе его въ это время было ужасное. Въ письмѣ къ Сперанскому отъ 1810 года онъ такъ описывалъ это положеніе:

„Меня бросили на площади безъ всякаго милосердія! Я издерживалъ *на все, про все* собственныя деньги, нахватывая ихъ, гдѣ только могъ. Но послѣ моей отставки, наконецъ, *изъ милости*, выпросилъ мнѣ добрый князь Чарторижскій столько, чтобы я могъ выѣхать изъ Петербурга, и къ тому въ дополненіе, принужденъ я былъ еще заложить послѣдній перстень“.

Тѣмъ не менѣе, Каразинъ въ это время торжествовалъ, такъ какъ его усилія увѣнчались успѣхомъ: 17 янв. 1805 г. Харьковскій университетъ былъ открытъ, и первымъ почетнымъ членомъ его былъ избранъ Василій Назаровичъ Каразинъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Охлажденіе Александра I къ Карамзину и его причины.—Исторія съ сенатомъ. Отношеніе къ Карамзину окружающихъ императора лицъ. Дѣятельность Карамзина внѣ службы. Попытка служить сербскому дѣлу.

Какъ мы видѣли, въ самый разгаръ работы Карамзина на пользу просвѣщенія Россіи, работа эта была парализована прекращеніемъ того благоволенія, которое имѣлъ къ нему Александръ. Это неожиданное охлажденіе, стѣснивъ, а затѣмъ совсѣмъ прервавъ дѣятельность Карамзина въ данномъ направленіи, прекратило и реформаціонную дѣятельность въ области народнаго образованія. Начатая на широкихъ основаніяхъ, преобразовательная дѣятельность въ дѣлѣ просвѣщенія Россіи, съ устраненіемъ Карамзина приняла обычный канцелярскій характеръ и, вмѣсто осуществленія широкихъ плановъ, которое составило бы настоящую эпоху въ нашей исторіи и дало бы Россіи небывалую силу, привело къ самымъ скуднымъ и жалкимъ результатамъ.

Чѣмъ же было вызвано охлажденіе къ Карамзину Александра, отнесшагося къ нему сперва съ такой чрезвычайною благосклонностью и нѣкоторое время оказывавшаго ему чрезвычайное вниманіе?

Причины тому крылись какъ въ характерѣ Александра I, такъ и въ характерѣ самого Карамзина, и наконецъ въ его положеніи среди лицъ, окружавшихъ Александра I въ эту эпоху.

Непостоянство Александра I, его измѣнчивость какъ во взглядахъ и настроеніи, такъ и въ личныхъ привязанностяхъ слиш-

комъ извѣстна, чтобы распространяться объ этомъ предметѣ. Первые годы своего царствованія, Александръ былъ окруженъ тѣснымъ кружкомъ, состоявшимъ изъ Строганова, Новосильцева, Чарторижскаго и Кочубея. Отношенія его къ этимъ лицамъ—отношенія близкой, тѣсной дружбы. Но проходитъ нѣсколько лѣтъ—и послѣ Тильзитскаго мира названныя лица сходятъ со сцены. Наступаетъ очередь Сперанскаго: онъ не только министръ, но и другъ Александра I. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ Сперанскій не только падаетъ, но и попадаетъ въ ссылку. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ другихъ лицъ, пока дѣло не доходитъ до мистиковъ и наконецъ до Аракчеева, Фотія и Магницкаго. Привязанность Александра I къ Каразину такимъ образомъ не могла быть прочною уже по характеру Александра I; а быстрому окончанію ея содѣйствовали и личныя качества Каразина, и старанія окружавшихъ императора.

Въ характерѣ Каразина были черты, которыя, при всей ихъ почтенности, дѣлаются нерѣдко въ тягость ближнимъ. Мы видѣли, что Каразинъ отличался необычайною прямотою. Исполняя буквально просьбу Александра I говорить ему всегда правду просьбу, которая такъ согласовалась съ его собственнымъ характеромъ—Каразинъ съ одной стороны неизбѣжно наживалъ себѣ враговъ среди сильныхъ тогда людей, близкихъ къ Александру, а съ другой далеко не всегда былъ пріятенъ и послѣднему. Выше уже приводились примѣры той рѣзкости, съ которою Каразинъ раскрывалъ Александру глаза на то, что дѣлалось кругомъ него. Уже значительно позже, въ 1820 г., когда онъ не представлялъ для Александра рѣшительно никакого интереса, Каразинъ говорилъ ему все ту-же безцеремонную правду, рѣшительно не заботясь о послѣдствіяхъ, какъ это уже отчасти видно было изъ приводившихся выше цитатъ изъ записки 1820 г., и будетъ еще виднѣе ниже. Выше мы приводили также образчикъ того, какъ говорилъ Каразинъ въ прошеніи, поданномъ императору Николаю, котораго онъ пытался убѣждать въ невозможности повернуть назадъ колесо исторіи. Понятно, что «правда», высказываемая Каразинымъ Александру I въ періодъ благоволенія къ нему государя, была еще рѣзче, еще безцеремоннѣе. Въ числѣ напечатанныхъ писемъ Каразина къ Александру I, имѣются два письма, относящіяся къ одному эпизоду, въ которомъ ярко выразились отношенія Александра и окружающихъ его къ вопросу объ ограниченіи верховной власти, о чемъ въ то время было много разговоровъ.

Въ опредѣленіи правъ и обязанностей сената, изданномъ 8 сент. 1802 года, сенату было предоставлено право дѣлать представленія императору о тѣхъ высочайшихъ повелѣніяхъ, исполненіе которыхъ связано съ значительными неудобствами или которыя несогласны съ прежними законами. Вскорѣ представился случай примѣнить это право сената къ дѣлу. Въ декабрѣ 1802 года поступилъ въ сенатъ высочайше конфирмованный докладъ государственной военной коллегіи о правахъ дворянъ относительно военной службы. Этотъ новый законъ во многомъ противорѣчилъ прежнимъ законамъ по тому-же предмету. Надо замѣтить, что въ то время сенаторы, не исключая даже такихъ, какъ Державинъ, были весьма склонны къ тому, чтобы придать сенату роль учрежденія, ограничивающаго верховную власть. Въ этомъ смыслѣ сенатомъ былъ даже составленъ особый проэктъ своего преобразованія, и даже Державинъ представилъ Александру I особый проэктъ, въ которомъ хотѣлъ придать сенату роль конституціоннаго учрежденія. И однако, лишь только представился случай проявить нѣкоторую самостоятельность, которая была притомъ вмѣнена сенату въ обязанность,—сенаторы не рѣшились сдѣлать нужнаго представленія. Нашелся только одинъ сенаторъ, устыдившійся подобной трусости; это былъ Потоцкій, о которомъ, какъ о первомъ попечителѣ харьковскаго учебнаго округа, упоминалось выше. Онъ рѣшился внести въ сенатъ свое особое мнѣніе, но, плохо владѣя русскимъ языкомъ, поручилъ Каразину, съ которымъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, составить нужную записку. Сенатъ четыре раза назначалъ время для слушанія этой записки и четыре раза откладывалъ его. Тогда, возмущенный такимъ поведеніемъ сената, Каразинъ обратился къ Александру I съ письмомъ, которое приводимъ полностью, такъ какъ оно даетъ полное понятіе о благородствѣ характера Каразина, особенно при сопоставленіи его поведенія съ поведеніемъ сената, а также о томъ, какъ мало умѣлъ онъ соблюдать политику въ своихъ отношеніяхъ къ Александру I. Вотъ это письмо:

„Государь! Кто чтитъ, кто любитъ васъ искреннѣе, тотъ долженъ быть и дерзновеннѣе другихъ: ничто меня не остановитъ, когда дѣло идетъ о славѣ вашей. Въ сенатѣ не смѣли читать извѣстнаго вамъ уже мнѣнія гр. Потоцкаго, не доложась. *Пріобыкли, бѣдные, и шагу для общаго добра не сдѣлать безъ имянного повелѣнія.* Сегодня, думаю, министръ юстиціи, *къ стыду россіянъ*, представитъ вамъ на разрѣшеніе, позволите-ли сенаторамъ выслушать только сію бумагу, не

взирая, что всякъ изъ нихъ ясно видитъ, что она писана на основаніи вашего точнаго дозволенія. Я не говорю о самомъ мнѣніи, *предугадывая, какъ Александръ поступитъ*, если сенатъ, уваживъ оное, войдетъ съ формальнымъ докладомъ. Но осмѣливаюсь и спѣшу донести, что люди, преданные вамъ и общему добру, *ожидаютъ отъ васъ на нынѣшнее представленіе отвѣта гласнаго, назначеннаго сдѣлаться извѣстнымъ публикѣ*, отъ которой конечно не укроется, что васъ о семъ спрашивали. *Первый еще случай вы имѣете*, государь, обожающему васъ народу и Европѣ имѣть съ нимъ *доказать рѣшительно образъ вашихъ мыслей* и возродить сѣмена любви къ отечеству и общественнаго духа. Важный случай сей есть, можетъ быть, *и единственный, ибо эгоизмъ и низость ждутъ только малѣйшаго движенія вашего въ ихъ пользу, чтобъ, по крайней мѣрѣ, на пятьдесятъ лѣтъ впередъ обезпечить свое владычество*".

Письмо это не привело ни къ какимъ послѣдствіямъ. Тогда Каразинъ, бывшій въ это время на пути въ Харьковъ, чтобы принять на себя тамъ устройство помѣщеніи для университета, послалъ изъ Москвы другое письмо Александру. Въ этомъ письмѣ онъ выражается еще рѣшительнѣе, высказывая свою увѣренность въ томъ, что императоръ

„въ семъ рѣшительномъ случаѣ не упуститъ *доказать свѣту, что его слова, въ манифестахъ сказанныя, суть и въ вѣкъ пребудутъ словами самой истины*; не станетъ, слѣдовательно, ни подъ какимъ видомъ ограничивать того, что единожды нарекъ, *коренным, непреложнымъ закономъ*; поддержитъ духъ, развитой во всѣхъ дѣяніяхъ его царствованія, *духъ совершенной политической свободы*; не захочетъ однимъ ударомъ уничтожить на полвѣка, по крайней мѣрѣ, всякую смѣлую дѣятельность въ томъ сословіи, которое онъ самъ желалъ ободрить и возвысить".

Письмо это заканчивалось слѣдующимъ патетическимъ воззваніемъ:

„Я не прошу прощенія въ моемъ дерзновеніи: если ты — тотъ Александръ, надежда и любимецъ Россіи, которымъ заняты были всѣ мечтанія моей юности, къ которому усердія жаръ и нынѣ еще, въ возрастѣ зрѣлаго ума, увлекаетъ меня въ легкомысленные, по стремительности своей, поступки: если ты тотъ подлинно — на что мнѣ извиняться? Если же ты только самодержецъ, то такія оправданія не могутъ уменьшить вины моей, и я готовъ понести за нее наказанія, готовъ теперь, въ самомъ цвѣтущемъ періодѣ моей жизни".

Насколько могла быть пріятна Александру эта «правда» Каразина и насколько вообще Александръ I былъ склоненъ къ практическому осуществленію своего желанія «обуздать деспотизмъ нашего правленія», ясно видно изъ того, что вопросъ о правѣ сената дѣлать представленія по поводу новыхъ законовъ, получилъ вскорѣ разъясненіе въ томъ смыслѣ, что это право от-

носится только къ тѣмъ законамъ или указамъ, которые вышли *до* предоставленія означеннаго права сенату. Такимъ разъясненіемъ совершенно уничтожалось только-что предоставленное право, и громкій указъ 8 сент. 1802 г. превращался просто въ какую-то шутку. Понятно, что люди, вродѣ Каразина, принимавшіе въ серьезъ громкія фразы манифестовъ, вышедшихъ въ первые два года царствованія Александра I, и требованіе оправданія этихъ фразъ дѣломъ, не могли быть особенно довольны.

Противъ Каразина дѣйствовала и интрига. Приближеніе Каразина къ Александру I было непріятно и для молодыхъ друзей послѣдняго, вышеупомянутыхъ «неразлучныхъ»—Чарторижскаго, Новосильцева, Строганова и Кочубея, и екатерининскихъ служакъ Завадовскаго, Трощинскаго, Державина и др., -для обоихъ группъ приближенныхъ Александра въ первые годы его царствованія. Онъ былъ чужой и тѣмъ, и другимъ, чужой и непонятный. Первые, составляя тѣсный кружокъ друзей юности императора, относились съ неудовольствіемъ къ новому конкуренту на интимную дружбу съ Александромъ; вторымъ онъ былъ страшенъ своею прямотою, правдивостью и безцеремонностью, съ которыми онъ, какъ мы видѣли, возставалъ противъ всякихъ злоупотребленій. Для тѣхъ и другихъ онъ былъ «tête chaude», которую во всѣхъ отношеніяхъ лучше спровадить подальше. Четверо вышеупомянутыхъ друзей Александра I были люди щепетильныхъ понятій и едва-ли лично дѣлали что-нибудь, чтобы повредить Каразину; но вмѣстѣ съ тѣмъ они оставались спокойными свидѣтелями интригъ противъ него со стороны второй группы приближенныхъ и не поддерживали его даже въ тѣхъ случаяхъ, когда должны были это сдѣлать въ силу своихъ политическихъ убѣжденій, какъ напр., въ вышеизложенной исторіи съ сенатомъ. Интрига не церемонилась въ своихъ средствахъ. Еще въ началѣ благоволенія Александра I къ Каразину, однажды во время представленія драмы Шиллера «Донъ Карлосъ» на придворномъ театрѣ, одинъ изъ сановниковъ произнесъ громко, чтобы слышалъ императоръ: «и у насъ появился маркизъ Поза», причемъ всѣ присутствующіе оглянулись на Каразина. Такія выходки не могли не дѣйствовать на самолюбиваго Александра. Практиковались вещи и похуже. Императоръ пишетъ письмо Каразину въ Калугу, гдѣ тотъ былъ по вышеупоминавшемуся дѣлу Лопухина; письмо это прочитывается на почтѣ и

содержаніе его дѣлается извѣстнымъ многимъ, что доходитъ до свѣдѣнія Александра I. Послѣдній приписываетъ это нескромности Каразина. Была еще одна исторія, которая давала возможность выставить Каразина въ невыгодномъ свѣтѣ предъ Александромъ. Умеръ одинъ изъ крупныхъ помѣщиковъ Слободской Украйны—Надаржинскій. Имѣніе его переходило къ его дочери. Племянникъ покойнаго, Кондратьевъ, возбудилъ искъ, утверждая, что дочь эта родилась до брака Надаржинскаго и его жены, стало быть, какъ незаконная, не можетъ наслѣдовать, и потому имѣніе должно перейти къ нему. Дѣло рѣшилось уже въ пользу Кондратьева, когда въ него вмѣшался Каразинъ, считавшій своею обязанностью вступиться за молодую Надаржинскую. Онъ изложилъ Александру дѣло и просилъ его поручить разсмотрѣніе тяжбы воспитателю государя Лагарпу и Державину, бывшему тогда министромъ юстиціи. Такъ какъ Лагарпъ въ это время уѣхалъ во Францію, то дѣло разсматривалъ одинъ Державинъ. Послѣдній, всего менѣе благоволившій къ Каразину, тѣмъ не менѣе далъ заключеніе въ пользу Надаржинской, которая и унаслѣдовала имѣніе отца. По окончаніи дѣла Каразинъ посватался къ Надаржинской, но получилъ отказъ, такъ какъ она дала уже слово другому. Враги Каразина не замедлили представить это дѣло императору въ томъ смыслѣ, что Каразинъ руководился въ этой исторіи корыстными цѣлями, такъ какъ имѣлъ въ виду воспользоваться спорнымъ наслѣдствомъ, какъ приданымъ. Вообще, интрига не упускала ни одного случая повредить Каразину и въ связи съ собственною рѣзкостью Каразина достигла успѣха. Благоволеніе Александра къ Каразину исчезло, и монархъ потерялъ вѣрнаго друга и слугу, а отечество—полезнаго работника, который такъ много сдѣлалъ добра за короткій промежутокъ своей близости къ власти и обѣщалъ сдѣлать и измѣримо больше. Каразину пришлось удалиться изъ правительственныхъ сферъ въ деревенскую глушь, гдѣ онъ однако не впалъ въ бездѣйствіе, а продолжалъ работать для блага своего отечества, но на иныхъ уже поприщахъ.

Прежде чѣмъ перейдти къ разсмотрѣнію послѣдующей жизни Каразина и новой его дѣятельности, сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній о его внѣслужебныхъ занятіяхъ въ періодъ 1801—1804 гг. Выше уже говорилось о разныхъ щекотливыхъ порученіяхъ, которыя давалъ ему Александръ I и образчикомъ которыхъ

является вышеприведенное дѣло Лопухина. Но Александръ давалъ Каразину порученія и иного рода, какъ напр. порученія пересмотрѣть статутъ ордена св. Владиміра, составлять записки по разнымъ вопросамъ законодательства и т. п. Къ его знаніямъ и талантамъ прибѣгали и тогдашніе сановники, какъ это мы видѣли на примѣрѣ Потоцкаго. Пользовался его услугами и такой человѣкъ, какъ Сперанскій. Въ числѣ опубликованныхъ матеріаловъ для біографіи Каразина есть слѣдующая записка къ нему Сперанскаго: *Весьма, весьма вамъ благодаренъ.* Я сижу точно какъ въ туманѣ, окруженъ мыслями о законахъ, о установленіяхъ, о порядкѣ, коего тщетно въ мірѣ и въ головѣ моей ищу и *который нахожу въ вашихъ бумагахъ.* Теперь начинаю писать наказъ. Завтра ожидаю васъ поутру; естьли не застанете меня дома, прошу немного подождать: я въ 7½ возвращусь». На особомъ листкѣ, приложенномъ къ нему значится:

«1) о крестьянахъ { 1) Обѣщаніе. 2) Источники коммерціи. 3) Мѣстное управленіе.

«2) О государственныхъ дѣлахъ, какія есть государственныя дѣла, или какіе должны быть предметы управленія совѣта».

Это повидимому конспектъ предметовъ, мнѣніе о которыхъ Каразина было желательно знать Сперанскому. Какъ видимъ, вліяніе Каразина имѣло мѣсто и тамъ, гдѣ его мы всего менѣе могли ожидать.

Позднѣе, въ 1810 г., когда Сперанскій былъ въ апогеѣ своего величія, Каразинъ обратился къ нему съ письмомъ, въ которомъ просилъ его содѣйствія въ полученіи ссуды изъ казны подъ залогъ своего имѣнія для устройства селитрянаго завода, въ которомъ онъ имѣлъ въ виду примѣнить новый, открытый имъ, способъ добычи селитры. Для выдачи подобныхъ ссудъ существовала особая сумма; но Каразину ссуды не давали, требуя, чтобъ онъ предварительно открылъ свой секретъ, на что тотъ не соглашался. Онъ просилъ у Сперанскаго «одного его слова». Письмо заканчивается словами: «Если я писалъ только къ тайному совѣтнику, etc., etc., etc., а не къ человѣку... Богъ съ вами». Оказалось, что письмо дѣйствительно попало къ тайному совѣтнику, а не къ человѣку, такъ какъ Сперанскій даже не отвѣтилъ. Каразинъ, по своей наивности, очень не во время напомнилъ Сперанскому о томъ, что они «были нѣкогда друзья» и

Сперанскій величалъ его въ письмахъ своихъ «единственнымъ душевнымъ другомъ».

Мы видѣли, что Каразинъ постоянно вмѣшивался всюду, гдѣ замѣчалъ попранную правду, и этимъ путемъ наживалъ себѣ массу работы. Но всѣмъ перечисленнымъ выше не исчерпывалась обширная и разносторонняя дѣятельность Каразина въ теченіи 1801—1804 гг. Нужно упомянуть еще о журналѣ «Ежемѣсячное сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія», который онъ велъ во время пребыванія въ должности правителя дѣлъ главнаго правленія училищъ. Есть упоминаніе еще о *рукописномъ* педагогическомъ журналѣ, который составлялъ Каразинъ для императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Прежде чѣмъ основаться послѣ отставки въ деревнѣ, Каразинъ пытался послужить совсѣмъ особымъ образомъ дѣлу освобожденія балканскихъ славянъ. Свѣдѣнія объ этомъ находимъ въ любопытныхъ письмѣ и объяснительной запискѣ, посланныхъ въ ноябрѣ 1804 г. Каразинымъ къ Чарторижскому.

Каразинъ думалъ, что Россіи «предназначена завидная доля быть защитницей рода человѣческаго: богатая внутренними силами, независимая во всѣхъ отношеніяхъ, она должна быть покровительницей угнетенныхъ, какъ будетъ современемъ судьею другихъ царствъ». Однако до тѣхъ поръ эта роль «защитницы рода человѣческаго» плохо выполнялась Россіею, и первая попытка сыграть эту роль по отношенію къ населенію Балканскаго полуострова при Екатеринѣ II окончилась

„послѣ столькихъ потраченныхъ милліоновъ и пролитія столькой крови—и русской, и молдавской, и греческой, и вообще славянской, не считая уже непріятельской, покореніемъ только Крыма, который превратили въ пустыню изъ прекрасной и многолюдной страны, какою онъ былъ у турокъ. Намъ, по истинѣ, какъ будто ужъ судьбой назначено опустошать все, распространяя наши предѣлы, пользоваться на манеръ вандаловъ и гунновъ, и побѣдами нашими, и неисчерпаемыми внутренними силами, дающими средства побѣждать".

Но такъ какъ въ это время на русскомъ престолѣ возсѣдалъ «геній мира и благотворнаго созиданія», то Каразинъ былъ увѣренъ, что теперь Россія не будетъ стремиться къ завоеваніямъ и будетъ готова помочь возникновенію «славянскаго царства, на престолъ котораго возсядетъ одинъ изъ братьевъ Александра». Создать это славянское царство онъ брался въ 5, много 10 лѣтъ, если ему позволятъ взяться за это дѣло и окажутъ то содѣйствіе, о которомъ онъ проситъ.

Въ это время сербы возстали противъ турокъ. Каразинъ получилъ письма, извѣщавшія его о томъ, что въ Сербіи готовится посольство къ императору Александру съ просьбою о заступничествѣ. Каразинъ умоляетъ не оставить этого ходатайства безъ удовлетворенія, причемъ находитъ, что для оказанія помощи возставшимъ нѣтъ никакой надобности вступать въ активныя враждебныя отношенія къ Турціи, а достаточно, чтобы русское правительство послало къ возставшимъ своего тайнаго эмиссара, что́ покажетъ балканскимъ народностямъ готовность со стороны Россіи поддержать ихъ, и этого одного будетъ достаточно для того, чтобы вызвать общее возстаніе на Балканскомъ полуостровѣ и оставить отъ турецкой имперіи одну тѣнь. Эмиссаромъ онъ предлагалъ себя. Ѣхать въ возставшую Сербію онъ брался на свои страхъ; онъ просилъ только, чтобы его тайно рекомендовали сербскимъ депутатамъ, именно какъ эмиссара русскаго правительства, и чтобы было дозволено отправиться съ нимъ четыремъ добровольцамъ, изъ которыхъ одинъ былъ механикъ, другой химикъ, третій—минералогъ, а четвертый, сербъ, долженъ былъ играть роль секретаря при эмиссарѣ. Въ случаѣ неудачи миссіи, правительство могло отказаться отъ нея, какъ предпринятой по собственной инициативѣ участниковъ.

Предложеніе Каразина не было принято — и онъ отправился въ свою Украйну.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Отношеніе Каразина къ крестьянскому вопросу. -Устроенство принадлежавшихъ ему населенныхъ имѣній. Заступничество крестьянъ. - Каразинъ-крѣпостникъ.

Въ первые годы царствованія Александра I вопросъ объ улучшеніи положенія крѣпостныхъ крестьянъ былъ выдвинутъ впередъ. Самъ императоръ былъ склоненъ къ дарованію крестьянамъ полнаго освобожденія. Однако эта склонность въ немъ, какъ и многія другія прекрасныя склонности, были парализуемы страшными опасеніями то недовольства помѣщиковъ, то волненій среди крестьянъ, то трудностей дѣла. Практически сочувствіе Александра угнетенному положенію крѣпостныхъ привело только къ указу о непринятіи объявленій для напечатанія въ вѣдомостяхъ относительно продажи людей безъ земли (мысль о *запрещеніи* продажи людей безъ земли не была осуществлена въ виду ея «опасности»), къ прекращенію раздачи *въ собственность* населенныхъ имѣній (что не мѣшало раздавать ихъ въ видѣ *наслѣдственныхъ арендъ*), учрежденію «свободныхъ хлѣбопашцевъ», въ которые помѣщики могли переводить своихъ крестьянъ, буде пожелаютъ (пожелали 160 помѣщиковъ, взыскавшіе при этомъ съ освобожденныхъ крестьянъ —45,153 душъ въ среднемъ по 396 р. съ души), да къ нѣкоторымъ другимъ малозначительнымъ мѣрамъ. Ничтожность мѣропріятій на пользу крѣпостныхъ особенно поразительна при сравненіи съ нерѣдкими заявленіями Александра I о своемъ отвращеніи къ крѣпостному праву и желаніи освободить крестьянъ.

Также малопослѣдовательны были и тѣ изъ окружающихъ

Александра I въ началѣ его царствованія, которые много говорили о бѣдственномъ положеніи крѣпостныхъ и необходимости улучшенія этого положенія, а между тѣмъ ровно ничего не дѣлали для того, чтобы облегчить собственныхъ крѣпостныхъ, и спокойно оставались крѣпостными владѣльцами равныхъ себѣ, что такъ возмущало ихъ въ теоріи. Рядомъ съ этими лицемѣрами едва-ли не болѣе симпатичными являются такіе откровенные крѣпостники, какъ Державинъ и Карамзинъ, которые прямо высказывали свои симпатіи крѣпостному праву, хотя эта откровенность и не могла нравиться Александру I.

Каразинъ не принадлежалъ ни къ крѣпостникамъ, ни къ либеральнымъ противникамъ крѣпостного права, остававшимся на дѣлѣ крѣпостниками. Его воззрѣнія на вопросъ, равно какъ и практическое отношеніе къ нему, стоятъ совсѣмъ особнякомъ.

Крестьяне, по взгляду Каразина, отнюдь не были собственностью помѣщиковъ. Противъ такого взгляда на крѣпостныхъ Каразинъ вооружается всѣми своими силами. Они—такіе же «подданные государства», какъ и помѣщики. Самое слово «крестьяне», съ которымъ вѣками связалось понятіе о крѣпостничествѣ, было ненавистно Каразину и онъ предлагалъ не употреблять его.

Отношенія помѣщика къ крестьянамъ слагались изъ двухъ элементовъ: во 1-хъ, онъ былъ наслѣдственный управитель ихъ, начальникъ и во 2-хъ, собственникъ земли, на которой жили крестьяне.

„Помѣщика разумѣю я—писалъ Каразинъ въ 1810 г. харьковскому губернатору Бахтину—наслѣдственнымъ чиновникомъ, которому правительство, давъ землю для населенія, ввѣрило чрезъ то попеченіе о людяхъ (поселянахъ), на оной жить имѣющихъ, и за нихъ во всѣхъ случаяхъ отвѣтственность. Онъ есть природный покровитель сихъ людей, ихъ гражданскій судья, посредникъ между ними и высшимъ правительствомъ, ходатай за нихъ, попечитель о неимущихъ и сиротахъ, наставникъ во всемъ, что принадлежитъ къ добру ихъ, наблюдатель за благоустройствомъ и нравами: однимъ словомъ, въ отношеніи къ государству онъ есть ихъ генералъ-губернаторъ въ маломъ видѣ“.

Такъ какъ помѣщикъ есть чиновникъ, управляющій крестьянами по порученію государства, то это управленіе есть государственная служба, которая

„должна на себя обращать, какъ и всѣ прочія, вниманіе правительства, его награды, его одобренія, его руководство, его наказанія. Незаботливость у насъ державной власти объ управленіи помѣщиками людей, причтеніе сихъ послѣднихъ къ дѣлу *домашнему*, не госу-

дарственному, вкрались къ намъ изъ чуждой для насъ системы. Это смѣшеніе началъ породило множество золъ: своеволіе помѣщиковъ, ихъ жестокость, ихъ привычку почитать людей, имъ вѣренныхъ, собственностью, ихъ удаленіе изъ помѣстьевъ въ столицы, слѣдовательно развращеніе ихъ, мотовство, разореніе именитыхъ домовъ и проч., и проч." (Записка 1820 г.).

Итакъ, крестьяне отнюдь не собственность помѣщиковъ. Крѣпостное право — отнюдь не «право», а злоупотребленіе, дурная «привычка», обусловленная «незаботливостью державной власти». Власть помѣщика надъ крестьянами есть власть поставленнаго надъ ними чиновника и потому пользованіе этою властью подлежитъ контролю со стороны государства, награжденію и наказанію. Мало того, «законъ и правительство должны блюсти», чтобы «удаленіе отъ благородныхъ чувствованій неминуемо влекло за собою изверженіе изъ благороднаго сословія», т. е. изъ помѣщиковъ. Тутъ ужъ Каразинъ высказывалъ, хотя и не вполнѣ опредѣленно, мысль объ отобраніи у помѣщиковъ «ввѣренныхъ» имъ крестьянъ въ случаѣ злоупотребленія властью, данной помѣщикамъ лишь для попеченія о крестьянахъ, — мысль, которая и въ голову не приходила тогдашнимъ либеральнымъ противникамъ крѣпостного права.

Если у помѣщика нѣтъ никакого права на крестьянъ, а есть только власть надъ ними, то онъ не имѣетъ никакого права на какія-либо повинности съ ихъ стороны въ свою пользу въ качествѣ ихъ владѣльца, каковымъ онъ вовсе не состоитъ. Право его на повинности возникаетъ изъ того факта, что земля, которою пользуются крестьяне, предоставлена государствомъ въ его собственность, почему размѣръ этихъ повинностей долженъ соотвѣтствовать выгодамъ, получаемымъ крестьянами отъ пользованія этою землею.

Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ крестьянъ и помѣщиковъ занималъ Каразина съ ранней молодости. Еще въ 1792 г., когда онъ вступилъ въ управленіе имѣніями, пожалованными его отцу Екатериною II, и когда слѣдовательно ему было всего 19 лѣтъ, онъ задумывался надъ вопросомъ объ этихъ отношеніяхъ. Въ 1795 г. онъ уже устроилъ въ имѣніи Кручикъ сельскую думу, о которой мы будемъ говорить ниже, а въ 1805 г., тотчасъ по оставленіи службы и поселеніи въ деревнѣ, онъ регламентировалъ повинности своихъ крестьянъ, которыя они должны были вести по отношенію къ нему, какъ помѣщику. Регламентація эта была установлена слѣдующимъ образомъ.

Каждому крестьянину или, по выраженію Каразина, «поселянину», достигшему совершеннолѣтія, давалось семь съ половиною десятинъ пахатной земли, одна десятина сѣнокоса и полдесятины подъ усадьбу. Земля эта отводилась въ вѣчное наслѣдственное владѣніе. Если у новаго домохозяина не было дома, полученнаго въ наслѣдство отъ отца, ему давался нужный для постройки лѣсъ. Если было нужно, выдавалась ссуда изъ учрежденнаго Каразинымъ общественнаго капитала. Для отопленія каждому хозяину отпускалось изъ помѣщичьяго лѣса четыре кубическихъ сажени дровъ и весь нужный подѣлочный лѣсъ для ремонта сельскохозяйственныхъ орудій и огорожи.

Повинности, которыя долженъ былъ нести каждый домохозяинъ по отношенію къ помѣщику за пользованіе всѣми вышеупомянутыми угодьями, опредѣлялись слѣдующимъ образомъ. Средняя цѣна пашни въ данной мѣстности (Богодуховскій уѣздъ, Харьковской губ.) въ то время составляла 45 рублей; цѣна покосной земли 40 руб. Такимъ образомъ 8 десятинъ пашни и усадьбы и одна десятина покоса, составлявшіе надѣлъ двора, стоили по тогдашнимъ цѣнамъ 400 р. Опредѣляя доходъ съ этой суммы въ 6% — тогдашній узаконенный процентъ, — Каразинъ установилъ, что плата за землю должна была составлять 24 р. Затѣмъ, за лѣсъ, отпускаемый на постройки и ремонтъ ихъ—6 р. въ годъ, за 4 куб. сажени дровъ, по 3 р. сажень, 12 р. и за подѣлочный лѣсъ— 3 руб. Всего, такимъ образомъ, повинности съ двора составляли 45 руб. въ годъ. Уплачивая эту сумму, поселянинъ затѣмъ оставался совершенно свободенъ отъ всѣхъ поборовъ, которые были такъ многочисленны и разнообразны у помѣщиковъ того времени. 45-рублевый оброкъ крестьянинъ могъ уплатить деньгами, а могъ и отработать, причемъ для переложенія этой повинности въ натуральную бралась въ разсчетъ средняя тогдашняя стоимость рабочаго дня въ 30 коп., такъ что для погашенія всего оброка нужно было затратить 150 рабочихъ дней. Послѣдняя цифра дворового оброка принималась за неизмѣнную, тогда какъ денежное опредѣленіе оброка должно было измѣняться каждый годъ соотвѣтственно измѣненію цѣнности рабочаго дня.

Земля поступала въ наслѣдственное пользованіе крестьянина. Черезъ 10 лѣтъ со времени полученія участка, крестьянинъ получалъ право закладывать и даже продавать его, съ тѣмъ только, чтобы продавецъ принималъ на себя лежащія на землѣ повинно-

сти. Допущеніе отчужденія земли нельзя не признать слабою стороною плана Каразина; но вмѣстѣ съ тѣмъ надо замѣтить, что оно являлось реальнымъ признаніемъ права собственности крестьянъ на землю.

Но ранѣе поземельнаго устройства своихъ крестьянъ, Каразинъ позаботился дать имъ правильное административное и судебное устройство. Еще въ 1793 г. онъ устроилъ въ с. Кручикъ сельскую думу, которая состояла изъ двухъ выбранныхъ крестьянами стариковъ и самого Каразина. Въ 1804 г., поселившись въ деревнѣ, Каразинъ преобразовалъ сельскую думу, которая въ новомъ составѣ имѣла предсѣдателемъ Каразина и членами старшаго и младшаго выборнаго, изъ которыхъ первый былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и церковнымъ старостой, а младшій завѣдывалъ сельскою полиціей и назывался благочиннымъ; къ числу членовъ думы принадлежали также священникъ и особый «надзиратель», старый отставной офицеръ, жившій у Каразина на покоѣ. Изъ членовъ думы трое получали жалованье: старшій выборный 42 р. въ годъ, младшій—60 р. и надзиратель—120 р. Постановленія думы записывались писаремъ, который получалъ 24 р. въ годъ и имѣлъ право получать кромѣ того съ крестьянъ за внесеніе въ особую книгу заключаемыхъ ими другъ съ другомъ договоровъ $^1/_{50}$ часть ихъ цѣнности. Дума засѣдала разъ въ недѣлю. Она вѣдала какъ административныя, такъ и судебныя дѣла и руководствовалась общими государственными законами, а въ тѣхъ случаяхъ, относительно которыхъ не было узаконеній, особыми постановленіями самой думы.

Изъ другихъ установленій Каразина относительно внутреннихъ распорядковъ с. Кручикъ слѣдуетъ остановиться на способахъ отбыванія рекрутской повинности, организаціи опекъ, устройствѣ училища и созданіи общественной суммы.

Рекрутская повинность, до изданія устава объ общей воинской повинности, ложилась страшнымъ бременемъ на народъ. Тягость ея еще усиливалась при крѣпостномъ правѣ тѣми злоупотребленіями, которыми сопровождалась сдача въ рекруты. Достаточно напомнить торговлю людьми для сдачи въ рекруты и сдачу крѣпостныхъ въ рекруты въ видѣ наказанія. Каразинъ, чтобы облегчить отбываніе этой тяжелой повинности для своихъ крестьянъ, установилъ слѣдующій порядокъ. По полученіи требованія извѣстнаго числа рекруговъ, сельская дума составляла списокъ

всѣхъ крестьянъ въ возрастѣ отъ 19 до 29 лѣтъ. На этихъ крестьянъ разлагалась цѣна рекрута, которая вмѣстѣ съ расходами по сдачѣ рекрута, опредѣлена была разъ на всегда въ стоимость 2 тыс. рабочихъ дней, что въ 1805—1810 гг. составляло 600 р. Раскладка дѣлалась неравномѣрно, смотря по росту, лѣтамъ, составу семьи и зажиточности. Въ 1810 г. этотъ сборъ колебался отъ 2 до 20 р. съ внесеннаго въ списокъ. Тѣ, кто подходилъ по росту къ установленнымъ требованіямъ, могъ или внести причитающуюся на него долю платежа, или явиться къ вынутію жребія. Если охотниковъ вынимать жребій не являлось, дума назначала, по своимъ соображеніямъ, кто долженъ былъ брать жребій. Взявшіе жребій являлись къ освидѣтельствованію въ рекрутскомъ присутствіи, начиная съ взявшихъ наименьшіе номера, пока не было пополнено требуемое количество рекрутовъ. Изъ денегъ, собранныхъ вышеуказаннымъ путемъ, уплачивались расходы по доставкѣ рекрутъ, снабженію ихъ бѣльемъ и одеждою, уплачивались «рекрутскія деньги» и долги взятыхъ въ рекруты; оставшаяся сумма хранилась въ общественной кассѣ, откуда взятый въ рекруты ежегодно получалъ 6% съ этой суммы. Когда-же взятый въ рекруты, окончивъ службу, возвращался домой или водворялся въ гарнизонъ, хранившаяся сумма полностью выдавалась ему на руки. Если онъ возвращался въ с. Кручикъ, то ему отводилось дворовое мѣсто и отрѣзались, какъ и тяглому крестьянину, $8^1/_2$ десятинъ земли, но уже *даромъ*, безъ отбыванія какой-либо повинности или платежа. Такимъ образомъ, благодаря заведенному Каразинымъ порядку, исчезалъ произволъ въ сдачѣ людей въ рекруты; взятые на службу имѣли постоянное денежное пособіе при нахожденіи на службѣ, а при выслугѣ избавлялись отъ того ужаснаго безпомощнаго положенія, въ которомъ оказывались обыкновенно отставные солдаты до введенія новаго устава о воинской повинности.

Крестьянскія опеки представляютъ доселѣ жгучій вопросъ деревенской жизни. И въ настоящее время опека надъ крестьянскими дѣтьми поставлена до того неудовлетворительно, что сплошь и рядомъ служитъ къ полному разоренію сиротъ. Въ прежнее же время не было и вовсе никакого опредѣленнаго попеченія объ имуществѣ сиротъ. Въ виду этого, а также и ради попеченія о самыхъ сиротахъ, Каразинъ установилъ слѣдующій порядокъ. По смерти крестьянина одинъ изъ его сыновей садится на его хозяй-

ство, а остальные получаютъ новые участки земли и лѣсъ, необходимый для постройки дома. Малолѣтніе получаютъ участки *безъ взноса повинности*, и такою льготою они пользуются до совершеннолѣтія. Отведенная малолѣтнему земля, а также движимое имущество, поступившее въ пользу его по наслѣдству, отдаются въ опеку назначенному думою домохозяину. Опекунъ или ведетъ хозяйство на землѣ малолѣтняго за счетъ и въ пользу послѣдняго, причемъ за свои труды получаетъ 10% изъ дохода съ земли, или беретъ участокъ малолѣтняго какъ бы въ аренду себѣ, уплачивая за него ту повинность, которую съ подобнаго участка получаетъ помѣщикъ, съ уменьшеніемъ ея, однако, 10%, остающимися въ пользу опекуна. Полученный тѣмъ или другимъ способомъ доходъ съ земли малолѣтняго, за вычетомъ расходовъ по содержанію послѣдняго, которые, по справедливому замѣчанію Каразина, въ деревнѣ совершенно ничтожны, такъ какъ здѣсь малолѣтніе рано начинаютъ заработывать свое пропитаніе, — вносится въ общественную кассу, и полностью, съ наросшими процентами, вручается достигшему совершеннолѣтія сиротѣ. Если послѣ крестьянина остаются дочери, онѣ получаютъ землю на тѣхъ же основаніяхъ; для нихъ время платежа за землю начинается съ момента выхода замужъ, причемъ однако онѣ платятъ только *половину* установленной повинности. Бездѣтная вдова наслѣдуетъ участокъ мужа, но платитъ только *половину* повинности. Если никто изъ крестьянъ не пожелаетъ быть опекуномъ сиротъ, опека переходитъ *къ помѣщику, который*, обработывая землю въ свою пользу наемнымъ трудомъ, *вноситъ за участокъ положенныя деньги въ общественную кассу въ пользу опекаемаго малолѣтняго*. При такомъ разумномъ порядкѣ вещей сироты не только не разорялись, но, при совершеннолѣтіи, въ ихъ руки поступалъ порядочный капиталъ, съ которымъ они могли начинать полное хозяйство.

Забота объ образованіи крестьянъ, въ особенности крѣпостныхъ, въ данное время представляла крайне рѣдкое явленіе. Каразинъ, придававшій, какъ мы видѣли, столь важное значеніе народному образованію и такъ много сдѣлавшій для дѣла просвѣщенія въ Россіи, конечно не могъ не позаботиться о предоставленіи своимъ крестьянамъ возможности получить образованіе. Онъ выстроилъ для школы особое зданіе, ремонтъ котораго былъ возложенъ на крестьянъ. На содержаніе школы сельская дума

отпускала цѣну 130 рабочихъ дней (въ 1810 г. это составляло 39 р.). Изъ нихъ цѣна 30 дней назначалась на подарки лучшимъ ученикамъ, а цѣна остальныхъ ста дней составляла жалованье учителя. Сверхъ того, учитель получалъ съ родителей учащихся цѣну отъ 3 до 30 рабочихъ дней, смотря по степени зажиточности ихъ. Желающіе изъ крестьянъ могли отдавать своихъ дѣтей, кончившихъ курсъ кручикской школы, въ уѣздное училище, гдѣ должны были содержать ихъ на свой счетъ. Если кто-либо изъ поступившихъ въ уѣздное училище обнаруживалъ особенно блестящіе успѣхи, тому Каразинъ давалъ вольную, съ тѣмъ, чтобы освобожденный изъ крѣпостного состоянія впослѣдствіи, когда будетъ занимать какое-либо мѣсто на государственной службѣ или получать доходъ отъ частныхъ занятій, уплатилъ *въ пользу общественной кассы* родного села стоимость 2000 рабочихъ дней.

Наконецъ, общественный капиталъ, заведенный Каразинымъ, игралъ обширную и разностороннюю роль въ жизни его крестьянъ. Капиталъ этотъ образовался изъ сбора съ крестьянъ, имѣвшихъ на платномъ оброкѣ землю; сборъ этотъ равнялся цѣнѣ полутора рабочихъ дней съ десятины пашни и составлялъ всего по селу цѣну 1,500 рабочихъ дней; къ полученной этимъ путемъ суммѣ Каразинъ *присоединялъ свой взносъ, равный половинѣ суммы, собранной съ крестьянъ*. Къ этой суммѣ присоединялись пожертвованія, штрафы, взыскиваемые по постановленіямъ думы съ виноватыхъ въ разныхъ проступкахъ, сборъ, установленный за отлучку изъ села, сборъ съ пчеляковъ (20-й улей каждою осенью) и т. д. Изъ этой суммы покрывались общественные расходы: жалованье священнику, дьячку и пономарю, ремонтъ церкви и школы, содержаніе *школы, аптеки* и *фельдшера* и разные мелкіе расходы.

За покрытіемъ всѣхъ общественныхъ расходовъ получался остатокъ, служившій для образованія общественнаго капитала. Капиталъ этотъ служилъ для выдачи ссудъ крестьянамъ изъ 6% годовыхъ. Для той же цѣли служили, какъ объяснено выше, суммы, принадлежавшія сиротамъ и крестьянамъ, отданнымъ въ солдаты.

Мы далеко не исчерпали всего, что намъ извѣстно объ учрежденіяхъ, введенныхъ Каразинымъ въ принадлежащихъ ему имѣніяхъ с. Кручикѣ и въ сельцѣ Анашкинѣ. Полагаемъ, однако,

что сказаннаго достаточно для того, чтобы видѣть, какъ серьезно и совершенно необычно смотрѣлъ Каразинъ на обязанности помѣщика по отношенію къ крестьянамъ и въ какой мѣрѣ онъ выполнялъ эти обязанности. Онъ былъ сторонникомъ подчиненности крестьянъ помѣщикамъ: но эта подчиненность, которую онъ защищалъ, не имѣла ничего общаго съ тѣмъ, что существовало въ дѣйствительности. Онъ требовалъ—и лично собою подавалъ первый примѣръ тому, чтобы помѣщики были достойны дарованныхъ имъ правъ и врученную имъ власть употребляли на благо «ввѣренныхъ» имъ крестьянъ: если этого не было, если помѣщики злоупотребляли ввѣренною имъ властью, Каразинъ требовалъ вмѣшательства государства и оказанія защиты крестьянамъ. Онъ возставалъ противъ злоупотребленій помѣщичьею властью и являлся на защиту крестьянъ всякій разъ, какъ только сталкивался съ проявленіями подобныхъ злоупотребленій, считая себя не въ правѣ быть безучастнымъ зрителемъ страданій крестьянъ. Приведемъ здѣсь одинъ характерный въ этомъ отношеніи примѣръ.

Въ 1820 г. Каразинъ подалъ Александру I записку по поводу различныхъ неурядицъ, царившихъ въ тогдашнемъ государственномъ управленіи. Записку эту, о которой мы будемъ говорить ниже и цитаты изъ которой приводились нами многократно, Каразинъ писалъ въ Петербургѣ. Здѣсь онъ встрѣтился съ однимъ изъ возмутительныхъ злоупотребленій крѣпостного права — отдачею крестьянъ въ наемныя работы. Цѣлый рядъ помѣщиковъ выгоняли изъ отдаленныхъ губерній своихъ крестьянъ въ Петербургъ и Петербургскую губернію, гдѣ они поступали въ распоряженіе подрядчиковъ, платившихъ за то помѣщикамъ приличное вознагражденіе. Эти несчастные, оторванные отъ своихъ семей, вынужденные бросить на все лѣто свое хозяйство, запродавались, какъ рабочій скотъ, и содержались подрядчиками тоже, какъ рабочая скотина. Каразинъ, ознакомившись съ этимъ ужаснымъ явленіемъ, немедленно разузналъ фамиліи помѣщиковъ, сдававшихъ въ наймы своихъ крестьянъ — это оказались преимущественно громкія графскія и княжескія фамиліи — и включилъ свѣдѣнія объ этомъ возмутительномъ дѣлѣ въ свою записку, не преминувши разразиться по адресу тогдашнихъ совѣтниковъ императора слѣдующими горькими словами, которыя конечно всего менѣе могли быть прощены сильными тогда людьми:

„Вѣроятно ли? въ самыхъ глазахъ друзей сихъ (т. е. тогдашнихъ совѣтниковъ Александра I) многія тысячи народа, запроданныя какъ рабочій скотъ подрячикамъ, вопіютъ къ небу, и вспоминая своихъ несчастныхъ женъ и дѣтей, оставленныхъ за семьсотъ и болѣе верстъ на скудныхъ нивахъ, въ одиночествѣ, со слезами безславятъ государя (тогда какъ онъ ни о чемъ столько не заботится, какъ о доставленіи имъ благосостоянія и свободы!) -и они его не донесутъ ему! не обратятъ ниже единымъ словомъ вниманія его человѣколюбиваго сердца на *такой* предметъ!... не избавятъ его отъ неправедныхъ укоризнъ народа, его обожать рожденнаго"...

Факты, вродѣ только-что изложеннаго, съ каждымъ годомъ убѣждали Карамзина въ томъ, что вопросъ объ упорядоченіи отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, объ обузданіи ихъ произвола закономъ, объ уничтоженіи дурной «привычки» считать собственностью крестьянъ, находящихся въ личной зависимости отъ помѣщиковъ -является важнѣйшимъ вопросомъ русской жизни. Въ запискѣ 1820 г., описывая самыми мрачными красками тогдашнее положеніе Россіи, Карамзинъ оканчиваетъ одну изъ тетрадей этой записки словами: «Я не вижу ничего требующаго *немедленнаго* вниманія правительства, кромѣ отношенія поселянъ къ ихъ помѣщикамъ. Сего одного отнюдь не должно откладывать».

Ратуя такимъ образомъ за крѣпостныхъ крестьянъ, Карамзинъ считалъ своею обязанностью вступаться также и за казенныхъ крестьянъ. Выше уже мы приводили примѣръ его заступничества за казенныхъ крестьянъ, которыхъ противъ ихъ воли обращали въ фабричныхъ. Но кромѣ частныхъ случаевъ, вызывавшихъ заступничество Карамзина, онъ считалъ своею обязанностью обращать вниманіе правительства и на общее неудовлетворительное положеніе крестьянъ казенныхъ селеній. Между прочимъ, въ запискѣ 1820 года онъ обращалъ вниманіе тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, гр. Кочубея, на чудовищную смертность среди казенныхъ крестьянъ Слободско-Украинской (Харьковской) губерніи.

„Не ужаснетесь-ли, напримѣръ писалъ онъ, представляя составленныя имъ статистическія таблицы названной губерніи увидѣвши, что въ казенномъ селеніи № 38, по десятилѣтней сложности, ежегодно изъ шестнадцати до семнадцати умираетъ одинъ? Таковой смертности нигдѣ не слыхано въ Европѣ! Это настоящій моръ: и кому, какъ не правительству, надлежитъ какъ можно скорѣе позаботиться открыть подлинныя его причины и удалить ихъ?"

Нѣтъ сомнѣнія, что послѣ всего сказаннаго въ настоящей главѣ, читатель будетъ весьма удивленъ, узнавъ, что Карамзинъ былъ *убѣжденнымъ крѣпостникомъ*. Онъ самымъ категориче-

скимъ образомъ заявлялъ, что считаетъ крѣпостное право «очень важнымъ, ибо оно служитъ для отечества обезпеченіемъ, что поля не будутъ безплодными степями, что промыслы останутся въ своихъ предѣлахъ и что полиція городовъ не будетъ отягощена надзоромъ надъ людьми безъ собственности, которые, не имѣя ничего терять, тѣмъ легче могутъ себѣ позволить беззаконныя средства къ пріобрѣтенію».

Такъ важно казалось Каразину крѣпостное право. Въ другомъ мѣстѣ онъ развиваетъ указанныя мысли болѣе подробно и при этомъ утверждаетъ, что крестьяне казенныхъ селеній живутъ бѣднѣе крестьянъ помѣщичьихъ, что объясняетъ отсутствіемъ надзора за первыми. Мало того, Каразинъ находилъ, что помѣщики, переводившіе своихъ крестьянъ на положеніе свободныхъ хлѣбопашцевъ, имѣли въ виду только одну цѣль — освободить себя отъ обязанностей по отношенію къ своимъ крестьянамъ и жить въ праздности на полученный за отпускъ на-волю крестьянъ капиталъ.

Такое двойственное отношеніе Каразина къ крестьянскому вопросу можетъ показаться, безъ сомнѣнія, совершенно непонятнымъ. Оно было непонятно и многимъ современникамъ Каразина, какъ не было понятно и многое другое въ этой своеобразной натурѣ. Памятникомъ этого непониманія Каразина современниками является между прочимъ тотъ куплетъ въ извѣстномъ стихотвореніи Воейкова «Домъ сумасшедшихъ», который посвященъ Каразину. Вотъ этотъ куплетъ:

„Вотъ въ передней рабъ-писатель,
Каразинъ-хамелеонъ,
Земледѣлъ, законодатель!
Взглянемъ, что маратъ онъ?
Пѣснь свободѣ, деспотизму,
Возгласъ всѣмъ божкамъ земнымъ,
Гимнъ похвальный атеизму
И акаѳистъ всѣмъ святымъ".

Но въ дѣйствительности между дѣйствіями Каразина по отношенію къ крестьянскому дѣлу и его крѣпостническими убѣжденіями далеко не было такого рѣзкаго противорѣчія, какъ это кажется на первый взглядъ. Во 1-хъ, онъ считалъ крѣпостное право въ той формѣ, въ какой оно проявлялось у насъ на дѣлѣ — въ формѣ признанія крестьянъ помѣщичьею собственностью — совершенно

незаконнымъ, злоупотребленіемъ, явившимся результатомъ попущенія со стороны государственной власти, и находилъ, что для уничтоженія этого злоупотребленія достаточно, чтобы только власть проявила по отношенію къ крестьянамъ ту заботливость, къ которой она обязана, чтобы власть не поступалась своими правами въ пользу помѣщиковъ, а, напротивъ, преслѣдовала всякую узурпацію этихъ правъ послѣдними и избавляла крестьянъ отъ послѣдствій неисполненія помѣщиками своихъ обязанностей. Для Каразина крѣпостное право, какъ онъ это прямо выясняетъ при исповѣданіи своихъ крѣпостническихъ убѣжденій, было только «право подчиненности поселянъ своимъ помѣщикамъ» въ томъ смыслѣ, какъ выяснено выше, т. е. въ смыслѣ лишь административной опеки и отношеній землевладѣльца къ вѣчно-наслѣдственнымъ арендаторамъ. Въ виду этого такія проявленія крѣпостничества, какъ право ссылки крестьянъ, продажа ихъ и даже сдача въ наемъ и взиманіе «вывода» при выходѣ замужъ крѣпостной крестьянки за казеннаго крестьянина или принадлежащаго другому помѣщику,—были признаваемы Каразинымъ чудовищнымъ противозаконіемъ, противъ котораго государственная власть должна была возстать всѣми силами. Онъ не понималъ, зачѣмъ нужны законодательныя мѣры, которыя освободили бы крестьянина, разъ онъ юридически, законно не былъ никогда порабощенъ, а фактическое порабощеніе было только злоупотребленіемъ, которое власть должна была просто прекратить. Во 2-хъ, будучи идеалистомъ, Каразинъ воображалъ, что власти не трудно превратить помѣщиковъ въ идеальныхъ управителей крестьянами. Для этого онъ считалъ необходимымъ только съ одной стороны строгое преслѣдованіе всѣхъ злоупотребленій помѣщичьею властью, въ числѣ которыхъ онъ, какъ мы видѣли, помѣщалъ существеннѣйшія прерогативы крѣпостничества, а съ другой поощреніе разумнаго и добропорядочнаго управленія крестьянами со стороны помѣщиковъ, какъ особаго вида государственной службы. Для насъ такой идеализмъ страненъ. Но не будемъ судить за него строго: человѣкъ судилъ о другихъ по себѣ. А самъ Каразинъ въ отношеніяхъ къ крестьянамъ былъ именно тѣмъ попечителемъ и заступникомъ за нихъ, идеалъ котораго рисовался въ его воображеніи...

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Каразинъ, какъ ученый и хозяинъ.—Филотехническое общество.

Рядомъ съ заботами объ улучшеніи положенія «ввѣренныхъ» Каразину крестьянъ, деревенскую жизнь его наполняли ученыя работы и хозяйственныя занятія. И во всѣхъ этихъ областяхъ дѣятельность Каразина являлась выдающеюся, совершенно необычайною для того времени.

Какъ ученый, Каразинъ остается совершенно неизвѣстнымъ. А между тѣмъ въ этомъ отношеніи онъ являлся настолько передовымъ человѣкомъ, что многія идеи его могли бы дать на Западѣ человѣку крупное научное имя. Нѣкоторыя научныя идеи Каразина, оставленныя безъ вниманія въ то время, когда онъ ихъ высказывалъ, и основательно забытыя, только въ самое послѣднее время сдѣлались достояніемъ науки и считаются справедливо крупнымъ научнымъ завоеваніемъ.

Научная дѣятельность Каразина была крайне разнообразна. Исторія, современная литература, экономическіе вопросы и обширная область естествознанія—таковы предметы научныхъ занятій Каразина втеченіе почти сорокалѣтняго пребыванія въ деревнѣ. Сообразно такой разносторонности, Каразинъ является членомъ разнообразныхъ ученыхъ обществъ. Въ Харьковѣ, при его участіи и въ значительной мѣрѣ благодаря его иниціативѣ, возникаетъ «Общество наукъ, состоящее при Имп. Харьковскомъ университетѣ». Другое харьковское общество — «Филотехническое», обязано своимъ возникновеніемъ исключительно Каразину. Какъ почетный членъ харьковскаго университета, Каразинъ принимаетъ близкое участіе въ его жизни, и мы встрѣчаемъ его рѣчи, произнесенныя по разнымъ поводамъ въ университетскихъ собраніяхъ. Въ то же

время Каразинъ состоялъ дѣятельнымъ членомъ московскаго «Общества испытателей природы» и петербургскаго «Общества любителей словесности». Сохранились рѣчи и доклады, читанные Каразинымъ въ этихъ обществахъ. Въ «Обществѣ любителей словесности» онъ одно время былъ помощникомъ предсѣдателя.

Нѣкоторыя историческія работы Каразина напечатаны въ «Молодикѣ на 1884 г.», украинскомъ литературномъ сборникѣ, изданномъ въ Харьковѣ въ 1843 году. Онѣ касаются прошлаго мѣстной жизни и содержатъ рядъ историческихъ матеріаловъ. Къ историческимъ изысканіямъ Каразинъ обратился уже въ концѣ своей жизни. Въ болѣе молодомъ возрастѣ онъ работалъ надъ изслѣдованіемъ современнаго ему положенія родного края. Плодомъ работъ въ этомъ направленіи явилась «Подробная таблица обстоятельствъ народонаселенія въ Слободско-Украинской губерніи, на основаніи 10-лѣтней сложности (съ 1808 по 1817г.), съ обозначеніемъ уѣздовъ, селъ, числа рожденій, смертности и браковъ». Объ этомъ трудѣ мы упоминали уже выше по поводу представленія его въ 1820 г. тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубею, вниманіе котораго онъ обращалъ на явствовавшую изъ таблицъ страшную смертность среди государственныхъ крестьянъ и необходимость принятія мѣръ для устраненія причинъ ея. При этомъ Каразинъ высказалъ, какое серьезное значеніе должны имѣть статистическія изслѣдованія, которыя вызываютъ государственныя мѣропріятія на благо населенія и служатъ имъ опорою при ихъ осуществленіи.

Въ качествѣ члена петербургскаго общества любителей словесности, Каразинъ произнесъ въ 1820 г., въ собраніи этого общества «Разсужденіе объ ученыхъ обществахъ и періодическихъ сочиненіяхъ въ Россіи». Рѣчь эта показываетъ, что Каразинъ внимательно слѣдилъ за современной литературой и былъ au courant всего въ ней. Въ рѣчи высказываются взгляды на задачи ученыхъ обществъ и литературы, которыя должны были казаться для того времени революціонными, да и для нашего времени не безъинтересны. Рѣшаемся привести длинную выписку изъ «Разсужденія», такъ какъ подлинныя слова Каразина всего лучше характеризуютъ эту замѣчательную личность съ разсматриваемой стороны.

„Теперь, когда публика требуетъ занятій, болѣе мужественныхъ нежели мадригалы и вздохи сказочныхъ любовниковъ, какое впечатлѣніе произведемъ мы на нее поэзіею, которая только—поэзія, прозою,

которая не представляетъ уму никакихъ полезныхъ истинъ?... Нѣтъ, мм. гг., сіи почтенныя сословія должны имѣть возвышеннѣйшую цѣль. Они должны *дѣйствовать на сердца, на умы согражданъ своихъ*... Не обязаны-ли они *развивать полезныя знанія, образовывать вкусъ, дѣйствовать на нравы?* Сколько вызововъ представляется къ сношеніямъ между собою отдаленнѣйшихъ, другъ другу неизвѣстныхъ краевъ обширной имперіи! Сколько въ ней любопытнаго, заслуживающаго быть извѣстнымъ, не намъ только однимъ, но и чужестранцамъ; у насъ, въ цѣлой Россіи, нѣтъ ни одного періодическаго сочиненія для всѣхъ сихъ предметовъ, столько необходимыхъ, сколько занимательныхъ! А мы будемъ преподавать слушателямъ *шарады на гласъ, соблазнительныя элегіи и сынишки въ альбомы!*.. и, не стыдясь, называться *соревнователями просвѣщенія!*..

„Весьма справедливо, мм. гг., сравниваютъ жизнь царствъ, жизнь человѣчества вообще съ жизнью человѣка въ отдѣльности. Младенецъ требуетъ игръ, юноша забавъ, а мужъ радостей другого рода. Въ XV и XVI вѣкахъ предѣлы *словесности*, въ собственномъ смыслѣ, весьма рѣзко отдѣлялись отъ *учености*. За то учность эта отзывалась съ каѳедръ и въ книгахъ самымъ суровымъ образомъ. Надменная ея, нахмуренная физіономія ужасала, между тѣмъ какъ смѣющіяся музы бесѣдовали приторнымъ языкомъ о бездѣлицахъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ научились о самыхъ важныхъ, отвлеченнѣйшихъ вещахъ говорить пріятно, когда блескъ краснорѣчія и бездѣлицы перлы поэзіи начали одѣвать философію, собственно такъ называемая *словесность*, словесность безъ цѣли, мало привлекаетъ. *Это орудіе, а не предметъ искусства; краски, а не картина!* Такъ и быть должно въ настоящее время, въ вѣкъ возмужалости.

„Вмѣсто того, чтобы описывать въ *десятитысячный разъ восходъ солнца, пѣніе птичекъ, журчаніе ручейковъ*, употребимъ то же дарованіе, то же счастливое воображеніе на предметы болѣе дѣльные. Взявъ за образецъ Бюффона, вмѣсто путешествій небывалыхъ, опишемъ лучше *путешествія дѣйствительно совершенныя въ предѣлахъ отечества нашего. Перечислимъ естественныя произведенія Россіи, опишемъ нравы ея разнообразныхъ обитателей*, отъ кочующаго на льдахъ полярныхъ чукчи, до индѣйца, благоговѣйно поклоняющагося бакинскому огню. Или съ Тацитомъ и Карамзинымъ попытаемъ углубиться въ *исторію народовъ*...

„Для поэзіи же какое поле передъ нами!.. Пора перестать быть *подражателями* только. Ломоносовъ, Державинъ, малое число извѣстныхъ новѣйшихъ драмматиковъ и баснописцевъ указали намъ богатство отечественныхъ рудъ, у самаго лишь входа къ нимъ, такъ сказать. Сдѣлаемъ изъ *языка боговъ* достойное употребленіе. Вмѣсто того, чтобы нѣжить, *баловать* воображеніе людей праздныхъ, не лучше-ль испытать рукою граціи разбудить въ сердцахъ *любовь къ наукамъ, къ должностямъ* (т. е. нравственнымъ обязанностямъ), *къ изящной простотѣ во вкусѣ и нравахъ, къ жизни въ городахъ и селахъ, свойственной приличному человѣку, къ истинной благотворительности во всякомъ кругу дѣйствія?*“

Это воззваніе къ тогдашнимъ «соревнователямъ просвѣщенія» является образчикомъ того наивнаго идеализма, который остался присущъ Каразину до конца дней. Рекомендовать людямъ, весь кругозоръ которыхъ не выходилъ за предѣлы дѣтскихъ шарадъ и воспѣванія «журчанья ручейковъ» — оставить всѣ эти глупости и заняться «дѣльными предметами»: описаніемъ родины, естественными науками, технологіей, исторіей и воспитаніемъ въ обществѣ гражданскихъ доблестей — было въ высшей степени наивно. Единственнымъ результатомъ, котораго достигъ Каразинъ, явилось крайнее возбужденіе противъ него гг. «соревнователей просвѣщенія». Послѣ его рѣчи въ засѣданіи общества произошла такая бурная и грубо-неприличная сцена, что Каразину оставалось только выдти изъ членовъ общества, что онъ и сдѣлалъ. «Естественныя науки, домоводство, искусства, издѣлія всѣхъ родовъ» — то, что онъ рекомендовалъ «соревнователямъ просвѣщенія» — и были главнымъ предметомъ занятій Каразина послѣ выхода въ отставку. Любовь къ естественнымъ наукамъ у него явилась еще въ юности и не покидала его до самой смерти. Въ деревнѣ онъ выписывалъ множество научныхъ журналовъ, пріобрѣталъ всѣ выходящія выдающіяся научныя сочиненія и такимъ образомъ слѣдилъ за состояніемъ научныхъ знаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ работалъ самъ въ различныхъ отрасляхъ естествознанія, преимущественно имѣя въ виду практическія приложенія его. Наибольшею любовью его пользовались метеорологія и химія. Немедленно же по пріѣздѣ въ деревню въ 1804 году онъ началъ метеорологическія наблюденія. Наблюденія эти производились почти втеченіе 40 лѣтъ, до самой смерти Каразина. Съ 1817 г. выписки изъ метеорологическихъ записей Каразина печатались въ «Харьковскихъ Извѣстіяхъ». Но личными наблюденіями Каразинъ не могъ довольствоваться. Онъ еще въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія пришелъ къ мысли — которая значительно позднѣе легла въ основу современныхъ метеорологическихъ изслѣдованій — о необходимости организаціи повсемѣстныхъ наблюденій надъ метеорологическими явленіями для того, чтобы получить возможность предсказывать погоду. Мысль эту Каразинъ высказалъ въ 1810 г. въ докладѣ московскому обществу естествоиспытателей; затѣмъ она была повторена въ 1817 году въ «Сынѣ Отечества» и въ 1839 г. въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Будь эта мысль высказана въ Европѣ, она на полстолѣтіе ускорила-бы созданіе существующей нынѣ въ мірѣ сѣти метеоро-

логическихъ станцій. У насъ-же эта мысль прошла незамѣченною, была забыта и совершенно погибла для науки. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ того, какъ Каразинъ впервые высказалъ публично указанную мысль, она была повторена астрономомъ Леверье и съ восторгомъ принята ученымъ міромъ, послуживъ могучимъ толчкомъ къ развитію метеорологіи и сообщенію ей характера точной науки, равно какъ и основою организаціи предостереженій для моряковъ и предсказаній погоды для сельскихъ хозяевъ.

Чтобы показать, до какой степени новѣйшая организація метеорологическихъ наблюденій тожественна съ тѣмъ планомъ, который Каразинъ развивалъ еще въ 1810 году, и какъ предъугадывалъ онъ великое практическое значеніе метеорологіи, которое еще и доселѣ почти все въ будущемъ и на которое только слабые намеки имѣемъ мы въ настоящемъ, мы приведемъ здѣсь выписки изъ вышеупомянутаго доклада Каразина московскому обществу естествоиспытателей. Для Каразина метеорологія была—

„наука, которая бы, руководя земледѣльца въ его работахъ, предотвращала неурожаи; наука, которая видимо содѣйствовала бы развитію торговли, мореплаванія и военнаго искусства; наука, наконецъ, которая могла бы указывать правительству время, когда должно ожидать скудныхъ сборовъ земныхъ произрастеній и принимать мѣры, если не къ воспрепятствованію ихъ недостатка, то по крайней мѣрѣ къ отклоненію голода".

Но чтобы метеорологія пріобрѣла такое важное значеніе, чтобы она стала точною наукою, необходима обширная организація наблюденій, которая дала бы возможность выяснить причины метеорологическихъ явленій и законы, управляющіе ими.

„Не дойдемъ мы, вѣроятно, никогда до познанія первоначальныхъ причинъ атмосферическихъ перемѣнъ, познанія, которое бы дало намъ возможность производить ихъ по нашему произволу. Но должны-ли мы отчаяваться дойти до второстепенныхъ причинъ этихъ перемѣнъ, узнать способы направлять ихъ на свою пользу и отвращать возможный ихъ вредъ? Не руководствуется-ли уже и теперь земледѣлецъ—по одному только преданію и навыку, что такой-то вѣтеръ приноситъ дождь, а такой-то полетъ ласточекъ предвѣщаетъ ведро—этими признаками въ своихъ работахъ?

„Собраніе такихъ признаковъ, соединенное съ научными изслѣдованіями, при помощи физическихъ инструментовъ, не было до сихъ поръ производимо въ достаточной степени, чтобъ доставить сводъ правилъ. *Разрозненность, малочисленность, неодновременность и неточность наблюденій причиною тому.* Если справедливо, что наблюденіе, въ научномъ смыслѣ, должно быть непремѣнно всестороннее разсмотрѣніе предмета, что даже нѣсколько наблюденій тогда только могутъ

привести къ желаемымъ результатамъ, когда они *обняли все пространство созерцаемаго явленія: то какое множество наблюденій должно быть отъ насъ для изслѣдованія явленій, происходящихъ на пространствѣ всего земного шара! Что тутъ значитъ одинъ человѣкъ? Какую частицу цѣлаго можетъ онъ обнять?..* Всѣ частныя наблюденія, еслибъ даже ихъ производили ученѣйшіе и неутомимѣйшіе люди, не приведутъ ни къ какимъ результатамъ: они умножатъ только, можетъ быть, нѣсколькими свѣтлыми идеями массу нашихъ познаній, возбудятъ наше любопытство и заставятъ воображеніе наше строить разныя остроумныя гипотезы, но не дадутъ намъ данныхъ для вывода точныхъ правилъ.

„Въ астрономіи мы видимъ уже пользу отъ постоянныхъ и связныхъ наблюденій. Нельзя не желать, чтобы подобныя же наблюденія были удѣломъ и метеорологіи. И какая страна, мм. гг., представляетъ столько, какъ наше отечество, средствъ къ тому?

„Пространство Россіи, занимающей чуть не шестую часть всей обитаемой поверхности земного шара; уѣздныя училища, находящіяся въ разныхъ ея пунктахъ, отъ Колы до Тифлиса и отъ Либавы до Нижне-камчатска; подчиненіе сихъ училищъ одному начальству и обязанность ихъ имѣть у себя физическіе инструменты, все это обѣщаетъ наблюденіямъ, производимымъ постоянно и разумно, счастливые результаты.

„Для облегченія наблюдателей, можно не обязывать ихъ сноситься письменно самимъ съ ихъ собратьями; довольно, если все записываемое будутъ присылать они въ подлинникѣ въ какое-нибудь общество ученыхъ, которые займутся уже выводомъ правилъ... Нѣтъ сомнѣнія, что какъ скоро такія мѣры у насъ будутъ приняты и неустанно исполняемы хотя одинъ только годъ, то ученыя общества всего земного шара, узнавъ о нихъ, не преминутъ принять участіе. Командиры судовъ дальняго плаванія будутъ также содѣйствовать своими наблюденіями. Таблицы, повсюду единообразно составляемыя, приведутъ къ разрѣшенію задачъ, тѣмъ болѣе не трудному, что въ нихъ не будетъ данныхъ неизвѣстныхъ...

„Я увѣренъ, что если мы будемъ изслѣдовать ближайшія причины атмосферическихъ явленій, если мы будемъ дѣлать сравненія, въ разныя времена года и въ разныхъ точкахъ земного шара, *направленія вѣтровъ, измѣненій магнитной стрѣлки, тяжести воздуха и количества въ немъ электричества*; если будемъ сопоставлять *періодическія перемѣны погоды съ непеpіодическими*, которыя однакожъ должны бы имѣть также нѣкоторую правильность безъ вліянія какихъ-нибудь постороннихъ причинъ; если будемъ принимать въ разсчетъ *возвышенность наблюдательныхъ пунктовъ надъ уровнемъ моря, состояніе ихъ почвы*, лѣсной-ли, степной-ли, болотистой-ли, каменистой-ли, песчаной-ли, солонцеватой-ли и т. д.; если будемъ обращать вниманіе на *дѣйствіе солнечныхъ лучей при различномъ ихъ отраженіи и рефракціи*, — то мы дойдемъ до теоріи, неподверженной сомнѣнію, которая и дастъ намъ возможность предсказывать погоду на данное время года и на данное мѣсто, но за цѣлый годъ впередъ"...

Человѣкъ, знакомый съ современнымъ состояніемъ метеорологіи, увидитъ въ приведенныхъ отрывкахъ полную программу того развитія метеорологіи, какое она получила къ нашему времени. Каразинъ указалъ *цѣль* метеорологіи и выяснилъ ея важное *значеніе;* онъ опредѣлилъ *содержаніе* этой науки, отмѣтивъ явленія, подлежащія ея вѣдѣнію, и наконецъ указалъ *методъ изслѣдованія* этихъ явленій, состоящій въ собраніи и обобщеніи возможно бо́льшаго числа одновременныхъ, постоянныхъ и ведущихся по одинаковой программѣ наблюденій, производимыхъ во всѣхъ странахъ земного шара.

Плодотворныя идеи Каразина относительно метеорологіи оказались выше пониманія тогдашняго общества. Надъ Каразинымъ стали смѣяться; иные серьезно вообразили, что онъ предлагаетъ *создавать* погоду. Въ 1824 году Аракчеевъ, проѣзжая черезъ г. Богодуховъ (Харьковской губ.), сказалъ крестьянамъ, просившимъ о помощи по случаю неурожая: «странно, что вы голодаете: подъ бокомъ у васъ живетъ колдунъ (имѣніе Каразина находилось возлѣ Богодухова), который сводитъ съ небесъ дождь и громъ, когда захочетъ; обратитесь къ нему». Еще въ 50-хъ годахъ одинъ писатель того времени поднималъ на смѣхъ Каразина, приписывая ему идею «фабрикаціи» погоды. Каразинъ имѣлъ однако утѣшеніе встрѣтить при своей жизни хотя одного человѣка, который понялъ его идеи и оцѣнилъ ихъ. Это былъ знаменитый Гумбольдтъ, который, во время своего пребыванія въ Россіи, познакомился съ Каразинымъ и съ полнымъ сочувствіемъ выслушивалъ его широкіе научные планы. И какъ знать, не перешли-ли идеи Каразина относительно научной постановки метеорологіи чрезъ Гумбольдта въ западную науку и не явилось-ли знаменитое предложеніе Леверье объ организаціи телеграфическихъ передачъ наблюденій метеорологическихъ станцій, послужившее къ сообщенію метеорологіи характера практической науки, отголоскомъ идей Каразина?

Другая научная идея, которою Каразинъ еще болѣе опередилъ свое время, была изложена имъ въ 1818 г. въ запискѣ «О возможности приложить электрич. силу верхнихъ слоевъ атмосферы къ потребностямъ человѣка». Записка эта была составлена по требованію Александра I, который заинтересовался вопросомъ, прочитавши статью объ электричествѣ, помѣщенную Каразинымъ въ годичномъ отчетѣ основаннаго имъ филотехническаго общества.

Нѣтъ сомнѣнія, что способъ, которымъ Каразинъ имѣлъ въ

виду обратить на службу человѣка атмосферное электричество, въ настоящее время не выдержитъ критики, но самая идея о пользованіи этимъ электричествомъ для практическихъ цѣлей, равно какъ и указаніе примѣненій, которыя бы могли бы быть сдѣланы изъ атмосфернаго электричества, свидѣтельствуютъ о чрезвычайно широкомъ умственномъ кругозорѣ Каразина, крайней пытливости его ума и остроумной изобрѣтательности.

Каразинъ предлагалъ устраивать воздушные шары и пускать ихъ въ верхніе слои атмосферы на шнурахъ, чрезъ которые должна проходить серебряная проволока, соединяющаяся внизу съ мѣднымъ высеребреннымъ шаромъ. Воздушный шаръ долженъ былъ играть роль собирателя атмосфернаго электричества, серебряная проволока—роль проводника, а высеребренный шаръ—конденсатора электричества, своего рода лейденской банки. Такимъ образомъ получался бы громадный электрическій приборъ, съ силою котораго не могла бы сравниться ни одна электрическая машина (динамо-машины тогда еще не были изобрѣтены) и при помощи котораго собственно добываніе электричества не стоило бы никакого труда, ни расходовъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи подобный снарядъ, Каразинъ полагалъ возможнымъ изучить роль атмосфернаго электричества въ метеорологическихъ явленіяхъ, воздѣйствіе громадной электрической силы на химическія образованія и разложенія и отсюда примѣненія атмосфернаго электричества къ технологіи и земледѣлію.

И эти идеи Каразина были оставлены безъ вниманія и забыты. Записка Каразина была препровождена Александромъ I на заключеніе Академіи Наукъ. Здѣсь она была разсмотрѣна академикомъ Фусомъ, тѣмъ самымъ, которому когда-то Каразинъ доставилъ мѣсто въ главномъ правленіи училищъ. Этотъ ученый академикъ совсѣмъ не замѣтилъ идеи Каразина о примѣненіи атмосфернаго электричества къ нуждамъ человѣка и остановился только на предложенномъ имъ электрическомъ снарядѣ, найдя, что «устроеніе электро-атмосфернаго снаряда, по проекту Каразина, будетъ безполезно, поелику помощію простѣйшихъ орудій, какъ-то лейденскихъ банокъ, гальваническаго столба и проч., хотя нѣсколько медленнѣе, но несравненно легче, надежнѣе и при меньшихъ издержкахъ добывается такое количество электричества, какое только бываетъ нужно». Съ этимъ заключеніемъ ограниченнаго академика

согласился и ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія. Этимъ дѣло и кончилось.

Только теперь, черезъ 60 лѣтъ, снова приходятъ къ идеѣ Каразина о пользованіи атмосфернымъ электричествомъ. Мы разумѣемъ недавніе опыты надъ вліяніемъ на культуру полевыхъ растеній атмосфернаго электричества, сконцентрированнаго надъ полемъ при помощи шестовъ съ металлическими остріями на вершинахъ. Эти опыты, давшіе поразительные результаты въ смыслѣ усиленія роста и вѣса культивируемыхъ растеній, являются не болѣе, какъ только частнымъ примѣненіемъ общей идеи Каразина, которая еще ждетъ полной оцѣнки и осуществленія въ будущемъ. И если еще и наше время оказывается позади идей, занимавшихъ Каразина, то насколько достойно вниманія то обстоятельство, что идеи эти явились 60 лѣтъ тому назадъ, когда естествознаніе было такъ младенчески слабо сравнительно съ его теперешнимъ состояніемъ, и какимъ выдающимся долженъ былъ быть умъ, додумавшійся до этихъ идей уже въ то далекое время!..

Другихъ научныхъ идей и работъ Каразина мы коснемся лишь слегка.

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ и до старости его занималъ вопросъ о химическихъ процессахъ и превращеніи въ питательныя вещества растительныхъ веществъ, не усваиваемыхъ организмомъ. Еще въ 1840 году, за два года до смерти, онъ писалъ на эту тему въ «Харьков. Губ. Вѣдомостяхъ» и предлагалъ основать общество на акціяхъ, которое дало бы средства для производства опытовъ надъ превращеніемъ древесныхъ веществъ въ питательныя.

Работая надъ сухою перегонкою веществъ для выработки пріемовъ добыванія дегтя и бальзамирующихъ веществъ, Каразинъ добылъ въ 1823 году вещество, которое было признано спеціалистомъ проф. Сухомлиновымъ кристаллическимъ углеродомъ, весьма близкимъ къ алмазу. Это было за нѣсколько лѣтъ до извѣстныхъ опытовъ Каньяръ-Латура и Гаппаля надъ превращеніемъ угля въ кристаллообразное вещество.

Въ 1809 и слѣдующихъ годахъ Каразинъ занимался выработкою новыхъ способовъ добыванія селитры. Опыты его увѣнчались успѣхомъ и дали прекрасные результаты при пробномъ производствѣ. Онъ пытался устроить это дѣло въ большихъ размѣрахъ, но личныхъ средствъ на это у него не было, капиталы частныхъ

лицъ тогда были рѣдкостью, а попытка получить ссуду изъ казны окончилась, какъ было сказано выше, неудачею.

Еще ранѣе селитроваренія, а также и послѣ этихъ опытовъ, Каразинъ работалъ надъ усовершенствованіемъ винокуренія, надъ кожевеннымъ производствомъ, надъ сушеніемъ плодовъ по новому, придуманному имъ способу «теплотою водяныхъ паровъ», надъ сушеніемъ «червеца», т. е. кошенили, надъ красильными травами, надъ улучшеніемъ пріемовъ добыванія маслъ, вытопки сала, приготовленія свѣчей изъ воска, добыванія извести, приготовленія уксуса и разнообразныхъ животныхъ консервовъ. Каразинъ работалъ также надъ изобрѣтеніемъ способовъ отопленія, которые содѣйствовали бы сбереженію дровъ. Занимаясь этимъ вопросомъ, онъ остановился на мысли о «водяномъ отопленіи», т. е. доставленіи тепла комнатамъ при помощи водяныхъ паровъ, проводимыхъ по трубамъ. Каразинъ предлагалъ примѣнить эту идею для отопленія царскихъ дворцовъ, но его предложеніе было отклонено. Позднѣе эта идея была осуществлена въ Берлинѣ Кифферлингомъ, и затѣмъ водяное отопленіе было перенесено и къ намъ, причемъ о предложеніи Каразина никто и не вспомнилъ.

Въ области хозяйства Каразинъ являлся сторонникомъ сельскохозяйственныхъ-техническихъ производствъ и сбыта концентратовъ. Эта идея и доселѣ у насъ не оцѣнена по достоинству, а на практикѣ все наше сельское хозяйство основано на производствѣ и сбытѣ сырья. Если такъ стоитъ дѣло въ настоящее время, то еще печальнѣе оно обстояло во времена Каразина. Все хозяйство заключалось тогда въ культурѣ грубыхъ, дешевыхъ хлѣбовъ и грубомъ скотоводствѣ. И Каразинъ употреблялъ всѣ возможныя старанія для пропаганды обращенія сельскохозяйственнаго сырья въ цѣнные концентраты и введенія въ культуру болѣе цѣнныхъ растеній. Въ 1815 году, желая убѣдить харьковскихъ помѣщиковъ въ возможности заготовлять мясные консервы и сбывать въ этомъ видѣ мясо заграницу, Каразинъ заказалъ въ Англіи три ящика консервовъ, которые и отправилъ въ кругосвѣтное плаваніе на одномъ военномъ суднѣ. Плаваніе это продолжалось три года, послѣ чего ящики были доставлены Каразину. Послѣдній въ 1818 г. въ собраніи филотехническаго общества вскрылъ жестяные ящики, сварилъ на виду заключавшуюся въ нихъ говядину и угостилъ ею всѣхъ присутствующихъ, которые были крайне поражены, найдя, что трехгодовалая говядина нисколько не испортилась.

Какъ мало шла вся эта дѣятельность Каразина къ его времени, наглядно показываетъ то обстоятельство, что ни для одного изъ предположенныхъ имъ предпріятій онъ не могъ найдти нужныхъ капиталовъ. Личныя же средства его были разстроены еще во время и ради основанія Харьковскаго университета. Что касается государственной поддержки, то на сколько мало могъ на нее разсчитывать Каразинъ, ясно видно, кромѣ указанной выше исторіи со ссудой для основанія селитрянаго завода, еще изъ слѣдующаго эпизода. Въ 1813 г., когда русская армія, изгнавъ изъ Россіи армію Наполеона, вступила въ Германію и возникъ серьезный и затруднительный вопросъ о способахъ продовольствія русскихъ войскъ за границей, Каразинъ послалъ коммиссіонера въ дѣйствующую армію съ запискою о снабженіи арміи для продовольствія концентрированнымъ спиртомъ, сухимъ бульономъ и консервами изъ овощей для приготовленія щей (какъ извѣстно, вошедшими теперь въ употребленіе во время войнъ). Почти цѣлый годъ коммиссіонеръ этотъ ѣздилъ за арміей, но тѣ, отъ которыхъ зависѣло разсмотрѣніе записки Каразина и принятіе его предложенія, оказалось, никакъ не могли найдти для этого свободнаго времени, такъ что наконецъ коммиссіонеру надоѣло толочься безъ пользы при арміи и онъ возвратился къ Каразину съ нечитанной никѣмъ запиской.

Неудачи не уменьшали однако энергіи Каразина и онъ неутомимо работалъ для поднятія хозяйства южной Россіи. Онъ вводилъ въ культуру новыя растенія—разные иностранные виды ржи, китайскую пшеницу, испанскій ячмень, пропагандировалъ разведеніе новаго тогда картофеля, бралъ на себя выписку всякихъ сѣмянъ изъ-за границы, вводилъ неизвѣстное тогда на черноземѣ удобреніе, изыскивалъ мѣры борьбы съ вредными насѣкомыми, изобрѣлъ особый «украинскій овинъ», усовершенствовалъ китайскій катокъ, и т. д. Особенно горячо Каразинъ стоялъ за распространеніе садоводства и вообще древесныхъ насажденій. Въ своемъ имѣніи онъ развелъ обширный садъ, а на поляхъ посадилъ повсюду по межамъ множество лѣсныхъ деревьевъ. Лѣсоразведенію, равно какъ и охраненію существующихъ лѣсовъ онъ придавалъ огромное значеніе. На эту тему Каразинымъ было написано нѣсколько статей, гдѣ онъ говоритъ о необходимости тщательнаго охраненія существующихъ лѣсовъ, о легкости разведенія новыхъ и т. д.

Мы коснулись лишь слегка хозяйственной дѣятельности Каразина и далеко не указали всѣхъ предметовъ, которыми онъ занимался въ этой области. Человѣкъ неутомимый, съ широкой энергіей, свободный отъ узости «практическихъ» людей, Каразинъ хватался за все, въ чемъ видѣлъ общественную пользу, и во всемъ, за что онъ ни брался, онъ далеко опережалъ свой вѣкъ. Его пылъ и преданность вопросамъ, которыми онъ занимался, были такъ велики, что онъ увлекъ даже тогдашнее сонное провинціальное общество и соединилъ вокругъ своихъ проэктовъ группу лицъ, образовавшихъ что-то среднее между ученымъ сельскохозяйственнымъ обществомъ и коммерческимъ предпріятіемъ.

Это было такъ называемое «Фило-техническое общество», возникшее въ Харьковѣ въ 1811 году. Учреждая филотехническое общество, Каразинъ имѣлъ въ виду поднять хозяйство южной Россіи. Въ изданныхъ имъ «Мысляхъ объ учрежденіи филотехническаго общества» онъ такими чертами описываетъ тогдашнее состояніе хозяйства южныхъ губерній: «поля обработываются скудно; хижины напоминаютъ времена первобытныя; съ сѣвера выписываются прививки и садовники; грязныя винокурни, дымомъ ослѣпляющія глаза работниковъ и пожравшія немилостиво большую часть лѣсовъ нашихъ, и подобныя же имъ селитроварни суть единственныя наши фабрики».

Само собою разумѣется, что правителемъ дѣлъ общества былъ избранъ и состоялъ, все время существованія общества, Каразинъ. Въ сущности онъ одинъ и составлялъ все общество. Остальные члены, число которыхъ доходило до ста, относились крайне пассивно къ затѣянному дѣлу, довольствуясь участіемъ въ собраніяхъ, которыя совпадали съ ярмарками и на которыя смотрѣли просто какъ на развлеченія, да выраженіемъ неудовольствія на правителя дѣлъ. Каразинъ одинъ устраивалъ «заведенія», производилъ разные опыты, составлялъ отчеты о нихъ и разныя статьи, печаталъ «Акты» общества, произносилъ рѣчи въ собраніяхъ и показывалъ членамъ общества опыты, вродѣ указаннаго выше съ мясными консервами, и т. д.

Филотехническое общество, просуществовавъ около 10 лѣтъ, закрылось, послѣ того какъ съ «правителемъ дѣлъ» его приключилась неожиданная катастрофа, о которой мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Письма къ Александру I и Записка 1820 г.—Арестъ и высылка въ имѣніе.—Письмо къ императору Николаю.

Удалившись въ концѣ 1804 года въ деревню, Каразинъ посвятилъ себя всецѣло мѣстной общественной дѣятельности, хозяйственнымъ и научнымъ занятіямъ и заботамъ о своихъ крестьянахъ. Но, какъ человѣкъ, близко принимавшій къ сердцу судьбы своего отечества, онъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ тому, что дѣлалось въ сферахъ, управлявшихъ этими судьбами, равно какъ и къ общему внѣшнему и внутреннему положенію Россіи. Полагая, что право, данное ему Александромъ I,—писать послѣднему непосредственно, минуя всѣ правительственныя инстанціи, и говорить ему правду, не отнято у него, не смотря на то, что потеря расположенія къ нему императора выразилась въ весьма реальныхъ фактахъ,—Каразинъ считалъ себя обязаннымъ время отъ времени пользоваться этимъ правомъ и обращаться къ Александру I съ письмами, въ которыхъ выражалъ свое мнѣніе о происходившихъ тогда событіяхъ. Такъ въ 1807 г. онъ написалъ письмо Александру I по поводу вмѣшательства Россіи въ европейскія дѣла, которое Каразинъ основательно считалъ въ высшей степени пагубнымъ для Россіи. За это письмо, которое къ сожалѣнію доселѣ не напечатано, Каразину пришлось высидѣть недѣлю на гауптвахтѣ. Слѣдующія десять лѣтъ Каразинъ, повидимому, ни разу не обращался къ императору. Можно думать, что неисполненіе тѣхъ надеждъ, которыя Каразинъ вмѣстѣ со многими другими возлагалъ на Александра I при его восшествіи, разочаровало его въ императорѣ. Въ 1817 году Каразинъ однако

снова пишетъ письмо къ Александру I, возмущенный нѣсколькими фактами, которые позволило себѣ тогдашнее реакціонное правительство, вродѣ высылки за границу престарѣлаго профессора харьковскаго университета Шада за либеральныя идеи. Въ письмѣ этомъ Каразинъ объяснялъ подобные факты измѣнническимъ отношеніемъ къ Россіи сильныхъ тогда людей, которые желали подобными дѣяніями повредить достоинству и чести Россіи. Понятное дѣло, что такого рода письмо не могло понравиться ни Александру I, въ это время все болѣе и болѣе склонявшемуся къ реакціи, ни тѣмъ сильнымъ людямъ, которыхъ Каразинъ обвинялъ въ измѣнѣ. Но еще болѣе сильное неудовольствіе долженъ былъ навлечь на себя Каразинъ письмомъ, написаннымъ Александру I въ 1820 г., и объяснительною къ нему запискою, составленною по требованію императора. Въ письмѣ этомъ Каразинъ «говорилъ правду» Александру I съ такою безцеремонною и смѣлою прямотою, которая становится просто удивительною, если принять во вниманіе тогдашнее мрачное время—время господства Аракчеевыхъ и Магницкихъ.

Тяжелое время переживала тогда Россія. Всѣ либеральныя начинанія Александра I превратились въ «забытыя слова». Все что въ началѣ царствованія этого императора было покровительствуемо имъ, теперь строго преслѣдовалось. Мѣсто религіозной свободы заняли религіозныя преслѣдованія. Крестьянскій вопросъ былъ сданъ въ архивъ. «Вольный духъ» преслѣдовался въ самыхъ невинныхъ его проявленіяхъ. Въ университетахъ царили Магницкіе и Руничи; въ арміи свирѣпствовалъ Аракчеевъ, создававшій чудовищныя «военныя поселенія»; въ центральномъ правительствѣ главную роль играли разные иностранные авантюристы, ренегаты прежняго либеральнаго направленія и мракобѣсы —мистики и формалисты. Печатное слово было сдавлено. Повсюду царило шпіонство. Ловкіе люди пользовались случаемъ и ловили рыбу въ мутной водѣ. Злоупотребленія всякаго рода сдѣлались открытыми. Воровство совершалось на виду у всѣхъ. Притѣсненія сильныхъ слабыхъ не находили никакой узды. Всякая попытка противодѣйствовать такому порядку вещей оканчивалась самымъ печальнымъ образомъ для смѣльчака. Словомъ, это была обычная картина всякой реакціи, вызывающей на арену жизни всѣ темные элементы общества, при другихъ условіяхъ скрывающіеся во тьмѣ и теперь преслѣдующіе все свѣтлое.

Интеллигентная часть общества, которою тогда было почти исключительно высшее дворянство, разочарованная въ своихъ ожиданіяхъ, съ которыми дѣйствительность была въ полномъ противорѣчіи, частію впала въ мистицизмъ, перешедшій затѣмъ въ ханжество, частью, напротивъ, перешла къ заговорамъ и тайнымъ обществамъ. Тайныя общества, возникшія еще при Екатеринѣ (масоны и мартинисты) и имѣвшія не малое распространеніе, не смотря на преслѣдованіе, послужили корнями, дававшими отпрыски, далеко ушедшіе отъ своихъ родоначальниковъ. Въ первую половину царствованія Александра—вступленіе въ тайное общество имѣло значеніе моды и свидѣтельствовало до извѣстной степени о хорошемъ тонѣ. Занятіями этихъ обществъ являлись безобидныя масонскія церемоніи, давно отжившія свой вѣкъ, и только отчасти имѣвшія нѣкоторое нравственное воздѣйствіе на членовъ. Но по мѣрѣ того, какъ реакція усиливалась, среди тайныхъ обществъ началось движеніе иного рода. Тайныя общества дѣлаются центромъ оппозиціи и средоточіемъ сторонниковъ тѣхъ самыхъ идей, за которыя стоялъ Александръ I при вступленіи на престолъ, и ихъ дальнѣйшаго развитія. О такомъ направленіи въ тайныхъ обществахъ знало все тогдашнее общество, до извѣстной степени было освѣдомлено и правительство. Но въ новомъ движеніи принимало участіе слишкомъ много членовъ вліятельнѣйшихъ фамилій: это были часто лица, занимавшія видное оффиціальное положеніе,—и потому новыя тайныя общества оставались пока внѣ преслѣдованій, возбуждавшихся тогда противъ всякаго малѣйшаго проявленія либерализма. Всѣ тѣ, кому черезъ шесть-семь лѣтъ пришлось такъ жестоко пострадать, теперь оставались въ полной безопасности. Каразинъ, стоявшій въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ дѣйствительною жизнью, слишкомъ близко чувствовалъ весь гнетъ тогдашняго положенія вещей. Вмѣстѣ съ тѣмъ общее недовольство, царившее тогда во всѣхъ слояхъ общества, начиная съ крѣпостныхъ крестьянъ и кончая высшею аристократіей, наводило его на мрачныя размышленія. Ему начинало казаться, что Россія наканунѣ тѣхъ потрясеній, которыя постигли въ концѣ 80-хъ годовъ предшествующаго столѣтія Францію. И вотъ онъ въ началѣ 1820 года отправляется въ Петербургъ, выражаетъ свои опасенія сперва министру внутреннихъ дѣлъ, которымъ въ то время былъ снова гр. Кочубей, а затѣмъ и самому Александру I.

Письмо свое императору Каразинъ начинаетъ заявленіемъ, что

оно будетъ «послѣднимъ отзывомъ вѣрнаго подданнаго», что онъ пишетъ императору послѣдній разъ. Онъ умоляетъ императора обратить вниманіе на его предостереженія, причемъ ссылается на тожество своихъ опасеній съ мыслями какого-то совершенно неизвѣстнаго ему купца Рогова, письмо котораго не задолго передъ тѣмъ читалъ ему кн. Масальскій. «Нельзя не привести на память, — писалъ Каразинъ, — что *точно такъ* изъ разныхъ мѣстъ отзывались во Франціи отголоски благонамѣренныхъ предъ наступленіемъ гибельнаго переворота и *точно такъ* были пренебрегаемы».

Прочитавъ это письмо, Александръ приказалъ гр. Кочубею потребовать отъ Каразина, чтобы онъ «указалъ обстоятельства, о которыхъ говорилъ, подкрѣпилъ бы ихъ доводами и назвалъ самыя лица, отъ коихъ имѣетъ тѣ или иныя свѣдѣнія».

Каразинъ воспользовался этимъ требованіемъ императора для того, чтобы изложить цѣлый рядъ мыслей о необходимыхъ реформахъ въ тогдашнихъ порядкахъ (мысли эти, насколько онѣ уцѣлѣли въ опубликованныхъ отрывкахъ составленной тогда Каразинымъ записки, мы привели выше, въ главѣ II), изобразить цѣлый рядъ царившихъ тогда злоупотребленій и возстать противъ господствовавшей реакціи. Что касается указанія лицъ, котораго требовалъ императоръ, то Каразинъ категорически заявилъ, что «совѣсть его возмущается отъ одной мысли о таковомъ предательствѣ всѣхъ благородныхъ чувствованій» и недоумѣвалъ: «Неужели нашему благодѣтельнѣйшему Александру пожелать убить политически вѣрнаго и уваженнаго имъ, нѣкогда любезнаго ему человѣка («довольно, что онъ... былъ окруженъ шпіонами въ пріѣздъ свой въ здѣшнюю столицу») и опозорить допросами лицъ, достойныхъ его уваженія.»

Записка, составленная Каразинымъ въ отвѣтъ на указанное требованіе Александра I, состоитъ изъ нѣсколькихъ тетрадей, которыя онъ немедленно представлялъ гр. Кочубею по мѣрѣ написанія ихъ. Это спѣшный, на скорую руку составленный, лишенный всякаго плана и довольно безсвязный трудъ, оставшійся къ тому же неоконченнымъ.

Выше мы уже пользовались запискою 1820 г. для характеристики политическихъ воззрѣній Каразина, хотя, къ сожалѣнію, относящіяся сюда мѣста большею частью выпущены при напечатаніи записки въ «Русской Старинѣ», такъ что воззрѣнія Каразина доселѣ должны оставаться далеко не вполнѣ выясненными.

Посчастью, тѣ мѣста, которыя относятся къ изображенію тогдашняго положенія Россіи, опубликованы вполнѣ, и мы воспользуемся ими здѣсь. Эти мѣста записки въ высшей степени любопытны и какъ матеріалъ для знакомства съ тогдашнимъ положеніемъ вещей, и какъ свидѣтельства прямоты и гражданскаго мужества Каразина.

Прежде всего записка вооружается противъ религіозныхъ гоненій, поднятыхъ тогда. «Не только всѣ состоянія народа—пишетъ Каразинъ—но всѣ вѣроисповѣданія какъ будто нарочно оскорбляются и раздражаются въ такомъ государствѣ, которое съ незапамятныхъ временъ было образцомъ терпимости, и отъ имени такого государя, которому по сердцу его, мудрости и политикѣ свойственно быть примѣромъ общаго человѣколюбія». Въ подтвержденіе сказаннаго Каразинъ приводитъ цѣлый рядъ фактовъ, вродѣ высылки Буссе за напечатаніе лютеранскаго гимна, назначенія католическаго епископа противъ правилъ и желанія католиковъ, оставленія католическихъ епархій безъ епископовъ, конфискаціи духовныхъ имуществъ, запрещенія евреямъ держать христіанскую прислугу, могущаго служить только для «привязокъ низшихъ чиновниковъ полиціи, которыхъ алчности подобный законъ можетъ каждый день давать пищу», и т. д.

Осудивъ религіозныя гоненія, записка возстаетъ и противъ покровительствовавшагося тогда мистицизма. Каразинъ категорически осуждаетъ «направленіе умовъ къ таинственности религіи вмѣсто простоты» и указываетъ на вредныя послѣдствія этого направленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вооружается противъ дѣятельности «Библейскаго общества», игравшаго тогда такую видную роль въ нашей общественной жизни. Онъ говоритъ: «легко доказать, что о сю пору уже могло быть напечатано болѣе книгъ св. писанія, нежели сколько есть грамотныхъ людей въ Россіи, которыхъ число далеко не доходитъ до сотой доли народонаселенія. Съ остальными же экземплярами что дѣлать? Куда разойдутся, напр., 6000 экземпляровъ евангелія на нѣмецкомъ языкѣ и проч?». Онъ возстаетъ противъ того чрезвычайнаго значенія, которое придавалось тогда распространенію библіи — въ чемъ видѣли спасеніе отъ всѣхъ бѣдъ.

„Сіе чтеніе (библіи) -говоритъ Каразинъ -отнюдь не умножаетъ добрыхъ нравовъ. Доказательствомъ тому наше духовенство, которое по необходимости обращаясь съ библіей каждый день, есть одинъ изъ развращеннѣйшихъ классовъ народа... Ежели государь удостоитъ меня употребить къ составленію правдивой статистики имперіи, то между

прочимъ, сличивъ свѣдѣнія о числѣ преступниковъ до введенія сего подражанія англичанамъ, съ числомъ оныхъ *послѣ* (въ то же число лѣтъ), надѣюсь доказать рѣшительно, что нравственность нисколько не поправилась сею мѣрою. Къ тому же въ это дѣло замѣшались корыстныя цѣли и злоупотребленія. Общество или его комитетъ, имѣя о сю пору въ обращеніи капиталъ, который можетъ приносить вѣрныхъ процентовъ сто тысячъ рублей, если не болѣе, постоянно жалуется на недостатокъ средствъ... Однимъ изъ значительныхъ неудобствъ отъ учрежденія какъ сего библейскаго, такъ и человѣколюбиваго обществъ есть похищеніе капиталовъ изъ внутренности имперіи, которая и безъ того слишкомъ оными скудна въ сравненіи съ всепоглощающею столицею".

Далѣе Каразинъ указываетъ на «вредную систему, которую ввели иностранцы въ министерство финансовъ» и которая «ведетъ къ государственному банкротству, обогащая только спекулянтовъ»; на «вредное направленіе, которое взяло просвѣщеніе» (система Магницкаго и приспыхъ ему); на «подрывъ привязанности къ начальству войска и народа, совершаемый разными путями» (объясненіе этому ниже—въ словахъ по поводу исторіи въ Семеновскомъ полку); на отношенія поселянъ къ ихъ помѣщикамъ» (соотвѣтствующія мѣста записки приведены выше, въ главѣ V). Затѣмъ онъ подробно останавливается на злоупотребленіяхъ, царившихъ тогда въ морскомъ министерствѣ, рисуя яркую картину хищничества и запустѣнія. «Милліоны расхищаются безъ малѣйшей пользы для государства!»—восклицаетъ Каразинъ. Въ главномъ портѣ и докѣ—въ Кронштадтѣ—развалившіяся зданія и гніющіе корабли. Эскадра, чтобы собраться, вынуждена заимствовать части оснащенія одного корабля для другаго. Зато матросовъ учатъ маршировать и тому подобнымъ штукамъ».

Во время составленія Каразинымъ записки произошло событіе, надѣлавшее въ то время много шума и крайне раздражившее Александра I—неповиновеніе лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Каразинъ не побоялся стать на защиту солдатъ, которымъ готовилась страшная судьба. Онъ немедленно-же пишетъ въ своей запискѣ, что данное событіе

„само по себѣ не такъ страшно, какъ нѣкоторые здѣсь воображали, говорили и какъ, можетъ быть, донесли государю. Напротивъ, изъ него-то я вижу во всемъ блескѣ благороднѣйшій характеръ безподобнаго русскаго народа, и что взявъ надлежащія мѣры, можно еще спасти его отъ всеобщей заразы. Что ни сдѣлано для его развращенія, оно не совершилось еще въ той степени, какъ желаютъ наши враги!.. Сопротивленіе власти было только отрицательное, то-есть одно то, которое христіанскій законъ дозволяетъ въ край-

нихъ случаяхъ. Русскій еще не способенъ къ прямымъ бунтамъ. Это адское изреченіе ему еще неизвѣстно! Съ прекраснымъ, вѣрнымъ, нѣкогда любимымъ полкомъ поступлено безъ снисхожденія. Онъ отданъ тирану, перекресту изъ евреевъ *). Его жестокости были не только тяжки, но и отвратительны: показывали явное презрѣніе къ достоинству человѣка, которое въ послѣднемъ солдатѣ должно быть свято сохранено. (Напр. сказываютъ, что онъ приказывалъ плевать въ ротъ солдатамъ, ходилъ къ женатымъ въ спальни ночью и пр.) Ибо куда будетъ годиться воинъ, если истребить въ немъ чувство чести, не взирая на то, что онъ до нѣкоторой степени долженъ быть орудіемъ (машиною?) Жалобы были приносимы неоднократно. Наконецъ они рѣшились по-роттно просить объ удаленіи начальника. Единодушіе всего полка въ сей упорной просьбѣ, въ настояніи о ней, составляетъ, можно сказать, всю его вину. Никто изъ такого множества людей не имѣлъ при себѣ оружія, никто не произнесъ ни слова, которое могло бы имѣть значеніе угрозы. Первую роту обманомъ заключили и взяли въ крѣпость. Прочіе, даже и симъ не оскорблясь, добровольно пошли за нею—въ однихъ шинеляхъ—желая раздѣлять наказаніе за общую вину. Какая черта среди безпорядка противъ дисциплины!.. О, народъ единственный! Я становлюсь предъ тобою на колѣни: слезы наполняютъ глаза мои. Я горжусь тѣмъ, что къ тебѣ принадлежу!..

Чтобы оцѣнить по достоинству эту тираду Каразина, надо имѣть въ виду какъ общее тогдашнее положеніе дѣлъ, такъ и въ частности отношеніе самаго Александра I къ данной исторіи. Въ письмѣ къ Аракчееву по поводу этой исторіи императоръ говоритъ: «никто на свѣтѣ меня не убѣдитъ, чтобы сіе происшествіе было вымыслено солдатами, или происходило единственно, какъ показываютъ, отъ жестокаго обращенія съ оными полковника Шварца. Онъ былъ всегда за хорошаго и исправнаго офицера и командовалъ съ честью полкомъ. Отчего вдругъ сдѣлаться ему варваромъ? По моему убѣжденію, тутъ кроются другія причины. Внушеніе, кажется, было не военное, ибо военный умѣлъ бы ихъ заставить взяться за ружье, чего никто изъ нихъ не сдѣлалъ, даже тесака не взялъ... Я его (внушеніе) приписываю тайнымъ обществамъ; которыя всѣ въ сообщеніяхъ между собою и коимъ весьма непріятно наше соединеніе и наша работа въ Тропау». (Императоръ находился въ то время въ Тропау на конгрессѣ, который имѣлъ въ виду главнымъ образомъ борьбу съ революціонными движеніями). Семеновскій полкъ былъ отправленъ въ Финляндскія крѣ-

*) Рѣчь идетъ о полковникѣ Шварцѣ -человѣкѣ, который доводилъ фронтовую науку до мучительства, а въ наказаніяхъ являлся виртуозомъ жестокости и отвратительной гнусности.

ности и распредѣленъ затѣмъ по частямъ въ разныя части арміи.

Въ исторіи съ Семеновскимъ полкомъ Каразинъ увидѣлъ одно только поученіе: «время замѣнитъ религіозное къ престолу почтеніе другимъ, основаннымъ на законахъ».

„Государь! -добавляетъ онъ не всѣмъ вѣрьте поклонамъ и рѣчамъ, которыми васъ встрѣчаютъ губернаторы, которые можетъ быть говорятъ: „все еще благополучно, все еще по прежнему!" Великая перемѣна произошла и происходитъ въ умахъ. Множество причинъ на сіе дѣйствуетъ, и день онъ яко тать прійдетъ! Правительство само способствуетъ тому всеусильно... Я назову только одно: рекрутскій нынѣшній наборъ. Невѣроятно, сколько подвинулъ впередъ общественное мнѣніе наборъ сей, производимый безъ очевидной для народа нужды по его необыкновенному количеству, и въ такое время, когда треть Россіи, можно сказать, уже приведена въ уныніе недородомъ нынѣшняго лѣта"...

Далѣе Каразинъ указываетъ на необходимость реформъ, дабы предупредить казавшіяся ему неизбѣжными потрясенія.

„Теперь же", говорилъ Каразинъ, „народъ, пробуждаясь отъ своего невѣжества, начинаетъ сопрягать вмѣстѣ понятіе о правительствѣ съ понятіемъ о насиліи, грабежѣ и т. п. Чего ожидать? Хотятъ успокоить его библіями, но онъ ихъ не читаетъ, не умѣетъ читать, долго не научится и рѣдко имѣетъ къ тому досугъ. Притомъ люди злонамѣренные именно изъ нихъ самихъ извлекутъ тексты противу монархической власти, если будетъ въ томъ состоять нужда. Ничего нѣтъ сильнѣе и къ сему способнѣе нѣкоторыхъ мѣстъ..." „Словомъ, благородное наше юношество и народъ, который также выходитъ уже изъ дѣтскаго возраста, стоитъ въ настоящее время на самомъ опасномъ распутіи. Одно мгновеніе—и они пойдутъ на тотъ или другой путь невозвратно!.. *Не самовластныя мѣры, не подслащенныя слова, не тонкости французской полиціи* тутъ потребны—все это дастъ совсѣмъ противный оборотъ дѣлу! -но *честность, строгая честность* (loyauté), систематическій планъ, основанный отъ первой буквы до послѣдней на началахъ христіанскаго монархическаго правленія!.."

Послѣдствія всѣхъ этихъ указаній по адресу Александра I были именно тѣ, которыхъ ожидалъ Каразинъ. Именно въ одной изъ послѣднихъ тетрадей своихъ записокъ онъ говоритъ объ ожидаемой имъ «ссылкѣ за Байкалъ», «пока еще ссылать можно». Непосредственно по написаніи Каразинымъ 7-ой тетради его записки, онъ былъ арестованъ и отправленъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Здѣсь онъ пробылъ въ заключеніи шесть мѣсяцевъ, послѣ чего отправленъ съ фельдъегеремъ въ свое имѣніе Кручикъ, гдѣ онъ долженъ былъ жить безвыѣздно, не переписываясь ни съ кѣмъ иначе, какъ чрезъ губернатора...

Шесть лѣтъ слишкомъ прожилъ Каразинъ въ своемъ имѣніи на указанномъ положеніи. Перемѣна царствованія возбудила въ Каразинѣ надежду на возможность выйдти изъ того невыносимо-тяжкаго положенія, въ которомъ онъ находился. А положеніе это было особенно невыносимо для Каразина при его энергіи, жаждѣ дѣятельности и привычкѣ къ ней, при его обширныхъ всегда сношеніяхъ, при перепискѣ со множествомъ лицъ, что теперь поневолѣ должно было прекратиться. Однако событія, имѣвшія мѣсто въ началѣ царствованія Николая I, мало подавали надежды на то, чтобы его обращеніе съ просьбой къ новому императору имѣло успѣхъ. Сначала жена Каразина обратилась къ государынѣ, прося ея ходатайства. Однако на это письмо-просьбу послѣдовалъ рѣшительный отказъ императора смягчить участь Каразина. Вскорѣ послѣ этого отъ всѣхъ требовалась подписка о непринадлежности къ тайнымъ обществамъ, и при этомъ Каразину было разрѣшено объяснить въ письмѣ на имя государя его несчастную исторію. Каразинъ изложилъ всѣ обстоятельства дѣла и хотѣлъ отправить письмо по адресу государя. Намѣреніе это привело въ ужасъ семейство Каразина, ожидавшаго отъ такого шага лишь ухудшенія своего положенія. Два письма Каразина къ Николаю I были перехвачены и немедленно уничтожены его семействомъ. Тѣмъ не менѣе Каразину удалось послать третье письмо. Въ немъ онъ старается выяснить, что пострадалъ въ 1820 г. совершенно безвинно, что ни въ его письмѣ 1820 г. къ Александру I, ни въ вызванной этимъ письмомъ запискѣ не было ничего преступнаго, въ подтвержденіе чего прилагаетъ копіи съ означенныхъ документовъ.

„Я хотѣлъ всесильно", пишетъ Каразинъ, „и сколько отъ ничтожнаго, частнаго человѣка зависитъ, предупредить не только казавшуюся мнѣ близкою тогда, но и всѣ возможныя впослѣдствіи революціи, обративъ вниманіе государя не-деспота на противорѣчія между разливающимся чрезъ всѣ сословія въ народѣ просвѣщеніемъ и формами правленія, которыя могли быть приличны прошедшимъ лишь вѣкамъ,—противорѣчія, которыя необходимо производятъ и всегда будутъ производить одно дѣйствіе".

Послѣ этого мѣста слѣдуетъ горячая тирада о невозможности «остановить колесо или дать ему противное движеніе» —тирада, уже приведенная нами выше, при характеристикѣ политическихъ воззрѣній Каразина.

Само собою разумѣется, что такая просьба, представлявшая

собою апологію тѣхъ самыхъ воззрѣній, за которыя Каразинъ попалъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, мало могла разсчитывать на успѣхъ, особенно если принять во вниманіе тогдашнія обстоятельства. Это понималъ и самъ Каразинъ, который говоритъ въ своемъ письмѣ: «для того можетъ-быть пишу чтобы увеличить еще вину мою, представить ее во всей наготѣ». Однако, вопреки этому опасенію, императоръ Николай, прочитавъ письмо Каразина и приложенные къ нему документы (копіи съ письма къ Александру I и записку, писанныя въ 1820 г., и нѣкоторые другіе), приказалъ разрѣшить Каразину выѣзжать изъ его имѣнія, съ тѣмъ однако, чтобы онъ не имѣлъ права пріѣзжать въ Петербургъ. Послѣднее ограниченіе тяготѣло надъ нимъ до самой его смерти.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Послѣдній періодъ жизни и смерть Каразина. Вопросъ о памятникѣ.

По освобожденіи отъ стѣснительнаго положенія, въ которомъ Каразинъ находился съ 1821 по 1826 годъ, онъ опять повелъ ту-же жизнь, какую велъ со времени выхода въ отставку въ 1804 г. Попеченіе о своихъ крестьянахъ, научныя занятія, хозяйственные опыты, пропаганда научныхъ знаній и гуманныхъ понятій въ печати и въ личномъ общеніи, обширная переписка — вотъ что наполняло его жизнь. Отношенія его къ мѣстному обществу всегда были наилучшими и общество не разъ выражало ему свое уваженіе весьма внушительными фактами. Еще тогда, когда онъ былъ молодымъ человѣкомъ—въ 1801 году, мѣстное дворянство избирало его своимъ депутатомъ для ходатайства о подтвержденіи привилегій Слободско-Украинской губерніи. Въ 1819 г. онъ снова былъ избранъ депутатомъ для той-же цѣли. Даже въ 1824 году, когда Каразинъ не имѣлъ права выѣзда изъ своего селенія, онъ былъ избранъ дворянствомъ въ совѣстные судьи, но не былъ утвержденъ въ этомъ званіи. Вскорѣ по полученіи права выѣзда изъ имѣнія, въ 1828 году, Каразинъ былъ выбранъ дворянствомъ въ предсѣдатели палаты уголовнаго суда, но снова не былъ утвержденъ. Были и другіе, болѣе существенные факты, выражавшіе то уваженіе, какимъ пользовался Каразинъ въ мѣстномъ обществѣ. Укажемъ на слѣдующій любопытный фактъ. Долги, сдѣланные Каразинымъ въ 1802—4 гг., при основаніи Харьковскаго университета, и затѣмъ увеличенные, благодаря многочисленымъ опытамъ и начинаніямъ Каразина, на которыя тре-

бовалось не мало средствъ, служили постояннымъ бѣдствіемъ, преслѣдовавшимъ Каразина до самой могилы. Въ 1833 году дѣла Каразина дошли до такого печальнаго положенія, что его готовились объявить несостоятельнымъ. Тогда къ нему пришли на помощь мѣстные университетъ и городское общество. Профессора и преподаватели университета, какъ сказано въ оффиціальномъ письмѣ къ предсѣдателю гражданской палаты суда, «не могли остаться въ равнодушномъ бездѣйствіи при семъ, столь близкомъ для нихъ обстоятельствѣ (невозможности для Каразина внести въ срокъ 2,384 рубля въ пользу одного изъ кредиторовъ, обратившагося съ своимъ требованіемъ въ судъ); но движимые сердечною благодарностью и уваженіемъ къ г. Каразину, какъ первому и единственному виновнику основанія здѣсь университета, въ которомъ большая часть изъ нихъ получила образованіе свое, въ которомъ вмѣстѣ съ симъ открыто имъ завидное поприще передавать образованіе молодымъ людямъ и тѣмъ принести усердную дань благоговѣнія согражданамъ своимъ, просятъ взнесть въ помощь г. Каразину собранную ими сумму»—1,280 р.» Это едва ли не единственный въ своемъ родѣ фактъ въ жизни нашихъ университетовъ. Городское общество въ свою очередь внесло въ гражданскую палату 1,200 р. за Каразина, «чувствуя труды и предстательства В. Н. Каразина предъ престоломъ объ учрежденіи въ Харьковѣ университета, который распространилъ свои учебныя отрасли, чрезъ что Харьковъ улучшилъ свое положеніе, а торговый классъ возвысилъ свое состояніе».

Всякое общественное дѣло, начинавшееся на родинѣ Каразина, немедленно находило въ немъ горячаго участника. Съ 1838 г. въ Харьковѣ стали выходить «Губернскія Вѣдомости», и Каразинъ сдѣлался дѣятельнымъ сотрудникомъ, успѣвъ помѣстить въ нихъ за короткое время до своей смерти (въ 1842 г.) двадцать статей, посвященныхъ самымъ разнообразнымъ предметамъ. Тутъ были и популярно-научныя статьи—по химіи и метеорологіи, и статьи техническаго содержанія—«О жженіи угля съ разсчетомъ», «Способъ выгоднѣйшаго и безопаснѣйшаго отопленія зданій», «О заготовленіи дровъ», «О приготовленіи дерева на столярную работу», и хозяйственныя «О посадкѣ картофеля въ поляхъ», «О лѣсоводствѣ или лѣсоразведеніи», «О торгѣ за границу хлѣбными спиртами», и общественно-публицистическія—«Объ открытіи палаты государственныхъ имуществъ», «Нѣчто о

кадастрѣ», «О содержаніи рѣкъ въ городахъ», и педагогическія —«О воспитаніи женскаго пола въ низшихъ состояніяхъ», и посвященныя разнымъ мѣстнымъ событіямъ и т. д.

Но отзываясь горячо на всѣ нужды и вопросы жизни своей родины, понимая подъ таковою Харьковскую губернію или даже Малороссію вообще, Каразинъ въ то-же время постоянно интересовался судьбами всего юга Россіи и по мѣрѣ силъ и возможности работалъ для его процвѣтанія. Его хозяйственные опыты имѣли въ виду вообще условія хозяйства Южной Россіи, а его печатныя работы въ большинствѣ случаевъ также относились ко всему Югу. Особенно занималъ его Крымъ съ своею богатою природою. Еще въ 1804 г., въ запискѣ о сербахъ, о которой было сказано въ своемъ мѣстѣ, онъ выражалъ свою скорбь о Крымѣ, «который мы превратили въ пустыню изъ прекрасной и многолюдной страны, какою онъ былъ у турокъ». Передъ концомъ своей жизни онъ снова обратилъ вниманіе на Крымъ, и въ виду того, что самое важное производство Крыма, дававшее ему наибольшую цѣну—виноделіе—находилось тогда въ самомъ жалкомъ положеніи, Каразинъ занялся вопросомъ о лучшихъ способахъ приготовленія вина. Ему удалось, послѣ ряда опытовъ, установить условія, при которыхъ броженіе совершается наиболѣе благопріятнымъ образомъ, т. е. съ наименьшею потерею спиртовыхъ и ароматическихъ веществъ, и онъ обратился къ правительству съ сообщеніемъ своего открытія. Тогда ему было предложено отправиться въ Крымъ для производства опытовъ въ большихъ размѣрахъ. Плодомъ этой поѣздки явилась записка «Безпристрастный взглядъ на южный берегъ Тавриды и на его произведенія», оконченная Каразинымъ за нѣсколько дней до смерти. Въ запискѣ этой онъ, между прочимъ, подвергъ критикѣ практиковавшіяся тогда мѣры для насажденія и поднятія крымскаго виноделія, которыя дѣйствительно были по меньшей мѣрѣ странны. «Издерживаются 15 т. рублей на Никитскій садъ и его виноделльное училище—писалъ Каразинъ—и за это отправляется ко двору ежегодно 50 боченковъ винограда — съ 50 тысячъ кустовъ». О магарачской школѣ виноделія онъ сообщаетъ самыя печальныя свѣдѣнія, не стѣсняясь, вѣрный своему обыкновенію, говорить правду, какъ она ни рѣзка и ни непріятна. Школа существовала уже 14 лѣтъ, а изъ нея не вышло еще ни одного дѣльнаго садовника. Ученики были исключительно трактуемы какъ рабочая сила. На-

только о научномъ образованіи, но даже объ обученіи грамотѣ учениковъ никто не думалъ, хотя на обученіе учениковъ были ассигнованы нужныя суммы. Словомъ, это была школа, совершенно подобная тѣмъ современнымъ сельско-хозяйственнымъ школамъ, которыя учреждаются частными землевладѣльцами и служатъ только для снабженія имѣнія даровою рабочею силою и предлогомъ для полученія субсидіи отъ казны. Каразинъ представилъ въ своей запискѣ рядъ соображеній о мѣрахъ къ дѣйствительному улучшенію положенія крымскаго виноделія; но мы не будемъ останавливаться на нихъ, такъ какъ это предметъ спеціальнаго характера, а наша работа и безъ того разрослась.

Въ 1839 году Каразинъ отозвался по поводу одного общерусскаго вопроса, составлявшаго тогда злобу дня, да и доселѣ являющагося крупнымъ вопросомъ русской жизни. Мы разумѣемъ польскій вопросъ. Онъ составилъ особую статью, которую думалъ помѣстить въ «Journal de S.-Petersbourg» или въ «Journal des Debats». Однако по какимъ-то причинамъ статья не была напечатана.

Этотъ эпизодъ съ польскимъ вопросомъ показываетъ, что Каразинъ до послѣднихъ дней своей жизни, уже въ глубокой старости (въ 1839 году ему было 66 лѣтъ, а во время поѣздки въ Крымъ 70 лѣтъ) сохранялъ чуткій интересъ къ общимъ вопросамъ русской жизни, равно какъ и къ жизни Европы вообще. По прежнему онъ получалъ множество журналовъ и книгъ и по нимъ слѣдилъ за состояніемъ наукъ и ходомъ жизни. «Его библіотека — по свидѣтельству современника — обнимала, какъ и онъ самъ, всѣ отрасли человѣческихъ знаній». Въ 1836 г. эта библіотека пострадала отъ пожара, причемъ сгорѣло до 5,000 томовъ книгъ и множество рукописей. Гр. Данилевскій вспоминаетъ, какъ онъ, будучи шестилѣтнимъ мальчикомъ, видѣлъ Каразина, худого сѣдого старика, заѣхавшаго въ зимній бурный вечеръ на хуторъ его отца и плакавшаго при разсказѣ о гибели своей библіотеки. Во время этого пожара погибли также мемуары Каразина за время до 1821 года, которые безъ сомнѣнія явились бы цѣннымъ матеріаломъ какъ для біографіи самого Каразина, такъ и для характеристики его времени. Остались только семь томовъ, относящихся ко времени, начиная съ 1821 года. Обширность мемуаровъ станетъ понятною въ виду необычайной обширности сношеній, которыя Каразинъ велъ съ самыми разнообразными лицами, и разно-

образія и многочисленности затѣвавшихся имъ предпріятій. Переписка его была чудовищно-громадна, и доходила до 1.200 писемъ въ годъ. Въ семействѣ его доселѣ сохраняется множество писемъ, писанныхъ къ нему почти всѣми выдающимися людьми его времени. Письма эти должны представлять, понятно, громадный интересъ. Съ собственныхъ писемъ Каразинъ постоянно сохранялъ копіи, которыя снимались немедленно же по написаніи — его грамотными слугами...

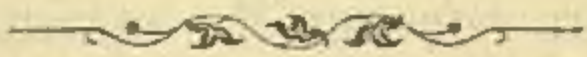
Такъ жилъ этотъ замѣчательный человѣкъ, проживши до 70 лѣтъ. Смерть его настигла въ самомъ разгарѣ дѣятельности, которая никогда не прекращалась. Именно, объѣзжая осенью 1842 г. Крымъ по тогдашнимъ первобытнымъ дорогамъ, чтобы выполнить вышеупомянутое порученіе объ опытахъ надъ улучшеніемъ способовъ приготовленія вина, онъ простудился при ѣздѣ на перекладныхъ въ дождливую погоду, возвращался оттуда уже больной и, добравшись до Николаева, умеръ здѣсь 4-го ноября.

Мы не вдаемся здѣсь въ оцѣнку личности Каразина, его характера, убѣжденій и значенія его дѣятельности, полагая, что такая оцѣнка вполнѣ правильною можетъ быть лишь тогда, когда опубликованіе всѣхъ относящихся къ біографіи Каразина матеріаловъ заполнитъ существующіе въ ней пробѣлы. Думаемъ однако, что и приведеннаго въ нашей работѣ достаточно для того, чтобы признать Василія Назаровича Каразина одною изъ замѣчательнѣйшихъ личностей первой половины настоящаго столѣтія. Онъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія и глубокаго уваженія въ весьма разностороннихъ отношеніяхъ: какъ человѣкъ, такъ много сдѣлавшій для просвѣщенія Россіи, какъ дѣятель по крестьянскому вопросу, какъ мѣстный дѣятель, работавшій для процвѣтанія юга Россіи и наконецъ, какъ ученый. Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія о Каразинѣ во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ слишкомъ не полны. Что касается личной жизни Каразина, то имѣющіяся относительно этого предмета свѣдѣнія настолько ничтожны, что мы предпочли совсѣмъ не затрогивать этой стороны его жизни, предоставляя ее будущему біографу, который будетъ располагать болѣе полными свѣдѣніями.

Совершенное забвеніе, которое выпало на долю Каразина со стороны русскаго общества вообще, было раздѣлено и мѣстнымъ харьковскимъ обществомъ. Только черезъ 20 лѣтъ, въ 60-е годы,

о Каразинѣ вспомнили наконецъ въ мѣстномъ обществѣ, но только какъ объ основателѣ Харьковскаго университета. Именно 17 января 1865 года, когда исполнилось 60-ти-лѣтіе со времени фактическаго открытія Харьковскаго университета, на устроенномъ по этому случаю обѣдѣ вспомнили о Каразинѣ, причемъ застольные ораторы завели рѣчь о необходимости поставить ему памятникъ въ Харьковѣ на площадкѣ университетской горки и объявить премію за составленіе его біографіи. Разговоры эти остались однако разговорами, и только въ 1873 г., когда исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія Каразина, а вмѣстѣ съ тѣмъ 70 лѣтъ со времени указа объ основаніи Харьковскаго университета, послѣдній порѣшилъ почтить память своего основателя и открыть для полученія нужныхъ средствъ подписку. Подписка эта въ скоромъ времени и была открыта. Мѣстное губернское земство ассигновало на памятникъ 5,000 р. и кромѣ того 6,000 р. на учрежденіе въ Харьковскомъ университетѣ стипендіи имени Каразина. Однако и теперь, черезъ 18 лѣтъ, памятника все еще нѣтъ. Очевидно, до сихъ поръ подписка не дала нужной суммы.

Намъ думается, что, принимая во вниманіе характеръ Каразина, пренебрегавшаго всегда внѣшними почестями, равно какъ и характеръ его дѣятельности, всегда направленной къ дѣйствительной, существенной пользѣ для ближнихъ, чествованію памяти этого замѣчательнаго человѣка всего менѣе приличествуетъ выразиться постановкою мертваго памятника. Такой памятникъ долженъ быть живымъ, и имъ всего естественнѣе было бы созданіе какого-либо образовательнаго учрежденія, связаннаго съ его именемъ,—въ виду того значенія, которое онъ придавалъ народному образованію, и того содѣйствія, которое онъ оказалъ насажденію просвѣщенія въ Россіи.



Учебныя руководства и пособія.

КУРСЪ НАЧАЛЬНОЙ МЕХАНИКИ. И. Рыкачева. Съ 197 рисун. Ц. 1 р. 50 к.
ПРАКТИЧЕСКАЯ ГЕОМЕТРІЯ. А. Заблоцкаго. Съ 300 чертежами. Ц. 60 к.
КУРСЪ МЕТЕОРОЛОГІИ И КЛИМАТОЛОГІИ. Профес. Лѣснаго Инстит. Д. Лачинова. Съ 122 рис. и 6 карт. Ц. 2 р.
ОСНОВАНІЯ ХИМИЧ. ТЕХНОЛОГІИ. В. Селезнева. Съ 70 рис. Ц. 1 р. 50 к.
ПОЛНЫЙ КУРСЪ ФИЗИКИ. А. Гано. Переводъ Ф. Павленкова и В. Черкасова. 7-е изд. Ц. 4 руб.
ПОПУЛЯРНАЯ ФИЗИКА. А. Гано. Перев. Ф. Павленкова. Съ 604 рис. Ц. 2 р.
КРАТКАЯ ФИЗИКА. М. Герасимова. Съ 335 рисун. и 214 задачами. Ц. 1 р.
ПОПУЛЯРНАЯ ХИМІЯ. Н. Вальберха и Ф. Павленкова. Съ 50 рис. Ц. 40 к.
УЧЕБНИКЪ ХИМІИ. А. Альмедингена. 96 рис. и 140 задачъ. Ц. 2 р.
ОБЩЕПОНЯТНАЯ ГЕОМЕТРІЯ. В. Потоцкаго. Съ 143 фиг. Ц. 40 к.
ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ ФИЗІОЛОГІИ. Бурдонъ Сандерсона. Переводъ д-ра Фрндберга. Переработанъ русскими профессорами. Въ 2-хъ частяхъ со многими рисунками. Цѣна въ одной книгѣ 5 р.
СБОРНИКЪ АРИѲМЕТИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ. Лубенца. 7-е изданіе. Ц. 40 к. Тотъ же „Сборникъ" по частямъ: Годъ I—12 к. Годъ II—15 к. Годъ III—20 к.
САМОСТОЯТЕЛЬНЫЯ РАБОТЫ въ начальной школѣ. Т. Лубенца. Ц. 15 к.
УЧЕБНИКЪ ГЕОГРАФІИ для город. училищъ. И. Плетенева. Съ рис. Ц. 30 к.
МЕТОДИКА АРИѲМЕТИКИ. С. Житкова. 3-е изд. Ц. 75 к.
СБОРНИКЪ АРИѲМ. ЗАДАЧЪ СЪ УЧИТЕЛЕМЪ. Приложеніе къ „Методикѣ ариѳметики". С. Житкова. Ц. 40 к.
СБОРНИКЪ САМОСТОЯТ. УПРАЖНЕНІЙ ПО АРИѲМЕТИКѢ. Задачникъ для учениковъ. С. Житкова. 2-е изд. Ц. 25 к.
ЭПИЗОДИЧЕСКІЙ КУРСЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ. А. Кузнецова. изд 2-е. Ц. 1 р.
НАГЛЯДНАЯ АЗБУКА. Ф. Павленкова. Съ 800 рис. 10-е изд. Ц. 20 к.
ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ „НАГЛЯДНОЙ АЗБУКѢ". Ф. Павленкова. 7-е изд. Ц. 15 к.
РОДНАЯ АЗБУКА. Ф. Павленкова, 7-е изд. съ 200 рис. Ц. 5 к.
АЗБУКА-КОПѢЙКА. Ф. Павленкова. 7-е изд., 12 стр. 100 рис. Цѣна 1 к.
НАГЛЯДНО-ЗВУКОВЫЯ ПРОПИСИ. Ф. Павленкова. 1) „КЪ РОДНОМУ СЛОВУ" Ушинскаго (400 рис.) 2) „КЪ АЗБУКѢ БУНАКОВА" 460 рис.). 3) КЪ „ПЕРВОЙ УЧЕБНОЙ КНИЖКѢ" Паульсона (430 рис.). 4) КЪ „РУССКОЙ АЗБУКѢ" Водовозова (470 рис.). 5) ОБЩІЯ НАГЛЯДНО-ЗВУКОВЫЯ ПРОПИСИ (къ другимъ азбукамъ) (464 рис.). Цѣна каждой книжки 8 к.

НАШЪ ДРУГЪ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Барона Н. А. Корфа. 5-е изд. съ 200 рис. Ц. 75 к.
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ХРЕСТОМАТІЯ. А. Тарнавскаго. Для низш. учебн. заведеній и млад. классовъ гимназій. Съ 125 рисунками. 4-е изд. Ц. 60 к.
НАЧАЛЬНАЯ РУССКАЯ ГРАММАТИКА. Н. Бучинскаго. Ц. 30 к.
ЗЕРНЫШКО. Первая послѣ азбуки книга для чтенія и письма. Т. Лубенца. 1-я книга Ц. 30 к. 2-я книга. Ц. 40 к.
РУКОВОДСТВО къ „ЗЕРНЫШКУ". Лубенца. Ц. 50 к.
ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКІЙ БУКВАРЬ. Т. Лубенца. 2-е изд. Ц. 5 к.
РУКОВОДСТВО КЪ „ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМУ БУКВАРЮ". Т. Лубенца. Ц. 15 к.
КНИГА ДЛЯ ОБУЧЕНІЯ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКУ А. Карюкова. Ц. 20 к. «Замѣтки для учителя», обучающаго по этой книжкѣ—10 к.
РУССКОЕ СЛОВО. А. Павлова. Хрестоматія для гор. училищъ. Ц. 1 р.
РУКОВОДСТВО къ „РУС. СЛОВУ". Ц. 60 к.
АЗБУКА ДОМОВОДСТВА и ДОМАШНЕЙ ГИГІЕНЫ. Сост. М. Клима. Ц. 75 к.
300 ПИСЬМЕН. РАБОТЪ. Задачи для упражненій въ письмѣ для 3-хъ отдѣленій начал. школы. Н. Корфа. Ц. 15 к.
ПЕРВОНАЧ. ПРАВОПИСАНІЕ. Диктовки и грам. правила. Н. Корфа. Ц. 12 к.
ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ФИЗИКОЙ. М. Герасимова. Съ 96 рис. Ц. 50 к.
СБОРНИКЪ АЛГЕБРИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ. М. Савицкаго. Ц. 40 к.
ПЕРВЫЯ ПОНЯТІЯ О ЗООЛОГІИ. Поля Бера. Переводъ подъ ред. проф. П. Мечникова. 345 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. Въ папкѣ 1 р. 20 к., въ переп. 1 р. 50 к.
КРАТКІЙ КУРСЪ БОТАНИКИ. М. Сіккова. Съ 118 рис. Цѣна 50 к.
СБОРНИКЪ ЗАДАЧЪ ПО РУССКОМУ ПРАВОПИСАНІЮ. Разграева: 1) Элементарныя свѣд. о правоп. словъ. Ц. 50 к. 2) Систематическія свѣд. о правоп. словъ. Ц. 50 к. 3) Элемент. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к. 4) Систем. свѣдѣнія о знак. препинанія. Ц. 35 к.
ДЕШЕВЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ. Десять раскрашен. картъ. Ц. 30 к.
ОЧЕРКИ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ. Григоровича. 5-е изд. 52 портрет. Ц. 2 р.
ОБЩЕДОСТУПНОЕ ЗЕМЛЕМѢРІЕ. А. Колтановскаго. 279 рис. Ц. 75 к.
РИСОВАНІЕ АКВАРЕЛЬЮ А. Касаня. Перев. съ франц. О. Кочетовой. 120 политип. и 6 акварел. Ц. 1 р. 50 к.
ОГОРОДНИЧЕСТВО. Практическіе совѣты Ф. Шубелера. С. 130 рис. Ц. 60 к.
НАЧАЛЬНЫЙ КУРСЪ ГЕОГРАФІИ. Корнеля. 11-е изданіе, съ 10-ю раскрашен. карт. и 82 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

Съ осени 1890 года издается задуманная Ф. Павленковымъ біографическая библіотека подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ составъ этой библіотеки войдутъ біографіи слѣдующихъ лицъ:

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ

Байронъ, Бальзакъ, Ф. Беконъ, Бетховенъ, Бисмаркъ, Боккачіо, Р. Вагнеръ, Вашингтонъ, Л. Винчи, Вольтеръ, Галилей, Гарвей, Гарибальди, Гаррикъ, Гейне, Гете, Гладстонъ, Говардъ, Григорій VII, А. Гумбольдтъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго, Дагерръ, Дантъ, Дарвинъ, Декартъ, Дженнеръ, Д дро, Диккенсъ, Жоржъ-Зандъ, Золя, Кантъ, Кальвинъ, Кеплеръ, Колумбъ, Контъ, Конфуцій, Коперникъ, Р. Кохъ, Кромвель, Кукъ, Кювье, Лавуазье, Лессепсъ, Лессингъ, Ливингстонъ, Линкольнъ, Линней, Лойола, Лютеръ, Магометъ, Маккіавелли, Мальтусъ, Меттернихъ, Микель-Анжело, Мольеръ, Мильтонъ, Мирабо, Мицкевичъ, Морзе, Томасъ Моръ, Моцартъ, Наполеонъ I, Ньютонъ, Оуенъ, Паскаль, Пастеръ, Песталоцци, Прудонъ, Рабле, Рафаэль, Ротшильдъ, Руссо, Свифтъ, Сервантесъ, В. Скоттъ, А. Смитъ, Спиноза, Стенли, Стефенсонъ, Теккерей, Уаттъ, Фарадей, Франклинъ, Францискъ Ассизскій, Фультонъ, Шекспиръ, Шиллеръ, Шопенгауеръ, Эдисонъ, Эразмъ и другіе.

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ.

Аввакумъ, Аксаковы, Аракчеевъ, Боткинъ, Бѣлинскій, В. В. Верещагинъ, Волковъ (основатель русскаго театра), Глинка, Гоголь, Грановскій, Грибоѣдовъ, Демидовы, Достоевскій, Зининъ, Каразинъ (основатель харьковскаго университета), Карамзинъ, Катковъ, Кольцовъ, Крамской, Крыловъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ, Менделѣевъ, Некрасовъ, Никонъ, Новиковъ, Островскій, Петръ Великій, Пироговъ, Посошковъ, Пржевальскій, Пушкинъ, Салтыковъ, Скобелевъ, Сперанскій, Суворовъ, Л. Толстой, Тургеневъ, Гл. Успенскій, Шевченко, Щепкинъ и другіе.

Каждому изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ посвящается **особая книжка,** *заключающая въ себѣ отъ 80 до 100 страницъ текста и портрет.*

Цѣна каждой книжки—25 коп. *Все изданіе будетъ закончено втеченіи двухъ лѣтъ, т. е. въ 1893 году.*

2007050435